

Елена Аксенова

**Лавандовый раф,
80% арабики**

Елена Михайловна Аксенова

Лавандовый раф, 80% арабики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69245002

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодая девушка начинает вести дневник в надежде на хорошую писательскую карьеру. А пока ее работа – организация мероприятий, которая, в общем-то, ее вполне устраивает. Она живет в большом городе, пьет много кофе и безответно вздыхает по своему лучшему другу. Но вся обычная действительность переворачивается, когда в ее жизни появляется ложь.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	15
Глава 3.	27
Глава 4.	42
Глава 5.	53
Глава 6.	64
Глава 7.	74
Глава 8.	80
Глава 9.	91
Глава 10.	103
Глава 11.	112
Глава 12.	130
Глава 13.	141
Глава 14.	149
Глава 15.	156
Глава 16.	170
Глава 17.	180
Глава 18.	195
Глава 19.	207
Глава 20.	219
Глава 21.	233

Елена Аксенова

Лавандовый раф, 80% арабики

Глава 1.

Вересковая пустошь под тёмным небом раскинулась до самого горизонта. Я бегу сквозь туманную перспективу спрятаться от приближающейся грозы. Воздух тяжёлый настолько, что я остро ощущаю свои рёбра под гнетущими лёгкими. Мне нужно укрыться. Это всё, что я могу разобрать в своих мыслях. И я иду, чувствуя ногами трясущиеся растения. Я не знаю, что это, я бывала тут только в романах Бронте или Коллинза. Надвигающаяся буря вызывает у меня приступ ужаса и восхищения. Я трепещу.

Не понимаю, как я оказалась в своей комнате на Мясницкой. Мне всё также не хватает воздуха, перед глазами плывёт. Я знаю, что умираю, но мои страдания не заканчиваются, они накатывают снова и снова ноющими волнами. Говорят, есть вещи, которые намного страшнее смерти. Я в это верю. Слёзы уже не текут по моим щекам, я обессилена, но вокруг так темно и пусто, что я уверена – до утра мне не дотянуть. Сердце разорвётся не через минуту, так через две.

Мне нечем дышать. Как бы я хотела, чтобы это закончилось, как бы я хотела ничего не чувствовать. “Это надо пережить. Это просто надо пережить,” – моя любимая мантра доносится из самых глубин подсознания. Я собираюсь в комок, прижимая к себе выдавшего вида потрёпанного бегемота, и произношу его имя. Ещё раз. Сквозь рыдания, громче. Он меня услышит, он меня не оставит. “Вернись ко мне... Вернись ко мне!”

Свет бьёт мне в глаза так неожиданно, что я почти сваливаюсь с кровати. Но если у вас когда-то были кошмары, вы поймёте, что лучше уж сломать руку об тумбу, разбив пару дорогих флаконов, чем оставаться в дебрях своих жутких мыслей.

Мой разум всегда действует одинаково: он мешает реальные воспоминания, самые отвратительные, естественно, с моим богатым воображением и рождает то, что заставляет меня мучиться фобией сна. Справедливости ради, это происходит нечасто, но одинаково неприятно.

Я начала делать записи, потому что решила, что моё призвание в литературе. А, как известно, если хочешь сделать что-то стоящее, вытащи своё нутро. Кому-то, наверное, становится легче от ведения дневников, но мне куда приятнее уединяться в мире книг, в другую реальность, не относящуюся ко мне лично.

Однако писать нужно о том, что ты знаешь.

О чём я могу рассказать искушённому читателю? Лучше

всего я знаю одиночество и все сопутствующие отрасли, как говорят у меня на работе. Ах да, моя работа.

В общем-то, организация мероприятий – это сплошной крошечный ад, полный веселья и интересных людей. Я обожаю ту суматоху, с которой мы работаем в полях. Поедание мака почти под столом в своём 3-х секундном перерыве, бесплодные попытки сбежать в туалет, разрывающийся телефон – да, такой стресс мне по вкусу. И всё бы складывалось идеально в картине моей деловой жизни, если бы не чёртовы продажи. Вот он! Вот котёл, который сведёт с ума любого грешника! Мне, как человеку по-барски гордому, претит навязывание услуг людям, пусть даже и очень хороших. Я ненавижу надменность, с которой они слушают мои пылкие речи, великодушие, с которым они разрешают отправить ту же самую информацию по почте, и беспечность, с которой относятся к работе даже после подписания контракта. Вы знали, что взрослые люди заставляют с собой нянчиться похлеще детей? Да-да, отрываются по полной.

Если что, именно поэтому я со всей чуткостью отношусь к любому представителю сферы услуг. Уважение – это отличная основа для построения любых отношений, а ведь мы никогда не знаем, с кем нам придётся эти самые отношения строить. Вклад в будущее, так сказать.

Но есть правило любых весов (а я Весы, по зодиакальному знаку): одна чаша всегда перевешивает другую. Так принимаются решения. Это заставило меня ждать повышения с

секретаря до менеджера почти 3 года. А сейчас это заставляет меня заниматься самой отвратительной частью – базами. Попробуйте провести за тупой однообразной работой в Excel целый день. А потом ещё один. А теперь это перетекает в неделю. В месяц. Да, самый отвратительный период организатора – продажи.

Но тут есть весомые плюсы.

Во-первых, кофейня прямо по пути к офису с очаровательным бариста. За полгода мы не продвинулись дальше “здравствуйте”, “лавандовый раф, 80% арабики”, “держите”, “спасибо”, “хорошего дня”, но ведь я оптимист.

Во-вторых, мои куклы. Контент-менеджер и специалист по закупкам. Великолепные девочки, разные как облако и лопух, но равно привлекательные личности.

Сначала расскажу о Лиде. Она наполняет наши будни грамотным текстом и перестала ворчать по поводу парковки в центре только, когда я предоставила ей собственный двор для этих целей. Её стихия – high fashion, у неё модный бьюти-блог в социальных сетях и подработка моделью. Когда она переступила порог нашего кабинета в своём красном пиджаке и со жгучим шлейфом уверенности в себе, я подумала: “Вот уж с кем я точно не подружусь”. Та-дам!

А вот Марина – это человек “я знаю всё, а если нет, то узнаю”. Она была секретарём до меня и поверьте, приходиться на место человека, которого все обожают очень сложно. Тогда мне не доверяли проекты, я занималась достаточно по-

верхностной работой. Но всегда была оговорка “а вот Марина...”. Мда... Планку она задала мне, не дай Бог каждому. Но она и помогала мне с этим барьером. За руку, как ребёнка, она провела меня по офису, презентовала всем структурам и, честно говоря, я не видела, чтобы кого-то после принимали с таким участием.

Было, конечно, в нашей истории 4 колесо. Несостоявшийся художник, продавший великое искусство тленному дизайнеру, Климент. Своим именем он обязан научной диссертации отца, историка, и матери с тончайшей душевной организацией. Женщина в 20 лет, порхающая как бабочка на цветке, выглядит очаровательно, но вот в 50 быть настолько далёкой от реальности странно, на мой взгляд. Я видела её много раз, часто в театральных, до жути искусственных па, за которые наш друг краснел и бледнел, но увы, родителей не выбирают.

В общем-то, он зашёл к нам в компании через Лиду, с которой в тот момент мы уже были дружны, хотя и посмеивались над её попытками говорить о высоком, выкладывая фото в белье. Он подписался на неё, она на него. Честно говоря, меня всегда смущала эта современная привычка, потому что есть крайне мало людей, чья жизнь представляет для меня интерес. Не хочу я видеть, чем позавтракала начальница соседнего отдела и какой паук залез к ней в номер во время отпуска. Для этого у неё есть друзья.

Но это всё неважно, потому что в один день Климент набрался храбрости и написал ей с предложением пообедать. Мы

с Мариной были уверены, что это свидание, но Лида и слышать не хотела. Это был наш первый из многих совместных обедов.

Пропуская все хитросплетения судьбы, наши подозрения, Лидино увлечение и всеобщие разговоры, подведу краткий итог. Мы с согласия девушки почти создали идеальную медиа пару, но вот только Клим оказался другого поля ягода, о чём страшно боялся нам признаться. Тут сразу оправдались многие моменты нашего общения и мы, как настоящие тётки, благословили его на переезд к курортной любви в тропическую страну. Теперь мы общаемся редко и практически безучастно.

В принципе, моя работа меня почти уже устроила, но желание быть кем-то большим, чем рядовой житель планеты, двинуло на серьёзный анализ собственных навыков. Книжки я любила с детства, отчего всегда выбивалась из пейзажа стандартной провинциальной жизни 00-х, пропитанного Ягуаром и тонкими сигаретами со вкусом клубники. Нет, я не была изгоем, моё поступление в столичный ВУЗ отмечали с размахом. Я гуляла до утра в компании 6 подруг (сейчас из них осталось со мной 0), ходила в первый и пока последний местный клуб, танцевала и веселилась. У меня даже были пародии любовных отношений. Но все эти попытки вписаться в реальность маленького города не привели к хорошим результатам. Я сбежала в большой город от “как у людей” и была счастлива своим решением.

Мне было 16, когда я вышвырнулась из гнезда с полным незнанием самостоятельности и мегаполиса. И хоть прошло много лет прежде, чем я поняла, кто я есть, тяжёлых и иногда безрадостных дней, я всегда знала, что переезд был не просто правильным решением, он был моим выбором, единственным.

Так... Куда я ушла? Ах да, творчество! Мой первый стих канул в лету (и Слава Богу!). Это было произведение про разбитое доверие (естественно), ведь подростки смотрят на мир через максимализм. Промолчу про рифмы, которые я встречала и в последующих своих произведениях. О, из старой тетради в забытие была отправлена как минимум половина стихов. Вторую половину пришлось нещадно редактировать и в хвост, и в гриву. Годные стихи я начала слагать только когда мне перевалило за 20.

С прозой всё было иначе. Мой первый рассказ, который я до сих пор считаю чудом, был написан осознанно и выдержанно.

Да, стоит упомянуть, что в студенческие годы у меня была подруга Лиза. Рыжая и несносная, много курящая и слишком странная, долговязая и угрюмая. Она писала объёмные истории для женского чтива, где однотипные мужчины силой заполучали однотипных женщин, а потом совершенно однотипно в них влюблялись. Я честно прочитала первую историю и тут же призналась, что такое не для меня. К моему удивлению, Лиза тоже была не в восторге от собственных

произведений, но у неё была аудитория, наработанная годами, которая не хотела думать о вечном, она жаждала мускулистого Жана и робкую Екатерину в углу московского клуба. Так появлялись на свет “рабыня желаний”, “дикий охотник” и т.д. и т.п.

Когда я сейчас оборачиваюсь на те дни, то понимаю, что Лизе самой нравились те истории, но она не могла в этом признаться хотя бы себе. Такое не подходит любительнице Iron Maiden и Slipknot. Она же серьёзная девушка, читающая Толстого от корки до корки. Она филолог. Она первая кидаёт помидор в тех, кто называет подобные чтива литературой. Она точно знает, как быть “крутой”. Правда я всегда считала, что важнее быть счастливой.

Лиза нашла тетрадку со стихами в моей комнате в общежитии. Да, она любила без спроса трогать людей и вещи, чем доводила меня до немого гнева. В общем, она нашла эти недотворения и рассыпалась в комплиментах, как только я вошла в дверь с ковшом острой корейской лапши (наследие моей соседки с Сахалина). Я не знаю, каким чудом я не убила её тем же ковшом, но ей потребовалось пару лет, чтобы уговорить меня не писать в стол. Не так-то просто вытащить наизнанку себя настоящего, особенно когда сверху такой тяжёлых костюм разнообразных комплексов. А мой был потяжелее доспехов средневекового рыцаря.

Первые попытки получить призвание начались на сайте для домохозяек, где писала сама Лиза. Первый лайк, пер-

вый комментарий. Я была уверена, что проснусь писателем в собственном загородном доме с колоннами и кучей собак. Я жаждала признания, как голодный хлеба, но увы и ах, чуда не произошло.

Многие люди говорят, что ничего нет страшнее первого разочарования. Но я уверяю вас, что самое настоящее – третье. Вот вы опубликовали свой первый рассказ. Ничего. Обидно, но ведь это просто случайность, думаете вы. Второй рассказ остаётся в тех же низинах графоманства. Обидно, но ведь это совпадение, думаете вы. На третьей попытке дойдёт даже до тупого. Человека накроет разочарование, он уверится в своей бесталанности и бросит к чёрту заниматься детскими глупостями. Я нет.

Конечно, случившееся оставило во мне чёткое убеждение, что мне никогда ничего не будет даваться по удаче, я всё буду получать трудом. И я ушла в подполье, забросила эту платформу, писала то, что мне нравилось и закидывала издательства своими рукописями.

Это моя шестая книга и не последняя. Опуская бесконечные истории о моих тщетных попытках бросить, подтверждаю лишь, что литература – это болезнь, от которой вылечится невозможно. И Слава Богу.

Но постоянный игнор со стороны издательств (с учётом того, что они печатают иногда) сильно подрывают самооценку. Есть творцы, в которых безоговорочно верят близкие, есть те, у кого воздыхатели. Хотя бы кто-то повторяющий

“ты талантлив”. У меня всегда была только я.

Про Лизу закрою тему, потому что перед выпускным она, совершенно неожиданно для меня, вышла замуж за кого-то парня из Новосибирска и уехала туда, только волосы развились. Я даже не знала, что у неё появился интернет-друг, с которым они виделись два раза. Два раза! Самая рациональная в мире женщина вышла замуж за фактически незнакомого человека. Напоследок она сказала, что не говорила мне о нём, потому что знала, что я стану завидовать её счастливой личной жизни. Тут-то я и присела. Мы не общались три года, однако прямо после первой годовщины окончания мною магистратуры, Лиза объявилась в вк, постучалась в друзья и как ни в чём ни бывало предложила встретиться. Честно говоря, любопытство заставило меня согласиться, и вот в студенческом кафе я пыталась сбежать от ужасающих подробностях чужой личной жизни. Вообще-то, я не собиралась злорадствовать. Но два раза, упаси, Боже! После 3-х часовой сводки невыносимых привычек Геннадия мне удалось смыться под предлогом свидания. Чувство такта, никогда ей не свойственное, приобрело межгалактические масштабы. Лиза сыпала меня вопросами по дороге к метро о том, кто этот человек, сколько зарабатывает, сколько ест, как носит носки. Её тётское отношение к жизни напоминало мне куриц, которых я так недолюбливала в детстве. С такими же бездушными глазами она ступала грязными лапами по чужому личному и не понимала, что есть места, куда её вовсе не приглашали.

А сколько времени потребовалось, чтобы она перестала преследовать меня. Я человек скромный, всегда сначала выступаю с намёками. Но такую непроходимую наглость пришлось обрубить блокировкой, чего я никогда не делала раньше. На что Лиза завела другой аккаунт и спросила, зачем я так поступаю с подругой, чтобы я не думала, что раз она разведена, она в худшем положении, что она всё ещё хуже меня и т.д. и т.п. Теперь доступ к сообщениям у не друзей закрыт.

Только что мне пришло сообщение от издательства. Моя рукопись на рассмотрении. Давайте, давайте, я уже пишу новенькое. Можете отказывать мне до бесконечности, но как говорит моя подруга, упорные гораздо сильнее одарённых, потому что они точно знают, зачем делают это. Всё, что я могу сделать для себя – не позволять другим решать, кто я и чего я стою. Аминь.

Глава 2.

Вообще-то, меня сложно назвать тусовщицей. Я человек режима и выход за рамки всегда происходит настолько некомфортно, что требуется время прежде, чем я решу повторить попытку.

Но ай-на-нэ в крови заставляет меня мчаться из дома по поводу и без. Может, мне просто одиноко совсем одной в крохотной комнатке на Мясницкой.

Я люблю завтракать вне своих стен по выходным. Волшебное утро, когда спешить куда-то преступление, гонит меня прочь из раздолбанной коммуналки на красивые центральные улицы Москвы. Заказываешь кофе и сэндвич, например. Смотришь на прохожих, лелеешь надежды. Ты уже не рядовой сотрудник офиса, ты человек, который смотрит на других людей, которые тоже никуда не торопятся, и лениво осмысливают свою жизнь.

Анализ. Если и есть женщины, которые себя не накручивают, я таких не знаю. Взять хотя бы ту же Лиду. Вот, кто может до бесконечности рассуждать на тему “а если”. “А если я потеряю карту”, “а если он мне не позвонит”, “а если я не доеду на 2 км хода”. Иногда мне кажется, что человек способный переживать из-за результата будущего маникюра три дня к ряду, просто не осознаёт, какие у людей бывают проблемы.

Но суть не в этом. Моя любовь к выходу в свет подталкивает меня на разного рода эксперименты. Например, на встречу с Лидой и её подругой Марго. Боже правый, это было действительно весело.

Начнём с того, что я выбрала для общей прогулки стандартные кроссы и джинсы. Крашусь я вообще только по особым случаям (спасибо долгосрочной краске для ресниц и бровей, плюс увлажняющей помаде). Стоит ли упоминать, как нелепо я выглядела рядом с двумя худенькими дамами на шпильках и при полном параде?

– В общем, все мои поцы были реально крутые, при тачке и хате, – я отрешённо смотрела на её миниатюрное платье на бретелях в ожидании обзора чужих трусов (если она их вообще носила). – А тут подваливает ко мне какой-то чувак из Саранска с приглашением на кофе. Не, ну прикинь?

– Шок контент!

Я улыбнулась, потому что Лида удивительно быстро деградировала от любительницы философских речей до медичуки с большими запросами. Мне нравились любые её маски.

– Дальше хуже! – Марго едва держится на своих каблуках, поэтому максимально увеличила амплитуду колебания бёдер. Всё ради сохранения драгоценного равновесия. – Вместо рестика он тащит меня на лавку, дышать воздухом, видите ли.

– Охренеть!

Я осторожно хихикаю, на меня не обращают внимания, так как улица Маросейка достаточно узкая, чтобы позволить мне идти с ними вровень.

Субботний вечер в центре Москвы – это бесконечная попытка занять место в приличном заведении и, наконец, покушать. По крайней мере, я, в отличие от своих худосочных спутниц, преследовала именно эту цель. Лето в этом году было куда теплее, чем в прошлом, чему я радовалась мало. Всему виной моя лютая неприязнь к высоким температурам (в бане я обычно отсиживаюсь в бассейне). Но вот девочкам нравилось оголять свои прелести и ловить жадные взгляды прохожих. Однако шпильки предпочитают сидячий образ жизни.

Мы всё-таки умудрились упасть на веранду хорошенького местечка прямо в переулке. Я изучала меню с некоторым беспокойством: слишком много рыбы для одного листка бумаги. Девочки осматривали наших соседей и подмечали, кто из знаменитостей мог бы показаться в таком непримечательном месте. Мне было это неважно.

Под лимонад из смородины и мяты я летала по столам, скучая по тому, чего у меня никогда было. Задушевная компания. Такие люди, которые бы разделяли большую часть моих пристрастий, с которыми мне бы было уютно, что ли. Да, пожалуй, это самое подходящее слово – уют.

Честно говоря, я не помню веселья без какого-нибудь “но”. Всегда какой-то раздражающий фактор. Сейчас это

были попытки Марго закадрить соседнего дядьку с отвратительно приглаженными волосами. Да и говорить мне не предоставлялось возможности. У меня не было мужчины (даже если бы был, я никогда не обсуждаю личное), креативных идей по продвижению личного бренда, и я совсем не разбиралась в последней коллекции Гуччи. Меня вполне себе устраивало теряться в собственных раздумьях, я делала это чаще, чем позволяют приличия и здравый смысл. И вот, что я поняла.

Мне была необходима семья, свой дом, дети. За 27 лет я скопила огромное количество нежности и заботы. Тут стоит сделать пометку, что у меня давно уже нет отношений.

Я не знаю, как кто-то умудряется не оставаться в одиночестве и постоянно скакать от одного парня к другому. За всю историю становления цивилизации всего у одного мужчины получилось запрыгнуть под мой зонт в проливной ливень (это я в прямом смысле слов, если что). Хм, раз уж я тут совершенно откровенна, оставлю Марго и Лиду за обсуждением какой-то блогерши и кратко опишу сию драму.

Это был май 2010. Я заканчивала первый курс университета. Не поймите неправильно, конечно, в подростковом возрасте у меня были заинтересованные товарищи, но как я говорила ранее, это просто подобие отношений. В общем, после пятичасовой поездки в машине вместе с тётёй (уверявшей меня, что с её дачи можно добраться за 20 минут) я вышла на Воробьёвых горах, прогуляться. Моё затёкшее те-

ло требовало ходьбы и кофе, несмотря на дождь. Огромный мужской зонт мне выдал дядя, так его совесть была спокойна. Я не отказывалась, хоть и люблю временами промокнуть.

И вот иду я себе, где-то между деревьями, далеко от людей, как вдруг в максимальной близости от меня появляется молодой человек. Этот жук решил воспользоваться моим средством защиты от простуды, чем привёл меня в молчаливый шок. Я бы огрела его этим же зонтом по горбу, но он был слишком симпатичным. Так я узнала, что некоторые люди улыбаются глазами. На метро я в тот день опоздала, как и он. Мы провели ночь за разговорами на лавочке, а потом с утра позавтракали в шатре около Лужников. Такую историю и внукам рассказывать не стыдно.

Это была судьба, я знала точно. Такого родственного чувства я не испытывала ни к одному человеку до него. Мы говорили часами, мы проводили вместе всё свободное время. Я спала по 2 часа, сдавала экзамены и в перерывах готовила сэндвичи для наших пикников. Это было незабываемое лето, меня носило над землёй и ничего не могло сокрушить счастья внутри.

Мы оба были студентами, поэтому парки стали нашим пристанищем. Заготовленные пледы, напитки и еда, в общем-то, больше и не нужно человеку. Почти всё время мы проводили на воздухе и нас это устраивало. Познакомили друзей.

Он принимал меня, как есть. Делал то, чего не делал рань-

ше. Я знаю это с его слов, но у меня нет причин не доверять ему. Тогда не было. Всё из-за видео, снятого нашими, уже тогда общими, друзьями. О, Боже, не может равнодушный человек так смотреть на другого человека. Теперь я удалила это свидетельство его любви, но тогда я пересматривала его ежедневно. После 17 лет пустоты меня наконец любили, обо мне заботились. Я чувствовала, что важна ему. И я поверила, поверила в правоту этих чувств.

Но с осенью пыл поугас. Я уже не помню, какую глупую причину он выбрал для расставания, но было очевидно, что это предлог. Много лет после я мечтала встретить его и спросить, что же случилось на самом деле. Но когда представился случай, это было уже неважно.

Как и всегда, я спасла себя сама, своей гордостью и упорством. Оставалась неделя до моего 18-летия, но я запретила себе оплакивать предателя, оставившего меня без толковых объяснений, без разговора. Резкость моего характера, слегка поистрепавшаяся с возрастом, тогда была в самом расцвете. Я пережила этот удар с улыбкой.

Он объявился через полгода. Писал мне с просьбой, если не вернуться, то хотя бы остаться друзьями. Рассыпался в признаниях, что без меня не может, что я нужна в его жизни в любом качестве, на которое буду согласна. Он каялся, он хотел искупить свою вину.

Если бы только я могла, если бы я могла... Нет, опыт показал, что я не могу дать человеку второй шанс. Есть точка

невозврата, мы её прошли.

Я больше ему не верила, это невозможно было исправить. То, что он развалил внутри меня, склеенным бы резало и меня, и его. В итоге два человека мучились бы взаимными упрёками и непониманием. Нельзя позволить человеку осознать, что он может обойтись без вас.

Если когда-то вы терзали судьбу вопросами, знайте, что как бы банально это не звучало, всё происходит только так, как надо. Кто должен быть в нашей жизни, кто исчезнет из неё. Кто вытрет ваши слёзы, а кто добавит. Кто будет заботиться о вас, а кто только считать, что делает это. Кто будет вас по-настоящему любить, а кто просто принимать как данность. Мимо своего не пройдёшь. А если вы ещё не встретили того самого, не давайте ослабить вашу веру. Пусть многие говорят про быстротечность, бытовуху и 3 года. Так будет у них, не у вас, ибо есть только то, во что мы верим. А ещё, иногда не сбывшиеся желания и есть огромная удача.

От этих мыслей меня оторвала шипящая сковородка, поставленная официантом прямо перед моим лицом. Лида с грустью посмотрела на меня, при подругах она предпочитала авокадо бургерам. Марго многозначительно подняла бровь, я знала, что она осуждает мой не 0 размер, но мне было глубоко плевать.

Жаркое было явно вкуснее салата с брынзой. Когда я закончила, девушки всё ещё вяло таскали рукколу по тарелкам. Я попросила кофе.

– Не пойми неправильно, но ведь все сейчас перешли на гречишный чай. Кофе вреден для кожи. Попробуй, возможно, тебе понравится.

Марго внимательно следила за моей реакцией. Я позвала официанта и попросила дополнить мой заказ лимонным сорбетом, от которого у меня сердце билось чаще. Думаю, это была последняя моя встреча с Марго.

Девочки унеслись на такси, едва стемнело. Я сразу же почувствовала облегчение.

На следующее утро я осталась дома, без прогулок и завтрака в кафе. Мне было необходимо уединение в мире, где всё расположено по моему собственному вкусу. Как бы Лида не кривила нос в моей комнате, я её любила. Но квартиру я, конечно, стану любить сильнее.

Вечером у меня был запланирован поход по магазинам. Моя подруга Вера уезжала в отпуск, а это значило, что мне предстоит помочь в поисках того самого купальника и удивительно красивых босоножек. Вообще, я всегда радовалась возможности провести с ней время, потому что после появления в её жизни Коленьки, мы виделись редко. Семейная жизнь, она такая.

– Думаю, в Египте мы и приступим к цели, – Вера закусила губу, они с Коленькой решили, что пора сделать их двухкомнатную квартиру на Войковской потеснее. – А у тебя как?

– Да всё также, – я знала, какой вопрос будет следующим и очень хотела ошибаться.

– Как Артур?

Получите, распишитесь! Вот уже год я питаю лютую ненависть к этому вопросу. Мда, выходные полные воспоминаний. Объясню кое-что.

На позапрошлый день рождения я подарила себе билет на концерт Металлики в Москве. Так уж получилось, что в тот период в моих наушниках не звучало ничего, кроме Джеймса Хэтфилда, и как по заказу, в это же время они решили посетить Россию. Частыми визитёрами их не назвать, так что я с радостью отдала 8 тысяч за прекрасное сидячее место, прямо перед сценой. (Нет, я не хотела попасть в фанзону, потому что я достаточно брюзга, чтобы хотеть иногда посидеть или выйти в туалет без препятствий. Тем более я не люблю толпу)

С сентября по июль мой билет мирно покоился в папке с документами, а я отметилась в вк, что пойду на данное событие. Ну знаете, друзья рассказали мне, что так можно найти новых знакомых, которые составят компанию. Вместе веселее. Я честно попыталась собрать людей, но девушка, предлагающая пить всю ночь в баре перед концертом, чтобы потом зажигать, получила перевес. Я осталась одна.

К стадиону я подошла с зонтом-тростью (обещали дождь) и бутылкой воды (я без неё обойтись не могу). Естественно, первое меня заставили сдать в камеру хранения. На концерт по рекомендациям друзей я пришла заранее. А всё потому, что Лужники организовали всё так, что я попала на своё ме-

сто примерно за 20 минут, если считать от выхода из метро.

До выхода группы разогрева оставалось 2 часа. Я выпила кофе, сходила в дамскую, сделала фото, поговорила с подругой, купила сока, сходила в дамскую, проверила макияж. До выхода группы разогрева оставался час и 40 минут.

Я зашла в вк. Во встрече мелькали фотки, я бросила свою. От скуки. И тут мне пришло сообщение. “Я тебя вижу)” Озираясь по сторонам, я не заметила никого примечательного. Спросила, где он.

Так я и увидела его, мужчину моей мечты. Но об этом я узнаю потом, а тогда я подумала, что только этого мне и не хватало. Он был слишком худым, слишком серьёзным, слишком заросшим (это я про неаккуратную небритость). Я помахала из вежливости и улыбнулась по той же причине. Но он решил, что это приглашение и спустился к моему месту. С ужасом я поняла, что теперь мне придётся провести всё мероприятие в обществе этого странного человека. Его звали Артуром и, пока я трясла головой от эмоциональных волн своего первого метал-концерта, он трывдел о некачественном звуке, лажах постаревших музыкантов и очевидной очереди на выход в будущем. Думала ли я тогда, что полюблю его занудство? Нет, конечно.

Я была уверена, что ему было также странно со мной, как и мне с ним, поэтому не ждала подвигов. Он не ушёл раньше, из уважения к артистам, похлопал со словами “хороший концерт, но не лучший в их карьере”, а потом терпеливо шёл

к выходу со мной рядом.

– Мне надо в дамскую. Ты спешишь, наверное. А мне ещё зонт забирать и я чудовищно хочу пить, так что спасибо за компанию.

С этими словами я протиснулась в сторону двери туалета. Конечно, была очередь. Я вышла спустя минут 15 и уверенно пошла к выходу, когда Артур появился рядом.

– Пить тут нечего, всё закрыто, я посмотрел. Мой сок закончился.

– Мой тоже, – я помялась немного. – Спасибо, что подождал.

– Уже поздно, я провожу тебя.

Мы вырвались из толпы на воздух, и я ещё сильнее ощутила жажду. Честно говоря, я редко бываю на улице глубоко за полночь, поэтому компания мужчины мне была приятна.

– Где ты оставила зонт?

– Там у входа был вагончик...

Тут мы оба разразились смехом, потому что, когда я произнесла это вслух, я осознала, как глупо со стороны выглядит такая ситуация. Чем дольше я пыталась вспомнить подробности, тем сомнительнее выглядела вероятность возврата моего зонтика. Артур предложил мне забыть о нём и спокойно отправиться к дому. Но это был Верин подарок на моё 25-летие. Я не могла сдаться.

Тот самый вагончик оцепили, так как он был совсем рядом с метро. Собственно говоря, мы ходили 2 часа по тём-

ным тропам, прежде чем смогли вернуться к нужному месту и забрать мой зонт. Сколько мы тогда смеялись. Думаю, если бы не зонт, я бы никогда так крепко к нему не привязалась.

– Он в Париже на какой-то IT-ой выставке. Много ест, мало спит. И всё равно не толстеет.

Вера сочувственно погладила моё плечо. Она знала больше, чем кто бы то ни было, но по сравнению с моими чувствами, это было ничто. Мы прошлись по магазинам, купили всё, что требовалось для пляжного отдыха, а потом пили кофе до закрытия.

Домой я поехала на такси, хоть она и предлагает каждый раз переночевать у них с Коленькой. Я думаю, из вежливости. Вера знает, я люблю спать в своей кровати.

Одиночество настигло меня в дороге. Мне хотелось вернуться не в комнату на Мясницкой, а в квартиру, где меня ждёт человек, которого я люблю, где он целует меня перед сном, где всегда можно найти покой в его объятиях. В своих мечтаниях я перестала следить за дорогой и водителю пришлось дважды окликнуть меня прежде, чем я покинула салон его машины. Всё, чего я хотела от жизни – чтобы меня любили.

Глава 3.

Марина встретила меня в столовой, когда я зависла возле кофейного автомата за 5 минут до начала рабочего дня.

– Доброе утро, – её мясистые руки трянули моё плечо. – Ты где потерялась?

– На месте я, – рассказ про великолепные сны с нежнейшими поцелуями того самого человека не входил в мои планы. – Как выходные?

– Свекровь приезжала.

Этого предложения было достаточно для моего искреннего сочувствия. Дело в том, что мать мужа Марины – одинокая женщина, считающая, что положила свою жизнь на пьедестал воспитания сынули. Естественно, она никак не могла признать факт, что он отдельная личность, более того, породившая другие личности. Внуков своих женщина сторонилась, зато регулярно заваливалась в подаренную ей квартиру (естественно, не упуская случая напомнить о своем благородном решении).

Даже Марино титаническое терпение треснуло после рождения второго ребёнка. Мальчик был беспокойным, плакал почти всё время (как потом оказалось, у него аллергия на лактозу). Бабушка была не в восторге от его общества, о чём высказалась открыто за чаепитием. Сын её обомлел от шока, а вот невестка, измученная постоянным стрессом,

примчалась из детской и высказала, наконец всё, что копила долгие годы.

Они не разговаривали 3 месяца, после чего женщина с траурным лицом официально извинилась перед сыном. Конечно, он простил свою мать, но Марина больше не пыталась наладить контакт со свекровью. Теперь во время её визитов они с детьми уходили “по делам” и возвращались после звонка главы семейства. Тот мучился сложившейся ситуацией, но был слишком мягок, чтобы как-то противостоять.

Мне бы хотелось, чтобы Марина имела возможность приехать ко мне со своей крошечной компанией. Я любила её детей. Но моя комната в 9 метров располагала разве что к сноскому лежанию на одном боку. Я всегда упоминала, что она может заехать ко мне, она всегда вежливо отшучивалась, что малыши разносят по кирпичикам любое пространство.

– Вы знаете поч я всё ещё не уволилась? – Лида вырулила из-за угла в тёмных очках. Свидетельство вчерашней вечеринки. Мы помотали головой. – Вот и я не знаю.

Новое поколение в лице Лиды считало себя достойным всего. Их самоуверенность пугала. Кто-то называл это наглостью, кто-то внушением. Люди старой закалки ненавидели их любовь к отлучкам по личным делам, опозданиям по уважительным причинам (это я про пробки, заезд за кофе, ожидание такси) и требованием повышения через 2 месяца работы. Они проходили бесконечные курсы по самообразованию, ели в модных ресторанах, фотографировались во всех

зеркала, носили бренды.

Моя начальница относилась к профессионалам высшего уровня, что не мешало ей носить “незаметное” белое бельё под прозрачный белый костюм. К сожалению, после покупки акций нашей компании и треклятых изменений, генеральным директором стал человек из 90-х. Он не верил в онлайн, делал бизнес на коленке и с трудом не позволял себе ездить на золотом ягуаре. Число наших партнёров и корпоративных клиентов поубавилось, но крепкий костяк всё ещё держал клиентов в узде. Его старались не показывать в приличном обществе, где споры решались в рамках делового этикета, а не гонора. И всех бы всё устраивало, но новая метла всегда метёт по-своему. Я пережила на этой работе трех начальниц со времён новой власти. В итоге он поставил во главе нашего отдела свою бывшую коллегу. А потом сделал тоже самое со всеми остальными. Так, мы оказались в Тётколенде.

– Коллеги, прошу внимания, – Анна Сергеевна поправила свои короткие каштановые волосы. За её спиной мялся парень, лет 20, слишком накаченный. – У нас пополнение. Ведущий специалист по корпоративным мероприятиям, Владимир Анатольевич Рыбайло.

Мы с девочками переглянулись. Потом станет очевидно, как такой молодой человек добился высокой позиции. Начальница неустанно хвалила его деловые качества, кокетливо задирая широкую штанину, уверяла, что он поднимет с

колен деловые связи с партнёрами и мы все скоро станем богаче. Ведь премии нам выдавали по общим продажам. Естественно, мы не поверили. А когда к концу рабочего дня услышали его победоносный возглас: “Итак, я готов. Как включить почту?”, удовлетворительно улыбнулись.

Но, как я говорила ранее, мне нравился мой коллектив и нравилась моя работа. В принципе, я жила лучше, чем когда-либо.

Мы с девочками прогулялись по скверу недалеко от работы с кофейком и глупыми шутками. Это был наш способ зарядиться полезной энергией. Спасибо им большое, что никогда не спрашивали про Артура. Но Лида упорно требовала у меня регистрации на популярном сайте знакомств.

– Я вижу тебя рядом с таким барином, – она воодушевлённо махала руками. – Помните ген дира “Сомуса”? Вот такого же, только не татарина.

– Какие у тебя к ним претензии? – Марина закурила, аккуратно выдыхая дым в сторону. Мы с Лидой не переносили этот запах.

– Не люблю я это татарьё!

Вот так Лида часто обосновывала свои позиции, но мне казалось это очаровательным.

Я ждала конца недели, потому что Артур вернётся из командировки, и мы сможем провести выходные вместе. Не все, конечно, но хотя бы большую часть. С того самого концерта не было и дня, чтобы мы не переписывались. Так он

ворвался в мою жизнь и стал самой весомой её частью. Может, потому что я боялась: однажды он уйдёт. Бесконечными верёвками я привязывала наши судьбы в навязчивой идее получить его навсегда. Мы писали друг другу о хорошем, о плохом, о неважном, об основном. Высылали фотки того, что едим, покупаем. Советовались по поводу домашней обстановки и собственных решений. Таких взаимоотношений у меня никогда не было.

В пятницу мы не встретились, потому что Артур мучился головными болями после командировок. Он летал куда чаще, чем хотел, но его просьбы игнорировало руководство. Ведущий специалист, молодой и энергичный, он был лицом компании и всех это устраивало. Начальники редко знают дело, которым руководят. Я им гордилась. К 30-ти годам, исключительно своими способностями, он добился высокой (даже для Москвы) официальной зарплаты, места в профессиональной области, квартиры на Красных Воротах (между прочим, основную часть он взял в кредит, но выплатил его куда быстрее. Скромные запросы позволяли).

Мы ссорились иногда. Из-за его сухости, которую я по началу воспринимала как безразличие. Он был черствее меня, закалённее. Я резалась о его спокойствие своей чувствительной душой, о чём говорила снова и снова. Но он принимал меня как есть, не высказывал претензий и ругал себя за недостаточную внимательность.

Оказалось, что всё куда проще, чем мне казалось. Он ме-

ня не любил. Это я узнала вовремя очередного выяснения отношений. Такой простой факт никогда не приходил мне в голову. К тому моменту мы общались полгода. Просыпались с телефон, засыпали с ним. Говорили целыми днями обо всём, проводили вдвоём каждую свободную минутку. Я знала его друзей, он знал моих. Всё пророчили нам счастливый брак, мы отводили в смущении глаза. Дружба – это самый безобидный способ получения половинки, не отягощая себя болезненной ответственностью.

Я болезненно ждала от него какого-либо шага, собирая попутно намёки. Вот он сказал “если у нас будут дети”, вот разузнал, какую свадьбу я хочу, вот готовит со мной пирог, между делом прикасаясь руками. Таких вещей я могу набрать книг на 10. Время шло, мы сближались. Смотрели фильмы в обнимку, целовались в щёку. Он водил меня к себе и расспрашивал про ремонт, будто я вот-вот перееду туда жить. Он бухтел, если я куда-то ходила поздно, ненавидел всё, что натирало мне ноги, и злился, если кто-то не высказывал мне должного уважения. Я думала, что он меня любит.

Терпением я никогда не обладала, но тут продержалась столько времени. Слишком долго, как мне теперь кажется. Я сделала шаг во время нашего спора. Я сказала, что люблю его, что хочу быть с ним как с мужчиной. Я знала, что он меня поцелует и наступит долго и счастливо. Я улыбалась этой перспективе.

Но его шокированное лицо провалило меня на последний

круг ада. “Если бы я хотел встречаться с тобой, я бы встретился. Мы же друзья, это очевидно”. Вот так мужчина моей мечты растоптал полугодовалые ростки влюблённости. Мне стало так душно, что я не могла оставаться на месте. Схватив сумку, я вылетела из его квартиры. Он не стал меня догонять. Не помню, как я дошла до дома. Но как только дверь моей потрёпанной комнаты закрылась, клянусь, я была уверена, что такую боль не смогу пережить. Я свернулась калачиком в темноте, прижала к себе выдавшего вида бегемота и рыдала, как в последний раз. Легче не становилось.

“Вернись ко мне...Вернись ко мне!”

Вот, что я шептала до самого утра. Я надеялась, что он позвонит, придёт. Я надеялась, что он сказал это несерьёзно. Нельзя же быть таким ослом. Нельзя привязывать к себе женщину, не желая на ней жениться. Это жестоко, это отвратительно. Я не верила в дружбу между мужчиной и женщиной, он знал об этом. И оставил меня рядом с собой как игрушку, как развлечение.

Я осталась наедине с собой и поняла, что в аду у нас нет союзников.

Утром, чтобы избежать ненужных вопросов и намёков, я разослала подругам письмо. Вставлю его, как есть.

От кого: latte.lavanda@yandex.ru

Отправлено: 14 января 2020, 7:03

Кому: avokadodo@mail.ru; marina.marina@yandex.ru; verakakvera@gmail.com;

Тема: Артур

Девочки,

Так как последние полгода все наши разговоры крутятся вокруг одного человека, хочу вам сказать, что больше не желаю слышать его имя. Он меня не любит. Ничего разъяснять я не готова, прошу меня ничего не спрашивать.

С уважением,

А.

Вот такое послание. Я твердо решила никогда больше не думать об этом человеке, но плакать хотелось всё также сильно. Мир стал для меня обузой, я хотела лежать и страдать от своего разбитого сердца. Но работа кормила меня, а я знала, что любой простой в нашей компании грозит увольнением. Слишком много людей зависело от меня, слишком сильно я боялась оставаться дальше в этой ужасающей комнате.

Девочки на работе проявили максимальную тактичность. Они делали вид, что не замечают мои отлучки поплакать в туалет. Я старалась, правда, но огромный слон опустил свою задницу мне на грудь, я с трудом шевелилась.

К вечеру я зашла в соцсети и поняла, что он удалился. Это вызвало новую волну страданий. Это была ужасная правда, его нелюбовь и безразличие. Он даже не спросил, как я. Ему всё равно, жива ли я. Но это всё равно не ослабляло моей связи. Я истекала кровью из-за оборванных нитей моей привязанностей, а он жил дальше.

Я пыталась уговорить себя неделю, но жизнь без него бы-

ла настолько невыносима, что я решилась написать то, что чувствую. Текст выплеснулся из меня по всем законам вдохновения. Я не знала, благодать это или беда – моя любовь – но я впервые за 27 лет чувствовала себя дома. И только рядом с ним.

Думаете, я горжусь своей слабостью? Но тут речь идёт о правде, так что пудрить не буду.

Артур позвонил мне через 25 минут после отправки. Ах да, мейл.

От кого: latte.lavanda@yandex.ru

Отправлено: 21 января 2020, 20:10

Кому: odin90@mail.ru;

Тема: Возвращайся

Я знаю, что быть без тебя гораздо хуже, чем с тобой. Если тебе также хреново, возвращайся. Как друг.

С уважением,

А.

Никогда прежде я не слышала его голос таким неуверенным. Он был взволнован, что так мало ему свойственно. Исчезновением из моей жизни Артур доказывал свою заботу. Да-да, бросить всё, чтобы не мелькать у одного единственного важного человека. Я хорошо его знала, он вполне мог бы уехать в глухую деревню под Саратовом. Мы говорили осторожно и быстро, потому что сучали. Он тоже переживал, хоть я и не верила в это. Я обещала себе не мечтать о нём и ни на что никогда не надеется. Так мы помирились.

Я хотела довести себя до крайности, где существует только два пути: спастись или погибнуть. Только бы не эта утончённая неизвестность.

Мы с Артуром встретились в субботу на завтрак. Его светлые глаза мерцали на фоне тёмных ресниц и усталость добавляла им определённое очарование. Месяц после нашего перемирия я честно не думала о нём более, чем о друге. Но постепенно меры защиты ослабли, я позволила себе бесплодно мечтать. Нет, я не надеялась, что он меня всё-таки полюбит, по крайней мере, мне так казалось. Он собирался перебраться в Амстердам, я его поддерживала, больше не расписывая перспективы Москвы. Но меня всё также периодически трогала его сухость, хотя теперь я научилась с этим справляться простыми беседами с уточнением своих жалоб. Наши взаимоотношения стали легче и гораздо теплее. В те дни я то и дело цитировала Чехова: “Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу”¹

Завтрак плавно перетёк в прогулку. Он рассказывал мне про свою сестру и её нового парня без претензий на интеллект. Мы шли и смеялись, смеялись и шли. Потом решили посмотреть фильм, какую-нибудь золотую классику. Честно говоря, я всегда чувствовала, что не дотягиваю до его высоких отношений с кинематографом, музыкой, искусством. Книги были моим единственным прибежищем, он читал специализированную литературу, в основном онлайн,

¹ “Вишнёвый сад” А.П.Чехов

так что тут я смело могла развернуться и поумничать.

В магазине мы набрали корзину для обеда. На наших посиделках готовила я. Меня умилял вид его довольного лица, то, с каким серьёзным уважением он подходил к угощению, и как быстро забирал мыть тарелки, комментируя тем, что я итак готовила. Это был мужчина, который никогда не воспринимает быт как должное, никогда не говорил фраз “женщина должна”. Мы сходились в понятиях, что у каждого своя роль, но я ни разу не чувствовала давления. Откровенно, мне нравилось вести его хозяйство, хоть и обрывочно.

Возможно, эта игра в семью была нужна нам обоим, чтобы не сойти с ума от одиночества. Но мне было хорошо и это всё, что я хотела знать.

За столько времени плотного общения мы отработали схему просмотра. Он полусидел, подложив подушку под костлявую спину, а я лежала на его коленях, тоже на подушке. После моего признания он перестал класть руку мне на плечо, но быстро вернулся к этой привычке. Думаю, неосознанно.

В этот раз фильм был ужасно скучным. Я после тяжелой недели и долгих прогулок заснула. Так случилось не в первый раз. Артур всегда вёл себя одинаково учтиво: он аккуратно вставал, накрывал меня пледом и уходил в спальню за компьютер.

Спала я недолго, как только проснулась, сразу пошла к нему. Монитор рассеивал мягкий свет, он тёр висок (явный

признак головной боли). Его запущенная щетина торчала в разные стороны, но мне отчаянно хотелось прижаться к этим неровным зарослям, почувствовав тепло его кожи.

– Я пойду, поздно уже.

– Может, останешься? – он всегда меня провожал, но всегда предлагал альтернативу, на случай приступа лени. Всего пару мгновений я раздумывала. Стоит ли снова проделывать старый трюк. И согласилась.

А дело вот в чём: как только это создание засыпало, я пробиравась в комнату и смотрела на то, как он сопит. Не судите меня, радости безответной любви такие скудные. Сначала я убеждала себя, что это просто отсутствие мужчины в жизни. Но потом я поняла, что все попытки приставить другое лицо к своим фантазиям оказывались тщетными. И вот в очередной раз я на цыпочках пробиравась к его кровати и с замиранием сердца лицезрела его фигуру в свете ночника. Он спал как хорёк, за что я благословляла природу.

За совместным завтраком я внимательно изучала его лицо. Ужасно мохнатые брови (я на свои тратила приличную сумму), вовсе не греческий нос (сколько пластических хирургов ломали подобное), асимметрия губ, (которую женщины отчаянно исправляли гиалуроновой кислотой), борода с усами (которых никогда не касался триммер). По отдельности его черты могли привлекать только извращенку, но все вместе они производили на меня невероятный эффект. Эту тёплую волну умиления я старалась контролировать и не по-

казывать.

– Если всё будет хорошо, через пару лет я буду нежиться в Голландии. Смогу оформить тебе визу по приглашению. Знаешь, сколько девушек мечтает о шенгене?

Он прекрасно знал, что мне это безразлично. В былые времена я бы устроила спор о том, что в Москве можно жить отлично, что его желание уехать – это побег от ортодоксального воспитания, царившего у него на малой Родине. Ах да, Артур вырос на Кавказе. Думаю, не стоит объяснять то, что вдалбливали ему с юных лет. К сожалению, горский кодекс чести часто расходится с реальностью. Не потому, что они плохие. Человеческая натура, рожденная во грехе, стремится к нему всю свою жизнь. Кто-то живет по правилам общества, кто-то нет. Артур был из тех, кто любил цивилизацию и считал, что в женщине важно кое-что помимо послушания и девственности. Он видел в каком мире живут люди, знал, что не всё стойко сносят удары обстоятельств, и ему не хотелось судить. При всём этом, оговорюсь, что сам кодекс чести горцев он обожал, просто по-другому трактовал его посылы. Большинство же людей самых разных кровей используют правила как молот, дабы наказать неугодного, или прикрыть свои проступки. “Возлюби ближнего своего,” – говорит Библия. “Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам не только добрым и кротким, но и суровым,” – читают люди.

– Если тебе там будет лучше, стоит попробовать. В конце

концов, жизнь одна, – я надкусила ещё горячий тост. Ничего внутри меня не протестовало этим изречением. – Я лично не собираюсь никуда. Так что, если Амстердам не будет гостеприимным, велком назад.

– Постелишь мне на диване?

– Ну если к тому моменту у меня будет отдельный диван...

Телефонный звонок. Это звонила его мама. К сожалению, родители не всегда понимают, что у их ребёнка в 30 лет могут быть, скажем так, гости. И я сейчас не о себе.

Хуже всего было то, как его мать с ним сюсюкалась, будто ему 3. Покушал? Поспал? Надень шапку! Голова чистая? Ладно-ладно, последний вопрос я выдумала. Не поймите неправильно, все мы дети в обществе своих родителей. Нам нравится иногда сбегать от жестокого мира к тёплому очагу, где нас защитят. Но всему же хороша мера, товарищи!

Заклинаю вас, уверуйте, что ваши дети – это отдельная личность, что у них есть своё мнение, что они становятся старше, что испытывают тоже, что когда-то вы. Гиперопека всегда будет вызывать раздражение, пусть даже сдержанное. Я наблюдала за этим много раз, пока Артур говорил с мамой. Чтобы вы понимали всю глубину падения, на одном празднике за общим столом она начала вытирать ему рот, словно младенцу, отчего повисла немая пауза. Благо, его отец тот ещё хохмач. Жена не говорила с ним почти неделю, но репутация сына была спасена.

Я вернулась к своей пустой жизни в крошечной комнат-

ке. Каждый раз меня накрывала отвратительная волна одиночества и безысходности. Столько раз мечты уносили меня в уютную квартиру на Красных Воротах, он целовал меня, он меня любил. У нас были дети.

Воображение отравляло моё существование с самого детства, но только оно спасало от реальных чудовищ.

Глава 4.

В понедельник город накрыл ливень, прерываемый почти несносной жарой. Это удивительно, как яркое солнце может смениться почти осенней грозой. И во что приказываете одеваться? В такую погоду всё делается уютно. И если у Бога было вдохновение, чтобы сотворить мир за 7 дней, поверьте, где-то уже лил дождь.

Я стряхнула капли со своего радужного зонтика и улыбнулась девчонкам. Марина явно округлилась, и по её загадочной улыбке я начала догадываться о причинах. Третий ребёнок был записан в появление на свет через пару лет, но кто в наше время следует плану? Женщина, носящая ребёнка от любимого мужчины – это ещё одно чудо света, которое, почему-то, никто не додумался поставить вровень со Сфинксом (честно говоря, я бы уже давно обновила данный список).

Исхудалая Лида на её фоне выглядела ещё тоньше и выше. Она всё ещё пыталась скрыть красную сетку на глазах от недосыпа тёмными очками и ярким макияжем.

– Ксения Сергевна нафигаривала мне все выходные. Норм вообще? – Лида открыла зеркало и выпятила уткой свои красные губы. – Я чё, по её мнению, риал крейзи? Работать в собственных выходной!

– Вопрос был срочный, – робко отозвалась Марина. – На-

до было проверить ТЗ для подрядчиков. Ген диру не понесёшь абы что...

– Это не моя забота! – девушка тряхнула тощей рукой, отчего браслет с шармами звякнул. – Есть рабочее время, вот и будьте любезны. Вчера ко мне Стасик приезжал.

Мы с Мариной переглянулись. Данный мальчик (мужчиной его назвать не позволяет здравый смысл) был регулярным гостем в квартире нашей подружки. Он накручивал на палец её короткий светлый локон, делал фотки их ног в свой профиль, слушал блюз и не имел никакого намерения жениться на Лиде. Сначала она верила, что это и есть настоящие отношения. Но спустя год потаённых встреч с педалированием личной свободы, она, наконец, поняла, что кто-то в этой ситуации идиот, и такое ощущение, что это она. Да, кто-то бы сразу расставил все точки над “i”, но отец Стасика был крупной шишкой в Правительстве Москвы, а сам он отучился в Лондоне и сейчас перебирал варианты трудоустройства. Я не упускала случая напомнить, что уже год нет подходящих мест для молодого дарования. Намекала, что он привык жить легко и ответственность никогда не будет ему в радость. Но Лида считала его перспективным, поэтому позиций не сдавала.

Моя начальница, пытаясь проявить дружеские намерения, предложила сходить за кофе в ту самую кофейню, где работал очаровательный бариста. Я сразу же подумала, что его активное участие в моей жизни помогло бы избавиться

от токсичных и безнадежных сплетений с Артуром. Я могла бы принять наши отношения как дружеские без всяких “но”, отвечать “нет” ночёвкам и совместным выходным. Мне просто нужен был мужчина рядом. Желательно, симпатичный.

Естественно, на такой бурный призыв откликнулась только я и Лида, Марина слишком упорно рассчитывала на повышение (думаю, поэтому не распространялась про беременность, а отсутствие перекуров списала на попытки бросить), через месяц обещали перекрыть штатку. Мы тоже надеялись получать побольше, но переговорить свободно на личные темы за ароматным напитком казалось прекраснейшим началом трудовой недели.

Мой очаровательный бариста облокотившись на стойку болтал с вульгарной девицей в шортах, еле прикрывающих булки. Увы и ах, моё настроение тут же скатилось в топку. От Артура пришла СМСка в мессенджере, но я поймала косяк взгляд Лиды и оставила телефон в кармане.

– Кто пишет? – её бледное лицо под слоем тоналки стало умилительно пронзительным.

– Сестра, – уже привычно соврала я.

Мы взяли кофе, я с лавандовым сиропом, Лида с ванильным. За всё время бариста ни разу не взглянул на меня.

– Тебе пора бы присматриваться к мужчинам постатуснее, – Лида запрокинула голову, чтобы кудри красиво легли на спину. – Любовь без денег быстро кончается. Жалко, конечно, что этот твой супер-пупер крутой IT-шник...

– Даже не начинай.

– Он всё равно никогда мне не нравился.

Она ему тоже. К слову, я познакомила Лида и Марину с Артуром ещё до провала в виде неудачного признания. Мы встретились в центре, девочки заказали столик в пафосном заведении с хрустальными люстрами. Я точно знала, кто выбрал место, потому что Марина жалась в своих дешёвых кедках всё время нашего обеда. Артур ненавидел излишнюю помпезность, его куда реальнее было встретить в шаурминной. Но ради меня он молчал, хоть я и чувствовала стыд, потому что знала, что он никогда не позволит разделить затраты по счёту. Мне самой такие заведения были мало по душе, но уходить было куда хуже.

Меня всегда удивляло то, какими разношёрстными людьми я себя окружила. Лида развалилась на стуле совсем не как леди и, поглаживая живот после лобстера, задавала личные вопросы Артуру со всем своим высокомерием. Тот начал её троллить, о чём я сразу догадалась, хоть сама не обладала таким талантом. Марина неловко предлагала общие темы, а я просто мечтала об окончании этого обеда.

Стоит ли говорить, что больше мы не собирались никогда от слова совсем.

– Я хочу уволиться, – её лицо было спокойно вытянуто, а вот я от шока поперхнулась.

– То есть?

– Да тут Совок и никаких перспектив. Работаешь как раб,

получаешь гроши. Ты хоть понимаешь, что в Москве средняя зп 200 кесиков? А ты получаешь сколько? Живёшь в своей конуре и ничего не можешь себе позволить...

– Э!

– Извини, – она отпила кофе, след на крышке напоминал следы преступления. – Просто я не представляю, как можно жить в таком месте. Там только артхаусные фильмы снимать про забытых Боженкой людей.

Я рассмеялась. Ничто не ранило мою гордость сильнее, чем отвращение, запечатлённое на её лицо во время редких и всегда вынужденных визитах ко мне в комнату на Мясницкой. Поход в туалет для неё был равен расстрелу, но после того, как я честно призналась в своих обидах, она старалась контролировать эмоции и не борщить. Получалось плохо, но я ценила старание.

– Я думаю, – процедила я после мгновенной паузы. – Стоит уходить куда-то конкретно. Деньги быстро заканчиваются, если не пополнять запасы.

– Да я работу найду за пару сек. Посмотри на меня, – она обвела свободной рукой свою фигуру. – Я красивая, молодая, с хорошим опытом. Не человек, а клад в чистом виде!

Я учтиво молчала, потому что работать с Лидой было не так уж и просто. На прошлой неделе она отпросилась с работы на 2 часа раньше, потому что записалась на стрижку. На мой вопрос, неужели нельзя было найти свободное окошко в выходные, она удивлённо пролепетала, что у всех свои лич-

ные дела, ничего такого в том, что она отпрашивается нет. Эти личные дела у неё были стабильно раз в неделю, это если не считать бесконечных опозданий на 15 минут. Если бы я была её начальником, она бы получала хлыстом по горбу как минимум дважды в час.

Мы дошли до офиса за пустой болтовнёй. Я допила свой кофе, Лида только пригубила. У моего рабочего стола уже караулил Виктор, дизайнер с большой претензией на высокий вкус (между прочим, я прозвала его цыганом за цветастые рубахи и лакированные башмаки).

Так нас захлестнула рабочая пучина.

Вечером под натиском несвободных подруг я таки открыла Тиндер, чтобы в 4 раз попытать своё счастье на любовном поприще данной площадки. Всё сделала по шаблону: отлайкала кучу парней (даже тех, в чьей привлекательности очень сильно сомневалась), кое-кто написал. Отсеяв всяких “деток” и “крошек”, отклонив несколько предложений о содержании и сексе без обязательств, я продолжила разговор с несколькими мужчинами. Потом, естественно, соцсеть. Это самый важный анализ того, каким человек хочет казаться, а значит, какой он есть внутри. Один отвалился из-за любви к наркотикам и объемным африканским попам, а вот второй прошёл тест с минимальными замечаниями и был допущен дальше.

Знаю, звучит это всё так себе, но, Боже правый, женщине так тяжело в современном мире! Зарабатывай, чтобы не быть

клушей. Рожай детей, чтобы не быть старой девой. Следи за собой, чтобы не быть жирухой. Будь оригинальной, а то как обыденность. Не иди впереди мужчины, это рушит семью. Не плетись медленно, содержанка. И ещё огромная куча самых разных стандартов и осуждающих принципов. Думаю, у мужчин ситуация не лучше, но ведь своя рубаха ближе к телу.

Разве можно к обычным житейским проблемам приспособить разбитое сердце? О нас перестали заботиться отцы, братья, мужа, прохожие. Мы работаем на равных, выживаем на равных. Получили свои права, но в какой извращённой форме! А потом плачем ночами, потому что устали, потому что хотим быть ЗАмужем. Рыбе приделали ноги, а она отчаянно рвётся в воду.

И вот мы пытаемся обезопасить себя никудышной аналитикой, и честно верим, что наши недюжинные таланты сыщика спасут от неверных, безответственных, откровенно глупых. Не знаю, работает ли это в реальной жизни, поскольку столкнулась с кучей счастливых историй под прологом: “Это был последний человек, которого я представляла рядом с собой, и вот теперь он мой муж”.

Так я и поддалась чарам соцсетей и провела вечер за перепиской. Артур был занят работой, что помогло мне сосредоточиться на новом знакомом. Мы говорили о музыке, истории, политике, детстве. У него был шикарный баритон, приятный смех и ямочки на щеках, которые я всегда обожала.

Спортсмен, работяга, душа компании, бывший военный. Он точно заслужит расположение моего отца и одобрения матери. Но где-то на теме его отказа от курения меня пробила мысль. “Он не Артур”. И вот это назойливое откровение оставляло меня совершенно холодной. Я старалась, бежала своей больной привязанности. Мы договорились встретиться на следующий день после работы, а потом я до 2 часов ночи смеялась с Артуром над его новым коллегой. После того, как я услышала его голос, моё сердце успокоилось. Про свидание я рассказывать не стала.

На обеде я рассказала девочкам о своём новом знакомом, упомянув между делом его некрасивую фамилию и звериное имя. Мне хотелось показать, что влияние Артура давно угасло, возможно тогда я сама бы поверила в это. Но как только разговор полился, я не могла удержаться от язвительных замечаний и откровенного придиralова. Лида одобрительно улыбалась и расхваливала свои заслуги по предстоящему свиданию, но вот Марина даже не смотрела на меня. Я знала, что её пронизательность шагнула далеко за пределы моего грима, и это злило.

– Слушай, – робко произнесла она, пряча свои покрасневшие глаза (Её мучил токсикоз каждую беременность). – Если тебе он не нравится, просто не общайся. Никто же не заставляет.

Туше. Но я отчаянно не хотела сдавать позиций. Не осуждайте меня, это сейчас я рассказываю всё подробно и понят-

но. Тогда в моей голове был вихрь, и я не понимала, где заканчиваются мои чувства и начинаются надумки. Зато Артур жёстко обрубил все мои попытки к сближению. Теперь он пристально следил за тем, что я говорю и как, он ждал, что меня сорвёт, и я думаю, страшно этого боялся. Да-да, в дружбе тоже есть чувства. Я же старательно подчёркивала наши НЕЛЮБОВНЫЕ отношения. Наверное, со стороны это выглядело жалко. Я всё также живо представляла нашу счастливую семейную жизнь, детей, похожих на него, но теперь точно знала, что это фантазии. А что ещё мне оставалось?

Однако реальный мир имел свои законы. Мне было 27, я хотела семью, детей, стабильность. Артур не мог предложить мне ничего подобного. Я знала, что он упорно придерживается своих решений и своего сердца. Наверное, нужно быть благодарной за честность, за то, что потом наши отношения не испортились взаимными претензиями от недолюбви и не переросли в ненависть. Но мне так хотелось, чтобы тот самый человек полюбил меня, как я его. Мы были такими подходящими друг другу...

Оставим лирику. Факты берут своё. Я была одинока и не востребована, что хотела исправить в самое ближайшее время.

На первое свидание каблучки не надевают, закон встреч вслепую. Да-да, я уже была на подобных мероприятиях и среди них нет положительного опыта. Человек, который опи-

сывал себя в 190 см роста, оказался мне по плечо. А во мне-то всего 176. Молодой повар, который рассказал мне о своей эрекции до того, как мы успели зайти в кофейню. Истатуированный подросток, который прикидывался солидным мужчиной, подворовав фотографии старшего брата. Тот самый человек с фото, который оказался любителем оргий и клубов для “людей без комплексов”. И так далее, и тому подобное.

Но я не привыкла навешивать ярлыки, поэтому пробовала все пути излечения от одиночества. Чёрное платье с чулками на ажурной резинке, я должна была чувствовать себя неотразимой. Волосы в пучок, чтобы не выкладывать все козыри сразу. Мейк сдержанный, я же с работы.

Мы договорились о встрече в итальянском кафе с самой вкусной карбонарой. Я, как всегда, пришла заранее, взяла лимонад и стала смотреть по сторонам. К сожалению, даже просмотрев фото, я вполне могла не сопоставить лицо. В понедельник вечером народа в кафе было немного, тем не менее, я не теряла бдительности.

Опоздание на 10 минут допустимо, говорила себе я. Значок “в сети” горел ещё с обеда, поэтому я ждала смс с извинениями. Он, наверное, в пробке. Но ведь можно позвонить. Я позвала официанта и заказала пасту. Кружка кофе помогала мне успокоиться, благодаря ей я написала фразу “ты где” без мата. Время шло, я доела свой ужин и попросила счёт. Он продолжал сидеть онлайн и не отвечать. Заблокировать.

Я удалила тиндер (больше никаких интернет-знакомств), и оставила официанту приличные чаевые. Мне казалось, это решение основополагающим, но ведь в 15 лет мне казалось основополагающим решением, стричь ли чёлку.

По дороге домой я позвонила Артуру и с жаром описала десерт, который взяла для него в кафе. Мы часто там бывали, поэтому он тут же поинтересовался, как это я не позвала его.

– Так я с Лидой была. Составил бы нам компанию?

– Лучше съезди навоз с лопаты.

– Артур!

Мы рассмеялись. Он был сонным, но пригласил меня зайти. Я согласилась. Снова дома, снова рядом с любимым человеком. Иногда упустить возможность – сущее облегчение.

Глава 5.

Примечательное утро в виде увольнения моей дорогой Лиды. Кто бы мог подумать, ведь её разговоры о больших надеждах велись со времен динозавров. И вот я делаю отчёт по последнему мероприятию, попивая лавандовый раф, а тут как ливень на голову – галдёж моей дражайшей начальницы и её верного слуги по ключевым клиентам.

– Эта Лида никогда мне не нравилась. Работу выполняла спустя рукава, одевалась откровенно. Несколько раз я чувствовала от неё перегар, но ведь мне не хотелось бросать её на произвол судьбы. Я терпела. И что получила в ответ? – мальчик за её спиной одобрительно шмыгнул. – Люди не ценят помощи. Все неблагодарные. Особенно современное поколение.

Я тут же просочилась в дверь, чтобы найти Лиду. Марина вместе с ней стояла в коридоре, её трясло.

– Что случилось? – мне ещё никогда не доводилось видеть эту блондинку в расхлябанном состоянии, отчего ситуация показалась искусственной. Я не прониклась сочувствием, но пыталась скрыть это за будничным притворством.

– Этот псевдо-бандюган приставал к ней, – пояснила Марина, поглаживая по плечу подругу. – А она ему прямо по ценным бумагам заехала, – мы улыбнулись друг другу и тут же восстановили серьёзность.

– И что теперь?

– Увольнение по согласию сторон, – мы с Мариной знали, что это не такое уж и плохое предложение. – Три оклада и разошлись друзьями.

– Сколько нервов я потратила, чтобы выбить эти деньги!

Я послушала всю трагическую цепочку от винта. Утром Лида приехала пораньше, поскольку дедлайн по видео горел синим пламенем. Ген дир вызвал её к себе (секретарша доложила о приезде), посмотрел видео и одобрительно погладил коленку. Не свою, конечно.

Не знаю, можно ли это расценивать как домогательство, но Лида тут же подняла крик, прибежала шокированная секретарша, потом проходящий мимо начальник АХО и понеслось. Ген директор не успел опомниться, как из необдуманного прикосновения вырос огромный скандал. Имея вспыльчивый нрав, он тут же попросил заявление на увольнение. Но Лида подписывать такое отказалась (спасибо секретарше, которая активно проконсультировала её, пока усаживала на стул). В итоге пригласили кадровичку и бухгалтершу, за час сговорились на сумму выплаты. Я считаю, что всё уладилось максимально мирно, но позволила Лиде подрамматизировать на тему своей борьбы.

– Всё к лучшему, – подытожила я. – Ты давно собиралась уйти, а тут ещё и с такой выплатой.

– Теперь придётся на всём экономить.

Мы с Мариной беззвучно захихикали, зная еврейскую на-

туру своей подруги. У неё был хорошенький счёт в банке, возможно, именно потому, что она всегда смотрела на ценник, прежде чем принять решение. Это касалось покупки подарка и бутылки воды.

Лучше чашки кофе может быть только чашка кофе побольше. С этими мыслями я пыталась отыскать в себе вселенскую грусть по поводу ухода моей подруги. Ничего.

Марина всё также жадно подставляла своё плечо для Лиды, но я испытывала раздражение к явно преувеличенной истории. Наш начальник не был блестящим специалистом и хорошим руководителем, но и извращенцем его никто считать не смел. А теперь вся компания пестрила сплетнями о ужасающих подробностях его личной жизни.

Возможно, мне просто так давно хотелось освободиться от работы, что я не могла испытать ничего, кроме зависти. Возможно, нет.

В любом случае вечер мы провели в ресторане недалеко от офиса. Я с трудом носила лицо сочувствия и вставляла одобряющие речи. Но моё сознание жаждало встряхнуть Лиду и крикнуть: “Да твою же мать! Ты так этого хотела! Получи, распишись и прекрати уже ныть! Мир не крутиться вокруг тебя!”

Те, кто никогда не испытывал раздражения к близким людям, пусть кинет в меня капусту. Те, кто никогда не прокручивал в голове сцены, как говорит им жестокую правду, я знаю, что вы есть, так что не будем.

Мой бокал пустел, за окном темнело, а мы всё ещё обсуждали душераздирающие подробности случившегося утром.

Как удивительно, что человеку собеседник нужен лишь номинально. Сидишь себе, киваешь в паузах, смеёшься, когда смеётся лицо напротив, и совершенно неважно, что хочется разбить тарелку о голову, которая пересказывает одни и те же детали. Мне до жути надоело собственное притворство, поэтому я и сказала то, что сказала.

Лида надулась как огненный шар, но в глазах Марины я прочитала кое-что похуже: она считала мой поступок недостойным. Ничего страшного, просто правдивый комментарий о том, что ситуация не стоит выеденного яйца, что нам пора перестать тратить время на прошлое и посмотреть в будущее.

– Тогда, может, перестанешь бегать за своим ITшником и подыщешь себе поца, которому на тебя не наплевать?

Это был удар ниже пояса, но Лида делала прежде, чем думать. Меня ошпарило, я вскочила со своего места и выбежала из ресторана, пытаюсь нацепить рюкзак на бегу. Марина, видимо, предпочла остаться с Лидой. Конечно, ведь она у нас аленький цветочек, а я и сама вполне себе справлюсь. Как по заказу мне позвонил Артур, но я не взяла трубку. Я была слишком зла, чтобы говорить с человеком, от которого хотела безусловной любви и который никогда мне её не даст. Вспыльчивость, которую я обуздала в себе в подростковом возрасте, сорвала все замки и носилась внутри меня, откры-

вая самые страшные сундуки.

Он не любит тебя, дура. Он никогда тебя не любил. Ты для него – удобный диван, будет пользоваться, пока не найдёт что-то стоящее. Держит тебя возле себя на цепи, как собаку, а сам обустроивает свою жизнь. Он хорошо понимает, что ты никогда никого себе не найдёшь, пока рядом он. Ему всё равно на тебя, совершенно плевать.

Телефон вибрировал от сообщений, но я мчалась к метро с бешеной скоростью, чтобы убежать от себя. Безрезультатно. Вагон закрылся, открылся следующий сундук.

Кто может дожить до 27 лет и так и не найти настоящих друзей? Если бы я умерла сегодня ночью, кто бы спохватился? Жалели бы они о тех минутах, которые не провели со мной? Вспоминали бы добрым словом? Корили бы себя за невнимательность? А мне бы было это важно?

Я думала о Маяковском, Есенине, Хемингуэе. О всех, кто считал себя непонятым и нелюбимым. О тех, кто решился прекратить пытку чувствительностью.

Я ходила по обрыву пока диктор не объявил мою станцию. Не знаю, почему я никогда не проезжаю мимо нужного места. Выскочив на бульвар, я осмотрела окрестности свежим взглядом. Мне нужно было выпить кофе и успокоиться. Если бы я наткнулась на хозяйку в таком состоянии, мне бы завтра негде было жить.

– Лавандовый раф, 80% арабики, – обычно я веду себя вежливо, улыбаюсь. Но сейчас у меня не было времени и сил

на всякие формальности. – Ну же!

– У нас нет такого... – девушка была явно растеряна. Я мельком взглянула на табло и на стойку сзади неё.

– Латте, солёная карамель. Заплачу картой.

Через пару минут я уже жадно присосалась к стаканчику на вынос. Облегчение ударило по мне ароматом кофейных зёрен. Я вышла на улицу и осмотрелась. Тёплый летний вечер выгнал на воздух молодежь и стариков, влюблённых и женатых. Надежды найти лавочку не было, поэтому я села прямо на траву под каким-то деревом и прикрыла глаза. Отделалась малой кровью, до семейного сундука мы не добрались. И с чего меня вообще зацепила вся эта ситуация?

Я достала телефон и прочитала сообщения. Артур был первым, естественно. Он не на шутку испугался, даже в страшной запаре я брала телефон и что-то отвечала. По его расчётам я должна была быть дома, поэтому само собой возникли вопросы. Я отшутилась о трагедии в трёх актах и спросила, когда мы идём к врачу по поводу его бесконечной головной боли. Он упрекнул меня в занудстве и поставил срок “ближайшее время”. Я знала, что записать придётся самой, иначе подходящий момент никогда не настанет.

Потом сообщение от Лиды. Она записала множество аудио о своей глупости и резкости. Я не стала писать, я позвонила. Потому что мне хотелось извиниться и напомнить ей, что я безумно её люблю, что хочу поддержать её начинание и что завидую её смелости. Мы проговорили долго. Ма-

рина с облегчением приняла наше перемирие и с радостью сообщила, что беременна. Удивился никто.

Последней писала мне Вера. Она просила о срочной встрече и поставила три восклицательных знака. Я поняла, что откладывать нельзя, назначила день и встала с похолодевшей за всё это время земли. Где-то вдалеке уличные музыканты переигрывали Сплин, звучал смех и приглушённый шёпот. Я вдыхала летний воздух всеми своими лёгкими и брела домой. В клубе 27 не будет пополнений.

На следующий день вечером мы с Верой встретились на Воробьевых Горах, чтобы под какао и сэндвичи с курицей обсудить сложившуюся ситуацию. Ещё на платформе я увидела её мрачное лицо и поняла, в чём дело.

Коленька был для неё всем, но, к сожалению, обратной связи не наблюдалось. Все окружающие понимали, почему простоватый, тучноватый паренёк из провинции с жаром ухаживал за яркой художницей из мира сливок. Все смеялись над ним. Роль карманного паренька, настойчивого и упорного, подходила ему идеально, но встречался с Верой красавец Артём из рекламного агентства. Кто мог подумать тогда, что в итоге девушка с разбитым сердцем прибежит в объятия удобного Коленьки. На девичнике я последний раз спросила, уверена ли она в своём выборе.

– Мужчины должны любить нас, а не мы их, – такой ответ она мне дала и с улыбкой ответила на звонок жениха.

На свадьбе мы дружно кричали: “Горько!” и делали вид,

что рады за молодую чету. Я знала, что это ошибка, все знали. Сказать человеку о том, что она падает в бездну, можно один раз, максимум два. Но как говорил великолепный Уайльд: “Каждый живёт как хочет, и расплачивается за это сам”.

Теперь мы шли по залитой солнцем дорожке, Вера открывала мне разочарование своей семейной жизни. Конечно, мы все знали, что там не так всё гладко. Жена хочет детей, муж отрешивается работой. Он пытается выбиться в люди, чтобы самому обеспечить ей сытую жизнь, к которой художница привыкла. Работает по выходным, возвращается поздно, устаёт. Вера никому не жаловалась, но люди не слепые. Так мы стали видеться реже. Она признавалась, я молчала.

Было ли для меня открытием двуличие Коленьки? Вряд ли. Я чувствую людей намного острее, чем мне бы хотелось. Иногда со стороны виднее. Но я уважала её выбор, как она бы уважала мой.

Всё накрылось медным тазом неделю назад. Коленька пришёл с работы к 11, слегка пьяный. Раньше он такого себе не позволял. Вера высказала ему своё негодование, он был за рулём её машины, дорогой машины. Он мог убить кого-то, мог умереть сам. Терпеливые дни домохозяйки развалились и вперёд вырвалась та самая яркая и самодостаточная женщина, которую я любила. Вера высказала ему всё. Она не поехала по контракту в Америку, потому что Коленька не хотел уезжать. Она оставила творчество, потому что Коленька хо-

тел семью и уют. Она перестала водить друзей в дом, потому что Коленьке казалось, что на него косо смотрят, он хотел отдыхать. Всё то, что раньше казалось ей простым семейным компромиссом теперь гирей висело на шее, а она отчаянно пыталась её сбросить. Женщина идёт за мужчиной. Так учила её мать. Но чёрт бы побрал эту идеалистическую хрень, если она так несчастна в своём собственном доме! Разом на неё навалились все уютные, одинокие вечера, тихие посиделки и творческие порывы. В этих стенах ей было хорошо, пока она не поставила подпись на бумажке.

– Ты забываешь, солнышко, сколько я терпел, – Коленька приобрёл незнакомый для Веры жёсткий оттенок. – Ты относилась ко мне как к мусору, и я пережил это.

– Так ты мне мстишь? Женился, чтобы унижать меня?

– Не носи хрень, – он устало потёр глаза и почти улизнул в комнату, но кто имел дело с разъярённой женщиной, тот знает, что она не отпустит соперника так просто. – Что тебе от меня надо? Чего пристала?

– Почему ты так себя ведёшь? Ты меня не любишь?

– Боже мой, Вера! – он взвесил в голове за и против. Усталость накатила с новой силой, алкоголь наводил туман. – Давай завтра поговорим, а? Солнышко, я устал.

– Мы поговорим об этом сейчас же!

– Господи правый! Ты не женщина, ты бензопила! – он перешёл на крик. Такое было впервые, поэтому Вера вдавила голову в плечи от неожиданности. – Одно и то же, одно и

тоже! Где ты, что ты, куда ты. Я так больше не могу! Просто оставь меня в покое! Все твои проблемы от безделия!

– Это я бездельничаю! – Вера тоже перешла на крик. – Ты когда в последний раз грел себе ужин?! А?! Когда вытирал пыль или гладил свои чёртовы рубашки?! Может, вспомнишь, когда приносил продукты в дом?!

– Я женился не на служанке! Я тебя не просил быть такой! – он опустился на стул и шумно выдохнул. – Ты была сексуальной, весёлой. А теперь мне даже спать с тобой не хочется. У тебя живот вон отвис.

Вера остолбенела. Свою прежнюю фигуру она поддерживала здоровым питанием и спортом, но сейчас... Что там говорить? Денег на абонемент и времени не было, жирнющие блюда, горячо любимые её мужем, стали и её рационом. Да, она стала толстой, но она была его женой. Женой этого низкорослого, пухлого и без талантливоего человека, который обещал любить её всю жизнь. А теперь она выслушивает в лицо оскорбления на собственной кухне.

– Уходи, – неудачный брак комом застрял у неё в горле, но она надеялась на извинения.

– Утром и уйду, – Коленька встал и пошёл в спальню. – Кому вообще такая нужна. Какое облегчение!

На следующий день она собирала его вещи. Они не спорили и не говорили. Казалось, для обоих окончание спектакля стало облегчением. Вера купила себе художественные принадлежности и абонемент в спортзал, родители помога-

ли ей финансово. Ей хотелось вернуться к себе настоящей. Она рассказывала мне о чудесах свободной жизни, я слушала, кивала и не верила.

По дороге домой я задумалась, что совершенно неважно, красив ли человек, богат ли он. У всех есть достоинства и недостатки. У всех есть свои собственные кости в прикроватной тумбочке.

Выбирать человека с надеждой, что он будет благодарен за ваше снисхождение всю жизнь – глупо. Даже к дому на 1000 квадратов с эркерами и колоннами в конце концов привыкаешь. Начинаешь замечать трещины по углам и неидеально ровный потолок. Хочешь мебель посовременнее, кухню попрacticalнее. Ничто не совершенно, никто не совершенен. Вот поэтому для счастливого брака так важна любовь.

Глава 6.

В пятницу я проснулась с ощущением полного облегчения. Мне снималась мама, рассказывая мне, как я ребёнком твердила, моим мужем будет мой лучший друг. Только так и никак иначе. Я сварила кофе, умылась, собралась, позавтракала, приехала на работу, выпила вторую кружку кофе, перекинулась парой фраз с Мариной, окунулась в Иксель с головой. Мы готовили корпоративный вечер крупного холдинга, наш новичок не справлялся даже с элементарными вещами, поэтому начальница с болью в сердце раскидала задачи по нам. Она знала, что уже к утру понедельника любимый ею профессионал будет уволен генеральным директором. Дружба дружбой, а деньги врозь.

К окончанию трудового я доделала ворох хвостов и приготовила папку на само мероприятие в субботу. При хорошем раскладе я найду себе элегантное платье на чужой корпоратив.

Я мерила платье-миди лавандового цвета с рукавами-воланами, когда зазвонил мой телефон.

– Ты где? – я с удивлением обнаружила, что ничего во мне не ёкает от голоса Артура. Я не вспоминала о нём со вчерашнего дня. – Я весь день пишу тебе.

– Мероприятие в субботу, я занята была, – почему мне резко стало так безразлично, я не знаю. Во мне поднималась

волна негодования за то, что он воспринимает моё время как свою собственность. – У тебя что-то срочное?

– Да нет, – он замялся, ошарашенный моим холодом. – Выходит фильм Тарантино, мы собирались сходить.

– Я не смогу в выходные. Сходи один.

– Нет, подожду тебя, – повисла неловкая пауза. Мы не хотели спорить, мы оба понимали, что что-то не так. – У тебя всё нормально?

– Более чем, – это действительно было так. – Слушай, я в примерочной, перезвоню тебе позже, хорошо?

Я повисала трубку после его неуверенного согласия. Кажется, впервые я отменила нашу встречу ради своих дел. За спиной хлопали крылья, я купила лавандовое платье.

После душа на волне своих побед я погрузилась в чтение славянских мифов, поскольку следующая тематическая вечеринка располагала к уничтоженному русскому язычеству. Снова зазвонил телефон. Это был Артур. Я помедлила, стоит ли брать трубку и вымучивать из себя нелепые фразы. Наши отношения всегда отличались истиной. Мы были собой и были счастливы, но я, видимо, решила двигаться дальше.

Он это чувствовал и, очевидно, был не согласен, потому что никто прежде он не звонил повторно.

– Аллё.

– Что происходит? – я слышала злость в его голосе, но это меня несколько не забавляло.

– Ничего, я была в душе.

Мы помолчали. Я ненавидела неловкие паузы, и обычно прерывала их бесполезной болтовней. Но сегодня этого не произошло. Я гладила деревянное изображение Перуна и думала, не будет ли кощунством соорудить что-то подобное на вечеринке.

– Приходи ко мне.

– Не могу, завтра мероприятие.

– Когда тебе это мешало? – он усмехнулся и был прав. –

У тебя кто-то появился?

– В смысле?

– В смысле парень, мужик какой-нибудь. Ты ведешь себя странно.

– Это мне говорит человек, у которого до сих пор в друзьях бывшая возлюбленная.

Он бросил трубку. Да, я ударила в то место, где когда-то болело, но эта история высасывала из меня кровь столько времени...

Её звали Роза. Мерзкое имя, от которого я была без ума в детстве. В ней сочеталось всё, что мы с Артуром так отчаянно призирали в женщинах: плохо покрашенные в блондинку волосы, откровенные безвкусные наряды, слишком неаккуратный и плотный макияж. Она была идеалом несовершенства в глазах моего друга, и он влюбился в неё как мальчишка. Парадоксально, однако они провели юность рука об руку, слишком нежные для кавказского пейзажа и, тем не менее напрямую с ним связанного.

В первый раз я увидела её у него в друзьях, как только мы начали общаться. Сама история настигла меня куда позже, мы уже хорошо друг друга знали. Роза была сестрой лучшего друга Артура и соседкой. Они начали дружить подростками, потом встречаться, потом планировать свадьбу. Всё складывалось идеально, но в последний момент Цветочек сбежал из рук моего возлюбленного без объяснения причин. Я думаю, она испугалась.

Возобновили своё общение они не скоро, но ещё до знакомства со мной. Роза была замужем за их общим знакомым, жила всё в том же кавказском городишке, где ей так и не простили побег в столицу.

Я её ненавидела. Помимо личных причин, во мне буйствовало раздражение к женщинам, обожающим пошлые шутки и яркий карандаш для губ под увлажняющий бальзам. Она была “своим парнем”, пила пиво и рыгала на видео с мужем. У меня это вызывало отвращение.

Но Артур упорно не хотел избавляться от её присутствия в своей жизни, пусть и номинального. “Я всегда буду тепло к ней относиться,” – так он говорил. Подчёркивал, что они не общаются. В своё время я провела долгие часы перерывая его аккаунты, везде была в друзьях “прекрасная” Роза.

После своего неудачного признания я долго думала о ней, о женщине, которую любил человек, которого любила я. Любил так сильно, что прощал ей всё, что она с ним сделала. А мне он не мог перезвонить после ссоры. Я хотела быть как

она, чтобы он хотел быть рядом. Я призирила своё происхождение, свою юность, свои устои. Всё то, что мешало мне найти его подростком и не сделать так, как она.

Это продолжалось слишком долго, это отравляло меня. В какой-то момент я вышла из её страницы и пообещала себе, не заходить снова. С меня было достаточно этого унижительного сравнения и гонки, которую я вела самостоятельно, которая ни к чему меня не привела бы.

А на этой недели я по-другому взглянула на Артура. Мужчина, не способный пустить в свою жизнь девушку, боящийся взять на себя ответственность за кого-то, заводящий подругек, чтобы не завести семью. Он бежал от себя, от меня, от жизни. Да, он не любил меня. Я была ему не нужна. Точнее так: я ему не мешала. Однако даже к этому начинаешь привыкать. Я давно стала его единственным соратником, а теперь он лишился меня и понимал это.

Но мне было безразлично. Я устала, я жаждала свободы. Я хотела быть по-настоящему любимой. Я истосковалась по тому, чего у меня никогда не было: по мужчине, который будет разделять меня с жестоким миром, который будет касаться меня с желанием, с теплом. Подобие близости перестало меня устраивать. Я выключила свет и погрузилась в самый сладкий сон.

Мероприятие в субботу обещало мне десяток утерянных навсегда нервных клеток и отличную порцию драйва. Организатор всегда приходит до начала мероприятия. Вы не

гость, ваша задача – тотальный контроль. Поскольку клиент был “особенно важный”, вывели почти весь наш отдел. Я отвечала за концертную программу. Это уже сложившаяся традиция. В своём лавандовом платье и белых босоножках я чувствовала себя феей, никак не меньше.

Всё складывалось тихо, мирно. Гости прибыли в нужном количестве, порционно. Зона “Welcome” была принята на ура, группа на разогреве вызывала улыбку. Я пожинала плоды и радовалась организованному концертному директору популярной звезды.

Пришло СМС. Артур спрашивал, когда я закончу. Мне хотелось ответить “никогда”, но следом он написал, что записался к врачу. Он же, в конце концов, не ребенок. Пусть сам справляется со своими проблемами. Но раздражение, которое я испытывала сменилось воспоминанием о нашей дружбе, о том, как он приносил мне лекарства, когда я болела, о том, что я утратила иллюзии о нашем будущем, но он так и остался моим лучшим другом. Мы договорились встретиться в воскресенье у больницы, она располагалась примерно между нашими домами. Он совместного завтрака я отказалась под предлогом желанного сна.

Мероприятие набирало обороты. После учтивой речи генерального директора и его скорого отъезда, сотрудники позволили себе накинуться на фуршетный стол с горячительными напитками. Богат ты или не очень, но в человеке желание халявы часто превышает обязанности собственной

роли. Ещё через час я выпустила первого хедлайнера, музыканта, чьё имя лично я узнала из сметы. Пожелание заказчика. Странный парень с татуировками на лице и настолько посредственными текстами, что я перестала слушать со второй фразы. Но людям нравилось.

Мне стало скучно куда быстрее, чем я ожидала. Большинству людей кажется, что, работая организатором, ты собираешь сливки любой отрасли. Эдакая деловуха на шпильках в дорогом платье, которая раздаёт указания, а в перерывах принимает горячие поцелуи руки довольных заказчиков. На самом же деле, редкое мероприятие позволяет одеваться с лоском. Чаще всего на тебе самая удобная обувь и одежда. Ты мобильна и заменяешь сразу всех, любого сотрудника от уборщицы до ведущего. Человек-оркестр, который вовсе не получает миллионы, по крайней мере крайне редко.

Моё чудесное платье осталось без внимания. Все развлекались и знакомились спустя годы работы, а я с тоской смотрела по сторонам. Программа отлажена, но уйти нельзя.

И тут у входа я заметила Катю и Валу, двух попугайчиков-неразлучников. Они брали друг у друга то, что я планировала получить из семейной жизни. Понимание, доверие, безусловная опора. Женщины ведь в своих привязанностях куда постояннее мужчин. Правило “парни уходят, подруги остаются” пестрило подростковым максимализмом. Но они были счастливы, а это главное. Девушки быстро метнулись к праздничному столу, что я считала не дозволительным и

скрылись в неизвестном направлении.

– Какая няшка, – упитый придурок килограмм в 120 трясся возле меня как обеспокоенный холодец. – Скучаешь?

Боже мой! Ну на что рассчитывают эти “Казановы”? Кто вообще может повестись кто-то на такой сомнительный подкат.

В воскресенье я еле заставила себя подняться с кровати. Ноги гудели, голова отказывалась работать. Но я дала слово, поэтому натянула шорты и уютную футболку размера XXXL с черепами. Мы встретились у кофейни. Обеспокоенное лицо Артура вызвало у меня целый шквал былых эмоций. Я обняла его без мечтаний о большем и поцеловала в заросшую щеку.

– Ты должен мне завтрак.

Он нервно улыбнулся, но всё-таки прибодрился. Мы съели по сэндвичу, напились кофе и радостно поплелись в сторону больницы под уже безобидную болтовню. Электронная очередь избавляла от ожиданий, но хлорированный воздух нагонял тоску даже на меня. Частная клиника, которую Артур мог себе позволить, мало чем отличалась от поликлиники. Я расположилась в жутко неудобном кресле в коридоре с книгой и перекрестила своего друга. Я была уверена, врач пропишет ему какое-нибудь железо и здоровое питание. Всё обещало мне решиться быстро, мы купили билеты в кино на 12.

Но время шло, Артур ходил из одного кабинета в другой

вместе с врачом и меня это начало наводить на мысль, что они понятия не имеют, что делать с пациентом. Нервозность нарастала, я перестала следить за повествованием. Точнее так: я пыталась заставить себя не думать, но мысли как лихие казаки срубали своими шашками хрупкие конструкции сюжета. Мы опаздывали в кино.

– Пошли? – Артур появился передо мной неожиданно и его спокойное лицо вывело меня из себя. Я знала, что случилось что-то ужасное. Я позволила ему молчать всю дорогу до кинотеатра, потому что не знала, готова ли услышать то, что итак понимала.

Дело обстояло куда серьезнее, чем думала я, чем думал он. Мне не нужны конкретные термины, я чувствовала кожей его тяжёлые раздумья и точно знала, что хорошего мало. Мы посмотрели фильм молча, впервые за всю историю нашего знакомства. И почти не говорили, пока шли до его дома.

Только когда тяжёлая дверь закрылась, я почувствовала удушающее отчаяние. Повернувшись к его серьёзному лицу, я потребовала ответа. Он улыбнулся и посыпал на меня терминами, определениями. Я ничего не понимала, но вычленила то, что было для меня понятно. “Нужно подтвердить анализами”, “врач уверен на 100%, что это лечится”, “тяжёлая реабилитация”. Его голос был таким далёким и трудным, что мне захотелось сбежать по лестнице и вдохнуть свежего воздуха.

– Значит будем лечиться, – я пошла на кухню, чтобы сварить кофе. – Ничего страшного. Все чем-то болеют. Будем ходить на курс, я поживу у тебя, чтобы последить за тобой. Всё наладится.

Его руки обняли меня сзади. Я разрыдалась.

Глава 7.

Самое ужасное, самое прекрасное, что какой бы трагедией не наградила вас судьба, жизнь продолжается.

Я вышла на работу, подавленная и развалившаяся. Но Марина становилась всё круглее, Лида заезжала на обед отдохнувшая, и я гнала от себя мысли о том, что Артур может быть со мной совсем недолго. Через неделю после его визита к врачу диагноз подтвердился. Лечение прописали сложное, но доступное, тем более деньги на всё это были. Его мать не соизволила приехать, как и все его родственники. Я не спрашивала об этом.

Процедуры в центре реабилитации были для нас поводом повидаться и поговорить. Я много шутила, кормила его сладостями и рассказывала про неурядицы на работе. Он внимательно слушал, думаю, даже вникал. Никому не хочется думать о худшем, тем более, когда это самое худшее смотрит тебе в лицо.

Осень подкралась незаметно, но уверенно. Я проводила с Артуром всё свободное время за исключением нескольких вечеров, когда подружки атаковали меня со всех фронтов. К моему удивлению, он не противился моему присутствию, выделил мне полку для вещей и шкафчик в ванной. После долгих и мучительных процедур он спал крепко, а я смотрела за всем, что происходит в его доме. Потом он отходил,

бодрился, работал за компом, пока я читала бесконечные книги. Мы собирали у себя друзей. Вера с Коленькой, которые переживали второй медовый месяц в своих попытках к примирению. Я в это не верила, но и не комментировала. Думаю, Вера слишком хорошо меня знала, чтобы сомневаться в моём мнении. Марина с мужем и Лида со Стасиком. Один поглаживал живот жены с любовью, второй скучал с отрешённым лицом. Мы обсуждали своих гостей как только закрывалась дверь. Я моём идеальном плане семейная жизнь выглядела именно так, но я больше не чувствовала разочарования от того, что это просто фантазии. Я переболела или мне так казалось.

В один из вечеров после процедур Артур еле ходил, так слаб он был. Врач отмечал положительную динамику и говорил, что страдать осталось недолго. Я ему верила.

Это был первый раз, когда мой друг взбунтовался. Душ был его обязательной процедурой, но сейчас слабость брала вверх. Я пыталась убедить его, что вполне себе могу помыть его без сексуальных подтекстов. Даже предлагала ленту на глаза. Но он твердо отрицал всякую возможность, и я знала, что в упрямстве этот человек не уступит ни одному ослу. Я уложила его в кровать, переодев с закрытыми глазами. Он смеялся. Когда я подоткнула под ним одеяло, он взял меня за руку.

– Не думай, что я никогда не представлял наш с тобой брак, – он обводил контуры на моей ладони. – Ты будешь хо-

рошей женой, поверь мне, очень хорошей. Мы бы с тобой ладили... В домике у моря с панорамными окнами. Всё как ты хотела. Сидели бы вечерами каждый за своей книгой и чувствовали ступнями волны. Я бы дал тебе завести всех зверей.

– И даже морскую свинку? – я улыбнулась.

– Ага, даже эту пушистую крысу, – он устало закрыл глаза. – Если бы я только мог выбирать... Я бы обязательно тебя полюбил.

Я вышла из его спальни уверенная, что это правда.

Не знаю, о чём думала я, о чём думал он. Мне не казалась необычной наша совместная жизнь и будущее меня не интересовало. Всё больше и больше я обустривалась в его квартире, привыкала к его присутствию и ежедневным разговорам по душам. Кто-то сказал, что нужны века, чтобы привыкнуть к одиночеству, но отвыкаешь от него за один день.

Толи я изначально парное создание, толи слишком долго была одна, но наличие мужчины, пусть и не в полном объеме меня успокоило. Понемногу Артур оправился. Процедуры стали редкими и щадящими. Он переехал на диван, предоставив мне спальню.

И вот в первую субботу октября я согласилась пересмотреть самый ужасающе скучный фильм за всю историю. “Асса”. Ещё на начальных титрах меня начало клонить в сон и к первой песне я уснула. Видимо, он тоже не так уж сильно любил эту картину, потому что утром я проснулась на его плече. Мы проспали в обнимку всю ночь, хотя он говорил,

что не в состоянии делать это. Я закрыла глаза и погрузилась в дремоту. Второе моё пробуждение случилось, когда солнце уже вовсю било в окно, а Артур пытался аккуратно выбраться из-под моих щупальцев.

– Доброе утро, – он пробурчал что-то под нос, я сразу почувствовала, как ему не комфортно. Почему-то это меня разозлило.

За обедом он наконец посмотрел на меня.

– Ты знаешь, как я благодарен тебе за всё, – его голос был твёрд, что говорило об обдуманности сказанного. – Но нам пора прекратить это.

– Что именно? – мне хотелось возненавидеть его, я требовала слов, которые снова разобьют моё сердце. Надеялась, что окончательно.

– Ты сама знаешь.

– Я хочу, чтобы ты это сказал, – я упрямо скрестила руки. – Ну же, это так просто. “Спасибо и до свидания”.

– Мы остаемся друзьями, как и раньше. Но жить вместе неправильно.

Я доела молча, с аппетитом, наигранным, но необходимым. Горечь застряла у меня в груди, но я не собиралась устраивать истерики. Он не трогал меня, позволил собраться. Я вышла из его квартиры в полной тишине, разрушенная и подавленная. Эта не твоя жизнь, ты просто зашла в гости в место, где тебе не очень-то рады. Будни его жены тебе совершенно не подходят. Иди в свою разбитую жизнь, ты только

этого и заслуживаешь.

Мы не разговаривали целую неделю. Не знаю, чего я ещё хотела добиться. У меня просто не было сил, возможности, терпения. Что может сказать отвергнутый тому, кто его отверг? Я тебя ненавижу? Неправда. Я хочу, чтобы ты исчез из моей жизни? Ложь. Истинные чувства просили, нет, даже требовали, чтобы он меня полюбил. Бред, конечно. Но что-то нужно было предпринять, я скучала по нему, и, как бывало не раз, написала. Его спокойный голос согласился на кофе. Я ожидала, что он пригласит меня к себе, как бывало почти всегда.

Ожидая его на месте, я поняла, что меня пропитал невроз. Какая-то необъяснимая трясучка от осознания, что я вот-вот с ним увижусь. Только здравый смысл не позволял мне пуститься в бега и скрыться в глубине своей крошечной комнаты. Он появился из пелены дождя слишком неожиданно и холодно. Мы взяли кофе, остались за столиком. Я чувствовала его отчуждение и боялась, что он выкинет меня из своей жизни за нарушение правил.

– Я должен рассказать тебе кое-что, – я мяла рукава в своих нервных пальцах и ожидала худшего. – За ту неделю, что мы не общались кое-что произошло. Если честно, не знаю, как ты отреагируешь в связи... ну ты поняла... – я действительно поняла. – Ничего не скажешь? – Я мотнула головой, откидывая с лица надоедливую прядь. Сердце замерло. – Ну да. В общем, Роза написала...

И больше я его почти не слушала. Это когда-то должно было случиться, я ждала чего-то подобного. Неужели молодой и симпатичный парень останется холостым вечно? Дворняга погрелась в подъезде, а теперь её выпихивают под дождь. Я ведь давно знала, что он со мной не будет. И я знала, что он до сих пор испытывает чувства к этой вульгарной, отвратительной девице. Мне вспомнилась информация “о себе” на её странице: “Это пиджак из кожи змеи. Он является символом моей индивидуальности и веры в личную свободу”. Кто это у нас думает, что самый умный. Роза была из тех людей, которые смеются над фотошопными селфи медиадив, но неряшливо повторяют те же снимки. Я воспринимала её как женщина и была уверена, что мы не подружимся.

Но я позволила Артуру распинаться о том, что между нами ничего не изменится, что мы будем друзьями. Засунь себе в жопу свою дружбу – это мне хотелось бросить ему в лицо. И в тот момент, когда я была невероятно близка к этому, меня резко отпустило. Я посмотрела на него, кажется, впервые за нашу встречу, и улыбнулась. Думаю, он был удивлён. Я предложила познакомиться, когда Роза захочет, и обещала быть милой, даже если она мне не понравится. Многолетний воздушный замок обрушился прямо мне на голову, и я почувствовала её. Свободу.

Глава 8.

В начале декабря, когда наше общение с Артуром свелось к “надо чаще вот так собираться”, я получила лёгкий шок от резкой смены руководства. Марина добродушно отпраздновала свой выход в декрет, должность ей так и не дали. Я осталась одна в змеином логове, где каждый друг другу враг. Теперь мои обеды проходили в гордом одиночестве, как и походы до метро. Однако новая метла мела по-своему.

Наш отсталый начальник попался на укрывании части прибыли. Стоит ли говорить, что всегда есть тот, кто диктует свои правила. Оказалось, что мы вовсе не мелкая кантора, у нас есть целый совет директоров и огромный список услуг в других отраслях. Видимо, я невнимательно читала отзывы о компании, когда устраивалась сюда на работу.

В один момент лихие 90-е покинули наше историческое здание, мы затаили дыхание, ожидая нового знакомства. Мой коллектив, который я не очень лестно охарактеризовала чуть выше, сплоченно готовил ответный удар. Да, руководство тряслось за свои кресло, потому что каждый новый начальник имел “своих людей”. А старые оказывались неудобными. Если бы прежний покровитель так грубо не опростоловился, у них бы был шанс последовать за ним в совершенно новое место. Но увы и ах, попытки вникнуть в новую систему бизнеса отняли слишком много сил.

Вот так в среду мы все получили страшное оповещение о коллективном собрании. Все до одного были приглашены на знакомство с новым боссом. Я удивилась, что он решил проявить учтивость. Мне представился мерзковатый мужичок лет 40 с залезшими волосами и редкими зубами. За утро пронеслась целая миля слухов. Любой мог стать нашим начальником, от дочки Путина до внука Папы Римского. Я лично не была сторонником обсуждений того, что предугадать нельзя, тем более, когда дело касалось “у меня знакомый в министерстве”.

В полдень мы все собрались в коридоре, поскольку на улице было жутко холодно, а переговорным вмещали максимум человек 10. Я стояла дальше всех и за своими очками разглядела только достаточно вытянутый силуэт вроде как не старого мужчины.

– Всех приветствую! – его голос звучал вполне себе приятно, но всё же как-то официально. – Меня зовут Георгий Рождественский, и мне выпала честь поработать с вами благодаря решению совета директоров компании. Конечно, я познакомлюсь с каждым отдельно и послушаю отчёт о его работе. Самое важное для меня – прибыль. И вы должны сделать всё, что угодно, чтобы её обеспечить. А теперь не будем терять время. За работу, коллеги!

Меня подталкивали в сторону кабинета со всех сторон, а я всё ещё пыталась разглядеть за толпой нового начальника. К сожалению, его уже атаковали юристы, а этим стервят-

никам не было равных в искусстве отвлечения. Я подумала, что всё равно пообщаюсь с ним лично, раз он того требовал. Естественно, начальники трепетали. Работа остановилась, а от нас стали требовать максимально подробных отчётов о мероприятиях и финансовых выхлопов. Финансисты и маркетологи побелели как бумага и судорожно создавали всё новые икселевские файлы.

На волне всеобщего психоза я чувствовала себя максимально расслаблено. Приготовила своё лживое местами резюме, написала все возможные отчёты и принялась за разработку концепции корпоратива по славянским мифам.

К пятнице все наши начальники написали “по собственному желанию”. Моя руководительница, которая весь четверг называла нового босса кибер-человеком и супергероем, чертыхнулась и собрала свои вещи. Ходили разные слухи. Из всего перечисленного я поняла, что наш шеф достаточно молод, ему около 35, хорош собой, любит костюмы. А ещё никто, входивший в его кабинет не смог убедить его в необходимости своей работы. Юридический отдел поменял численность с 10 до 1. Честно говоря, оставшийся был единственным рабочем звеном, все остальные просто паразитировали на его труде. Я мысленно поаплодировала своему боссу, но отдернула себя. Моя работа далеко не самая сложная. Что если он со мной распрощается, а у меня за душой никаких накоплений и съемная комната? Я судорожно обновила резюме на сайте и скрыла его от своей компании.

После обеда мне написал Артур. Они с Розой ждали меня на ужин в итальянском ресторанчике, куда мы часто ходили вдвоём. Пытаться подружиться с пассией своего бывшего любимого просто вершина мазохизма, тем более, что на работе у меня назревал коллапс, а второго шанса понравится этой кикиморе не будет. Я честно пыталась отказаться, но Артур знал, как надавить на меня. Я дала добро и забила в гугле имя своего нового босса.

Кажется, есть люди, чьи биографии – сплошная мечта. Аналитика страничек в соцсетях и общедоступной информации показала: сын богатых родителей (кто бы сомневался), отучился в Лондоне (клише), получил международный титул по плаванию (ещё одно клише), работал в Правительстве Москвы. Совершенно непонятно, как и зачем он снизошёл до нас, простых смертных. Однако вечером я выключила компьютер, подтвердив совещание с ним в понедельник утром.

Я не стала наряжаться, пошла как есть. За столиком меня уже ждали влюблённые. Конечно, я сразу почувствовала уколы ревности. Она держала его шею и прижималась ужасающе коричневыми губами к уху, оставляя следы. Мы с ним сотни раз видели похожие картины и сходились во мнении, что ласки должны оставаться за дверями. Однако теперь он смеялся как самый настоящий простофиля, и мне стало горько, что он никогда не бывал таким со мной.

– Привет, – я улыбнулась максимально непринуждённо,

Артур тут же вскочил на ноги.

– Я так рад, что ты пришла! Садись, – он отодвинул мне стул. – Ну, представлять вас друг другу нет смысла. Закажем что-нибудь попить?

– Мне виски.

Мои плечи дёрнулись сами по себе, ведь я знала, как Артур относился к пьющим женщинам. Я попросила колу. Мы зарылись в меню.

Ох уж эта чёртова интуиция! Хоть бы раз она меня подвела. Не знаю, почему Артур не заметил, что мы не влюбились друг друга. Он весь вечер смеялся и рассказывал истории. В основном про нас с ним, ведь Роза оставила его совсем подростком, а я встретила мужчиной. К концу вечера нам принесли бутылку шампанского. Естественно, мы начали щебетать о том, что не заказывали.

– Молодой человек за вон тем столиком передал вам комплимент, – он указал на симпатичного брюнета у окна с дамой.

– Скажите ему, что у меня тут жених. Пусть не нарываяется на проблемы, – Роза вся расцвела от случившегося и накинулась на Артура с очередной порцией нежностей.

– Это вам.

Тут уже расцвела я. Что может быть лучше, чем симпатичный мужчина, проявляющий к тебе интерес, когда сама ты в такой неоднозначной ситуации.

– Видимо, у парня беда со вкусом, – Роза прикусила язык

от упавшего лица Артура.

– Передайте мою благодарность.

– Ваш номер телефона, если пожелаете.

– Конечно.

– Нельзя раздавать свой номер кому попало. Ты ведь его совсем не знаешь, – Артур приводил странные аргументы, пока я царапала карандашом правильные цифры.

– Это её дело, оставь, зая.

Если бы можно было убивать безнаказанно, я бы затыкала вилкой эту мерзкую дрянь, так она меня раздражала. Почти сразу я получила смс в ватс апп: “Надеюсь, эта выдра жутко взъелась”. Я улыбнулась и ответила: “Более чем) Спасибо)”. “Позволишь проводить тебя до дома? Обещаю не нападать на тебя в тёмном углу”. “Ты вообще-то с девушкой” – ну и наглость, подумала я. “Первое свидание. Крайне неудачное. А что у тебя?” “Знакомство с пассией друга. Как видишь, ещё хуже”.

Мы условились встретиться на перекрёстке. Я видела, как он попросил счёт, как огорчилась его надутая спутница. Мне всегда казалось, что мужчины, предпочитающие таких девушек, никогда не посмотрят на меня. И они не смотрели. До дома мы прошлись очень даже приятно. Игорь оказался арт-директором бара, название которого ничего мне не говорило, но он утверждал, что место культовое. Я думала о расстроенном Артуре и о ядовитом плюще, в который он имел неосторожность влюбиться. Ужасно слушать человека в пол-

уха, но он, надеюсь, списал это на скромность. Он предложил распить шампанское на бульваре, я отказалась, шутя, что мне нужен повод для ещё одной встречи. Возможно, мне действительно он был нужен.

У дома он попытался подойти ко мне ближе, но я быстро попрощалась и вбежала в подъезд. Ну, во-первых, я не целуюсь с первыми встречными. А во-вторых, я всё ещё чувствовала что-то к человеку, который тратил свою жизнь не на ту женщину. Я ждала звонка Игоря всю субботу и воскресенье. Но, видимо, мои дорогие мужчины ушли в подполку.

Понедельник я ознаменовала пролитым на себя кофе. Даже не представляю, как порой мне удаётся быть настолько неуклюжей. Конечно, влажные салфетки спасли положение, но темноватые круги всё ещё проглядывались на моей жёлтой блузке. Я постаралась максимально вписаться в деловой этикет, поскольку Георгий Иванович явно предпочитал классику. Как скучно ему, должно быть, живётся.

Ничего удивительного, что нашу встречу переносил его секретарь. После 5 я уже оставила волнение и расслабилась, аккуратно перелистывая каталог с новой коллекцией украшений из знаменитых кристаллов, шёл последний час моей работы. И в этот самый момент, совершенно естественно, за моей спиной выросла противнющая секретарша нового начальника.

- Хм, – приподняла она татуажную бровь. – Вас ожидают.
- Могли бы просто позвонить, – я пыталась быть макси-

мально дружелюбной, но выходило скверно.

– Георгий Иванович говорит из приёмной.

Она пошла к двери также без шумно, как и вошла в неё. Я собрала остатки мужества, захватила приготовленную папку с отчётом и побрела в сторону двери с отпечатком пальца. Мне пришлось быть надоедливой и звонить, поскольку я не успела поймать закрывающуюся дверь. Никто не открывал, я позвонила снова.

– Вам запала не занимать, – молодой начальник стоял в дверях, прижимая к плечу трубку.

– Извините, никто не открывал. И я подумала...

Он жестом велел мне помолчать. Я сочла его грубым.

– Никаких обсуждений быть не может. Перестаньте называть моему секретарю или мне придётся подключить полицию.

Он повесил трубку и окинул меня вопросительным взглядом. Из кухни выбежала его секретарша с чашкой чёрного кофе в руке. Она назвала мою фамилию и тот понимающе закивал.

– Прошу.

Я вошла в кабинет, не уверенная, куда нужно сесть. Переговорный стол показался более логичным вариантом, так между нами была целая плантация из дерева. Стулья были мало удобными, а я сама была тут всего два раза до этого дня. Ужасно хотелось пить и есть. Через несколько минут показался и сам Рождественский.

– Итак, приятно познакомиться, – он поставил передо мной чашку кофе на блюдце с двумя кубиками сахара и порционные сливки. Я смущённо поблагодарила его. Он сел напротив, уверенный и серьёзный, и показал что-то секретарше, застрявшей в дверях. Та порылась где-то вне поля моего зрения. Передо мной положили тканевую салфетку, на которой появился стейк и салат. – Прошу извинить, выбор у нас скудный.

– Да это не обязательно, я в принципе не голодная, – ага, как же! Разве только по подбородку моему не стекали слюни.

– Вы мой единственный шанс на обед, – он смотрел настойчиво, не улыбался. – Прошу, обойдёмся без формальностей. Где ваш отчёт и резюме? – я передала ему папку. – Ешьте, ешьте. Я не собираюсь встречать тут с вами рассвет.

Я аккуратно резала стейк, пожалуй, самый вкусный, что мне доводилось есть. Только с огня, более перчённый, нежели солёный. Явно дело рук его помощницы. Надо бы с ней подружиться. Как хотя бы её зовут? Он переворачивал листок за листком, поглощая при этом еду так изысканно, что мне хотелось заколоть себя вилкой. Когда я закончила, он уже пил свой кофе.

– Юлия, заберите посуду, пожалуйста, – Георгий повесил трубку и молчал, пока секретарь не скрылась за дверью. – Мда... Хорошее образование не всегда залог успешной карьеры. Что же вы так мелко плаваете, с вашей-то степенью и многочисленными наградами? Хотя, не отвечайте, – он вер-

нул мне резюме. Прекрасное впечатление от ужина перекрылось его надменными словами. Я злилась. – Меня вполне устраивают результаты вашей работы, вас хвалят клиенты, поэтому хвалит начальство. Но мне совершенно не нравится ваш внешний вид.

– Что, простите? – я нахмурила брови, давая ему шанс хорошенько подумать.

– Вы явно старались принарядиться для нашей встречи, я ценю. Но у меня хорошая память. Ваш свитер со снеговиком на общем собрании был самым неуместным. Мы бизнес и ведём дело с бизнесом. Старайтесь соответствовать.

Я молчала, чтобы не послать его подальше в тундру. Всё очарование вечера разрушилось этими отчитываниями. Это неважно. Они не будут видеться даже раз в месяц. Нужно просто потерпеть его немного, только до конца рабочего дня. 10 минут.

– И ещё ваша причёска, – он отпил кофе, не отводя от меня глаз. Возможно, ждал пощёчины. – Старайтесь как-то усмирить свои очаровательные кудряшки. Вот за макияж хвалю, естественно и аккуратно, – он ждал моей реплики, а я смотрела на часы за его спиной. – У вас скоро самостоятельное мероприятия по славянской мифологии. Будем воспринимать его как повод хорошенько познакомиться. Человек проверяется делом, – он опять замолчал. – Скажите что-то?

– Спасибо за еду и ваше время. Мой рабочий день закончен. Я бы хотела уйти.

– Да, конечно, – он растеряно посмотрел на часы, потом встал. – Было приятно познакомиться.

– Вы это уже говорили, – я едва сдерживала эмоции. – Кстати говоря, я не накрашена, если вам это так интересно. Хорошего вечера.

Я хлопнула дверью максимально корректно и подумала, что начальник смениться гораздо раньше, чем мне кажется. А ещё, я всегда могу уволиться. Работа – резиновый мячик, что-то обязательно прыгнет в руки. У меня есть опыт и кое-какие связи. Пусть идёт к чёрту этот папенькин сынок с точным мнением про всё на свете. Уже завтра это станет историей. А уязвлённое самомнение мне залечит хороший фильм и лавандовый раф из любимой кофейни.

Глава 9.

Если вы думаете, что избавиться от самодовольного босса легко, вы ошибаетесь. Во вторник утром я застала у своего стола Юлю, его помощницу. Я подумала, что он предложит мне уволиться, но всё оказалось куда интереснее. Не знаю, почему этот бульдог вцепился в меня, как в плюшевого зайца, но что-то подсказывало мне проигрыш в неравной схватке. Однако я без боя не сдамся.

Его величество решил лично встретиться с нашими ключевыми клиентами и привезти в подарок (что?) торт. Смех вырвался из меня абсолютно произвольно. Дарить продукты могут только те, кто их производит, и кто уж это должен знать, так это молодой бизнесмен. Но Юля равнодушно пожала плечами, раз начальник хочет торт, будет торт. Идеальная помощница-медуза. От меня требовалась реализация данной идеи. Причём к завтрашнему дню. Я и сама знала, что срок годности любого торта примерно 5 дней. То есть, если мы сделаем его сегодня, завтра его подарят, у клиента будет 3 дня, чтобы съесть это. Как же глупо придумано.

– Георгий Иванович сказал, что если результаты его не устроят, то вам следует поискать себе другое место.

С этими словами дамочка поцокала в сторону двери. Коллеги удивлённо перешёптывались. С чего вдруг ко мне такой интерес и тем более задание, в преддверии мифологическо-

го корпоратива. Но я знала, что крысёныш пытается меня выжить. Я ещё раз обновила резюме и пообещала себе тратить на поиски нового места как минимум час в день. А пока время торта.

Человеку со стороны может показаться, что нет ничего проще, чем купить подходящий торт. Но когда это подарок от компании важен не только вкус, но и оформление. Коробка, лента, логотип. Всё должно напоминать о дарителе, но как можно более ненавязчиво.

Типография, естественно, поставила нереальные сроки реализации. Но для того я и нужна, чтобы выбивать то, что мне нужно. Кондитерская на первом этаже нашего здания славилась своими вкусняшками, может, поэтому я до сих пор не похудела. Пекарь, конечно, рассказал о том, как сложен такой экстренный заказ, но я-то знала, что это просто прелюдия ради набивания себе цены. Смотрите, какой я замечательный, сделал то, что другим и не снилось. Какие же люди одинаковые.

После обеда я поехала в типографию на цветопробу. Фирменный стиль нашей компании мало к чему подходил, но я знала про сувенирку больше, чем хотелось бы. Выбрав нужное, я осталась стоять над душой, чтобы забрать все необходимые коробки и сложить их в пекарне самостоятельно. У офиса я оказалась ровно в 6, торты все ещё не были готовы. Ужасная история с лимонным кремом, который почему-то отказался от своей воздушной субстанции, поэтому изделия

из 30 см высоты стало 25 см. Я согласилась на такую замену, торжественно разложила маленькие шоколадки-логотипы на верхний слой, и вместе с пекарем собрала 7 коробок, чтобы отнести утром боссу.

В 9 вечера я поднялась в офис за вещами, довольная и счастливая. В коридоре было темно и тихо, но охранник предупредил меня о наличии начальника на посту. Ни за какие деньги нельзя отказывать себе в личной жизни и уютных зимних вечерах. Я вернулась в кондитерскую и взяла один торт. В приёмной сидела сменщица Юли, Оксана, самое милое и воздушное существо, которое мне доводилось видеть. Она осталась после прежнего начальника, видимо, этот ещё не успел обзавестись напарницей своей фурии. Мы тихо шептались через стойку ресепшн, когда вышел Георгий Иванович. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы он видел меня в джинсах, кроссовках и том самом свитере со снеговиком. Но увы и ах.

– Что это? – он раздражённо кивнул на торт.

– Ваш торт, – я чувствовала себя уверенной.

– Я просил 6 тортов завтра утром, – тон человека, которому всё всегда приходится объяснять. – Неужели так сложно сделать такую малость? Это не занимает много времени и интеллектуального труда. Мне просто непонятно, почему вы не можете справиться даже с этим. Идите тогда стричь газон! Это творческая профессия, на свежем воздухе.

– Сейчас зима, – улыбнулась я. – Вряд ли газоны востре-

бованы, – он уставился на меня, я заметила красные прожилки, тянувшиеся по всему белому пространству. Мне стало его жаль. – Ваши шесть тортов в холодильнике в пекарне на 1 этаже. В 8 утра ваш водитель приедет забрать их, чтобы потом вернуться за вами. Этот торт 7, пробный, специально для вас. Нужно понимать, что вы дарите, – он помолчал немного, а потом посмотрел на часы.

– Судить по себе людей не стоит, – он взял в руки коробку и покрутил её, а потом попросил у Оксаны нож. – Я не ем сладкое, тем более в такое время. Ты могла бы предугадать такое, как хороший организатор, но увы, – он отрезал маленький кусок и предложил притихшей Оксане. – Ну как?

– Вкусно, – произнесла она дрожащим голосом.

– Поставь его в холодильник и отдай мне перед уходом. Завтра утром будет понятно, останетесь ли вы тут работать.

Он вернулся в свой кабинет, а я показала ему неприличный жест в спину. Обычно я такого себе не позволяю, но он умудрился выбесить меня на пустом месте. Не ест он сладкое, видите ли. Поэтому ты и похож на мерзкую жабу.

На следующее утро я лично проконтролировала водителя, забиравшего торты. Мужчина средних лет с военной выправкой и добрыми намерениями. Как редко мне в жизни встречаются по-настоящему достойные люди. От него так и веяло спокойствием и добротой. И если бы не моё железное правило, я бы обязательно обсудила, как этот милый человек может работать на откровенную выскочку. Поскольку мне так

и не позвонили с предложением уволиться, я сделала вывод, что Рождественский остался доволен, ну или просто забыл обо мне. Меня устраивало оба варианта.

Через неделю ринулись настоящие декабрьские холода. Артур почти не писал мне, мы оба понимали, в чём дело. Конечно, я скучала по нему, думаю, он тоже. Но оказалось, что жизнь без него продолжается. Я встречалась с Лидой, которая всё ещё не работала и радовалась свободе тусовок. Марина с нами бывала редко, ей рожать в январе. Вера переживала второй медовый год с Коленькой. А я просто проживала день за днём, выполняя ежедневные задания. Никаких сайтов знакомств, никаких попыток заглянуть в глаза симпатичному прохожему. Возможно, в моей книге судьбы романтизма не значилось. В конце концов, люди живут и с такими историями. Но тут я услышала знакомое цоканье.

– Георгий Иванович вызывает. Быстрее.

Ни вам “здравствуйте”, ни “до свидания”. Как на зло я опять надела свитер со снеговиком. Теперь он скажет, что у меня нет одежды.

Рождественский стоял в приёмной и говорил по телефону. Я удивилась, что ему не доставало сноровки просить секретаря перевести звонок в кабинет. Интересно, знал ли он об этой функции. Увидев меня, он жестом показал на свой кабинет, а сам продолжил диктовать какое-то официальное письмо. Я слышала, как замолк его голос, как он положил трубку, попрощавшись. Но сам Георгий Иванович появил-

ся только спустя пару минут, с подносом. Кофе и печенье, очень милое начало. Он уселся в кресло напротив меня, тот же переговорный стол, те же манеры перед оскорблениями.

– Итак, вы ко мне не прислушались. По поводу вашего внешнего вида, – он отпил кофе, ожидая комментария.

– Я считаю, что выгляжу прилично. Этого вполне достаточно, чтобы работать и никого не смущать. Если вы не в состоянии оценивать меня как профессионала... – он поднял руку, останавливая мою речь.

– Говорят, вам не понравилась идея тортов, – я чертыхнулась про себя, думая, кто же оказался крысой.

– Вы меня не спрашивали.

– Вот именно, – улыбнулся он. – Но теперь спрошу. Что вы думаете о тортах в качестве подарка?

– Ужас, – я переняла его манеру поведения. – Такое может позволить себе производитель. Да. Но мы организаторы мероприятий, нам следует делать полезные подарки, на мой взгляд.

– Например?

– Например, настольную лампу с тёплым и холодным светом, для тех, кто работает в темноте. От верхнего освещения быстро устаёшь, а это отличный способ хорошо просматривать документы, но чувствовать себя уютно.

– Хм, – он отпил свой кофе, но так и не притронулся к печенью. – Мне нравится. В следующий раз я попрошу вас подобрать мне варианты, – он немного помолчал. – Корпоратив

по славянской мифологии прошёл, как я слышал, с блеском. Мы с вами договаривались, что это мероприятие станет отправной точкой нашего знакомства, – я пила свой кофе, стараясь выдерживать его изучающий взгляд. – В общем, я решил вас повесить. Вы вроде как способны руководить проектами самостоятельно.

– Я?

– Вы, – он сделал глоток. – Повыше зарплата, купите себе новый свитер, – впервые это звучало не как упрёк, а как шутка. Я улыбнулась.

– Спасибо.

– Это аванс, вы должны его оправдать, – он снова стал серьёзным. – Вот и сделаете это для очень особенного клиента. Юлия даст вам всю необходимую информацию. Напоминать вам про ответственность не стоит? – я махнула головой. – Отлично. Приятно было повидаться.

Он тактично закрыл за мной дверь, а его секретарша ткнула в меня огромной папкой со спутанными файлами. Оказывается, когда кто-то действительно хочет тебя повесить, процедура упрощается. Находится ставка, находятся возможности. Я до конца не понимала, какой мне теперь придётся вести образ жизни, ведь все знали, что это должность расстрельная. Радость, которую мне принесут дополнительные деньги была куда выше возможных проблем.

Ознакомиться с предстоящей работой можно двумя способами: прочитать кипу бумаг с запутанными запросами.

Хочу мулен руж, нет, маскарад, нет, деловой завтрак, нет, цирк. Большинство клиентов не имеют понятия о том, что им действительно будет интересно делать. Для этого и нужны мы, я и другие организаторы мероприятий. Чтобы из “я не знаю, чего хочу” получить “вот это да!”

Я собрала всю свою волю и позвонила заказчику. Приятный женский голос сразу же расслабил меня. К сожалению, не все, с кем мне приходилось работать, были приятными. Многие считают, что раз они заплатили деньги за услуги твоей компании, они как минимум взяли тебя в рабство. Тут уж не дожидаться ни чувства такта по рабочим часам, не понимания к чужим выходным. Однажды мне позвонила заказчица и попросила очень даже настойчиво выбрать подарок для её жениха. При том, что я организовывала его день рождения, а не их свадьбу. И это было воскресенье.

Мы встретились с Галиной в её собственном баре. Вообще, я редко бываю в злых местах, поэтому приятно удивилась свежему интерьеру и хорошему простору. Узкие проходы всегда меня раздражали. Мы сели за столик и начали обсуждать мероприятие. Открытие нового бара, они расширяются. Всё будет в стиле русско-народного гулянья, само место к такому располагает. Георгий Иванович посоветовал меня, поскольку недавно я делала корпоратив по славянским мифам и мне не придётся долго вникать. Дата открытия – четверг для VIP-гостей, пятница для всех остальных. Сегодня был вторник. Мда уж, чувствую, новая должность захо-

чет кинуть лапу на мою личную жизнь. Вот к чему приводит начальник-трудоголик.

Вот уж никогда не представляла себя ночующей на работе. Но в среду вечером коридоры опустели, служащие разбежались, а я только преступила к формированию меню для кейтеринга. К сожалению, большинству профессионалов требуется гораздо больше профессионализма для решения рядовых задач. Я не могла позволить подавать на VIP-открытии русского бара мидий. Но и холодец мало годился.

К 10 часам вечера я закончила с едой и вспомнила, что сама даже не обедала, что бывает со мной более, чем редко. Глаза болели от экрана, я стащила с себя очки, забросила ноги на стол и закрыла глаза.

– Хорошо хоть не в пижаме, – Георгий Иванович перехватил рукой моё падающее кресло. Я вскочила на ноги, но тут же пришла в себя и вспомнила, что я руководитель проекта, у меня всё под контролем. Наверное. – Теперь мне будет приятно осознавать, что не один я засиживаюсь на работе.

– Я, вообще-то, собиралась домой. Всё, что могла, сделала, остальное завтра. Так что... – я выключила компьютер и сделала вид, что ищу что-то в сумочке. Понятие не имею, зачем я так делала, но мне было спокойнее не смотреть на малознакомых людей, тем более наедине. Я надеялась, что он уйдёт, но не тут-то было.

– Я подвезу вас.

– Ой, нет, спасибо. Мне быстрее на метро.

– Вы что, – он сузил глаза и подошёл слишком близко к моему столу. – Думаете, что я за вами увиваюсь?

– Нет, конечно!

– Ну тогда спускайтесь к машине. На улице ночь, это простая вежливость.

Он закатил глаза и прошагал к двери. “Манеры – это лицо мужчины,” – вспомнилось мне, когда он обернулся, чтобы пропустить меня. Да, безусловно, зашитая в правила приличия мужская забота, покоряла куда надёжнее денег и красоты. Но этот мужчина обладал всеми достоинствами сразу. Бывает ли так, чтобы такой молодой человек вдруг испытывал интерес к такой как я? Фу, гони от себя всякие фантазии.

В машине и правда было максимально безопасно: на переднем сидении расположилась Оксана. Я поздоровалась с ней и распласталась сзади. Как оказалось, новый начальник почти всегда подбрасывал её к дому, они ни разу ещё не заканчивали вовремя. Я смотрела на Рождественского, что-то активно обсуждавшего по телефону на холоде, и думала, как, должно быть, приятно жить с таким женщиной.

– Его жену я, правда, не видела, но, говорят, она просто красавица.

– Думаешь, он женат!

– Конечно! – Оксана хихикала. – Не все мужчины носят кольцо. Такой мужчина и не мог остаться одиноким...

Ага, оказывается не одна я посматривала на нового босса увлечёнными глазами. Но информацию стоит проверить. По

дороге к дому Оксаны я нашла только его страницу в Фейсбук. Очень деловая и фактическая. Если и были у него личные странички, то только под другими именами и никнеймами. Хотя это вряд ли. Статус “женат” светился огнём, но ни одной совместной или свадебной фотографии я не нашла. Однако, какая разница?

Потом мы остались одни. Я на заднем сидении, он за рулём. Наверное, было бы приличнее пересесть, но с учётом его занятого положения, мне все приличия были не интересны. Красивый служебный роман прокатился по моим фантазиям с шумом и громом, я уже начала планировать нашу свадьбу и посмотрите! Он женат.

– Спасибо, хорошего вечера, – он проводил меня до самой двери, какая галантность.

– До завтра.

Конечно, ни попыток поцелуя, никаких нежностей. Он был учтив и приличен до безобразия. И я ненавидела мужчин, появляющихся в моей жизни за зря. Бред, правда? После горячего душа я легла в кровать и попыталась уснуть, но завтрашний день так и крутился в моей голове отбойным молотком. Я вспомнила, что так и не поела. Перевернувшись на другой бок, я позволила себе представить наш бурный роман с Рождественским. Трое детей, собака, кот, большой дом. Я легко распласталась на его спине ранним утром, пью с ним кофе и смотрю на играющих детей во дворе, радуюсь цветам от него, обнимаю сзади пока он бреется, целую в шею. Это

особая романтика: представлять жизнь, которой у тебя никогда не будет.

Глава 10.

Удивительный четверг удивительного открытия. Я не поехала в офис, сразу же перебравшись в бар. Русский вечер был готов принять гостей ровно в срок. К 18:00 стали стекаться модные, татуированные звёзды на дорогих машинах, я радовалась их энтузиазму. Мы сделали особую рассадку согласно дружеским отношениям прибывших. Я лично следила за тем, чтобы всё шло по плану.

Как только Галина перерезала ленту, все приступили к алкоголю, и я смогла хоть немного расслабиться. Радостные тосты, водка рекой, солёные огурцы. Кажется, всё гангста вспомнили свои настоящие имена. Я благословляла моду, вернувшую платформу, потому что так мне удалось остаться достаточно приличной, но не сильно уставшей. За окном мела настоящая выюга.

– Хорошенький костюмчик.

Я резко обернулась, подпрыгнув от удивления. Оказалось, что мой спаситель на ужине с Артуром и Розой тоже был здесь. Как же его звали?

– Неожиданно. Привет, – Я попыталась отойти подальше, но он аккуратно взял меня за локоть. Не могу сказать, что мне было неприятно.

– Так значит это ты хваленный организатор моего братца? Хорошенькое дельце.

– Георгий Иванович...

– Именно.

Конечно, особый клиент. Ирония судьбы или два странных мужчины за одну неделю. К нам подошла Галина, прижалась слишком близко к своему арт-директору и с красными щеками рассыпалась в комплиментах мне. Перебрала. Уже. Какими же беспечными бывают даже супер профессионалы.

Я хотела было улизнуть, но Галина с радостными терзаниями опрокинула на меня все свои жалобы на парня рядом. Игорь, сказала она. Всё-таки память частенько меня подводит, недопустимая роскошь. Конечно, мне хотелось бы посадить эту даму на такси и увезти в сторону дома, что я и предложила между делом Игорю.

– Ну уж нет, пусть развлекается. Тем более ничего плохого от неё не увидишь.

Безразлично подёрнув плечами, я оставила их в обществе друг друга и погрузилась в свои обязанности. Честно говоря, всё что лучше некуда, поэтому примерно через 3 часа после открытия я засобиралась домой. Мне было необходимо подготовиться к завтрашнему дню, который обещал быть намного менее приятным. СМИ отчалили задолго до, отзывы обещали быть блистательными.

– Золушка сбегает с бала? – Игорь курил на улице, отчего я сразу же отмела его из списка потенциальных мужей. Я не переносила запах дыма. И по иронии почти все мои друзья

– злостные курильщики.

– Боюсь, я куда больше похожа на Моану, – по его лицу я поняла, что он не в курсе происходящее в мультмире. – Неважно. Завтра открытие для гостей, нужно быть во всеоружии. Пока.

– Я могу проводить, – почему-то мне стало не по себе от его улыбки.

– Нет, спасибо, – коротко отрезала я и скрылась в полумраке вечера.

Это было моё первое открытие, которое я не пересказала в деталях Артуру. После ужина с Розой он написал: “Мне так жаль”. Больше я ничего от него не слышала. Были ли такими уж крепкими наши отношения, если на них смогла поставить крест недоверчивая барышня? Любил ли он меня так, как любила его я? Отводил ли мне столь же особенное место в своей жизни? И зачем вообще подпускать к себе людей, если они способны на такое разочарование? Поверить не могу! Он просто вычеркнул меня из своей жизни, будто меня там никогда и не было. Будто я старая, износившаяся пара сандаля, на которые долго смотришь, а потом бросаешь в корзину для мусора и забываешь.

Утро пятницы подарило мне чудесное зимнее солнце и волшебный лавандовый раф из кофейни у дома. Скажу честно, высыпаться приятно. Я захватила печенье и сэндвич с курицей на завтрак, приняла очередной комплимент о своей смешной бирюзовой шапке и вышла на улицу. Весь де-

кабрь был пропитан предстоящим новогодним праздником, как никогда мне хотелось уюта и волшебства. Ну и влюбиться. К сожалению, с последним пунктом было особенно тяжело.

При входе в бар я больше думала о новогодних подарках, составляла мысленно список и рассуждала, уместно ли заказать Артуру тот кожаный ремень ручной работы, который я присмотрела на одной из наших ярмарок рукоделия. В этих облаках я наткнулась на Игоря, жевавшего яичницу прямо за баром. Видимо, вчера у кого-то алкоголь лился рекой. Я поздоровалась и прошла дальше, к кабинету Галины. Её на месте не оказалось. Не могу сказать, что это меня удивило.

Я проверила готовность зала после вчерашнего мероприятия. В таких небольших местах контролировать процесс куда проще, чем на крупных площадках. Оформители работали на всю мощь и мне особенно нравились кокошники и венки из полевых цветов. Лишь бы всё это выглядело прилично вечером.

– Ну и? – Игорь стоял за моей спиной, самодовольный и наглый, что меня жутко отталкивало. Но ох уж эти голубые глазища с чёртиками на самом дне.

– Что, прости?

– Ты обижена, что я не позвонил?

– Слушай, у меня нет на это времени, – я пошла в сторону барной стойки, чтобы пересчитать алкоголь. Конечно, я была обижена. Мне казалось, что между нами проскочила если уж

не искра, то что-то приятельское. – Я благодарна тебе за помощь на ужине, но наше общение стоит завершить на этом.

– Ух ты, – да, он был очень хорош собой. Думаю, в женщинах у него не было нужды. С чего я вообще взяла, что он может серьёзно отнестись к нашему знакомству? – Да ты уже всё решила.

Конечно, мне не хотелось выглядеть жалкой или слишком придирчивой. Но я должна была оставаться собой в любой ситуации, а значит сказать как есть, а не играть в непонималки.

– Я знаю, как ведут себя мужчины, когда им действительно интересно. Тебе не интересно, – я смотрела прямо в его льдистые глаза и что-то, проскочившее в его скулах, напугало меня. – Поэтому скажем друг другу спасибо и останемся прохожими.

Он ничего не сказал. Ни вопросов, ни попыток отрицания. Значит, я была права. Как будто могло быть как-то иначе.

К вечеру пришла Галина с жуткими мешками под глазами. Сначала она извинялась, потом пила снова, потом опять извинялась. Я всегда чувствовала себя неловко от чужих попыток попросить прощения. Тем более, когда они повторялись.

Скажу откровенно, это открытие мне понравилось гораздо больше. Простые люди – простые решения. Атмосфера царила куда более спокойная. Рекламная кампания удалась, судя по тому, что через час после открытия невозможно бы-

ло протолкнуться.

Я выбралась из толпы в своих джинсах и ботинках с максимально простой футболкой, чтобы проверить готовность группы. В этом мероприятии не было никаких хедлайнеров и звезд. Просто немного русской свистопляски для столичных модников. Всё прошло на ура.

К 9 часам народ уже прилично поднабрал, я попрощалась с Галиной, приняла все пьяненькие комплименты и подумала, что у неё явно есть проблемы с алкоголем. Конечно, можно было взять такси, но погода на улице располагала к прогулке.

Я закуталась покрепче в шарф и прошла до ближайшей кофейни. Снежинки прыгали на мои перчатки и тут же таяли, огни большого города растекались перед глазами всеми красками. В этот момент я подумала, что все мои проблемы, одиночество, отдаление от дома – всё это стоило места, которое, кажется, само выбрало меня своим жителем.

Говорят, от судьбы не уйдёшь. Не знаю как я, самый невнимательный в мире человек, заметила знакомые очертания в одной из витрин прямо у себя за спиной. Обычно я не вижу ничего дальше своего носа. Я тут же обернулась, ошпарившись внезапным страхом.

– Ты в своём уме? – я нахмурила брови, но вздохнула с облегчением. – Напугал до жути.

– Ничего себе, – Игорь продолжил идти, я машинально двинулась дальше с ним вровень. – В наше-то время моло-

дой человек решается проводить девушку, а она брыкается. И вот он, исполненный благородных чувств, бесшумно двигается за ней, чтобы убедиться, что она добралась благополучно. Разве ты не должна пищать от восторга?

– Эм, – я вспомнила знаменитую сцену из вампирской саги. Почему главную героиню не смутила слезка? И в комнате он к ней ходил как к своей собственной бабушке. Никакого шума она не подняла. Никак не среагировала. Будто это само собой разумеется. – Я не люблю, когда кто-то стоит за моей спиной. Это напрягает.

– Мой психолог сказал бы, что ты никому полностью не доверяешь.

– У тебя есть психолог?

– Мой брат, в лице Георгия Ивановича Рождественского, приставил ко мне охрану на случай новой волны депрессии, – он предупредил мой следующий вопрос. – Да, у меня был сложный период, как это принято говорить. Я пытался покончить с собой, если тебе интересно.

Меня удивило как буднично он рассказывал об этом. Будто делал это сотню раз, а значит это вошло в ранг рядовых фактов о его жизни. “Привет, меня зовут Олег”, “привет, я пытался убить себя”. Мне бы хотелось узнать подробности. Как, зачем, когда. Но всё это казалось цветными следами от ладоней на кипенно-белой скатерти.

В воздухе струилась морозная грусть, я чувствовала, как молчание подогревает мои щёки.

– Почему ты пошёл за мной?

– Теперь и по одной улице с тобой ходить нельзя? – его кристальные глаза скользнули по мне и снова упёрлись в дорогу впереди. – Просто хочу пообщаться. Я знаю, что не позвонил тебе в те выходные и всё такое. Это что, преступление?

– Нет...

Я подумала об Артуре. О его красивых кистях рук с длинными пальцами и всегда подстриженными ногтями. Я вспомнила о том, как зашло моё сердце, когда он сказал впервые “я люблю тебя”, как оно упало, когда он добавил “но не как женщину. Как человека, понимаешь?” Я вспомнила как рыдала одна у себя в комнате на Мясницкой и думала, что точно не доживу до утра, как я хотела до него не дожить. Кит, плюхнувшейся мне на грудь и более не встававший шевелился каждый раз, когда я думала об Артуре.

Было бы нечестно привязывать к себе человека, когда ты думаешь о другом. Несправедливо впускать в свою жизнь кого-то, не будучи уверенным, что ему нужно остаться. Я металась в своих мыслях, а блестящие снежинки всё также мерно падали на дорогу. Жизнь продолжалась, она, чёрт бы её побрал, продолжалась. И я хотела чувствовать, как никогда до, я хотела чувствовать.

– Слушай, – начала я совершенно неуверенная в том, что делаю, – в этот четверг выходит триллер на тему множественной личности...

– Можно тебя пригласить на премьеру?

Глава 11.

Четверг настал слишком неожиданно. Что-то внутри меня то и дело хотело отсрочить нашу встречу с Игорем Прекрасным, тем более, что на субботу я договорилась позавтракать с Артуром. Да, он написал мне чуть ли не шифром, потом мы созвонились. Никакого упоминания о Розе и их планах, в глубине души у меня зародилась надежда, что они расстались. Но в её сторис красовался Артур, недовольный солнечным светом. Его знаменитая тактичность. Я знала, что ему невозможно без меня, как и мне без него. От этого сложившаяся ситуация становилась ещё трагичнее. Пока они не женаты, Роза позволит ему иногда видеть меня, но вот потом... Я видела в ней женщину, способную манипулировать мужем при помощи детей, обмороков и домашнего уюта. Ещё раз я взглянула на отвратительный коричневый карандаш для губ, который она “украшала” блеском, а не помадой, будто на дворе 99 год.

Тем не менее, время не спрашивало меня и несло вперёд. Я получила хвалебный отзыв о своей работе через Оксану, на этом сведения о новом боссе закончились. В назначенный день я постаралась выглядеть буднично, но вся моя женская суть требовала чарующего праздника. Уже 100 000 лет я не ходила на настоящие свидания. Я говорю о встрече с явным романтическим уклоном. Человек должен быть тебе

не просто знаком, он должен тебе нравиться. И вот с самого утра я испытывала жуткое волнение. Мои рельефные сапоги прямо под дублёнку дважды показались мне слишком мужскими. Если он придёт в костюме или рубашке, я буду выглядеть по меньшей мере смешно. И он, должно быть, работает в этот вечер. Вполне может не прийти. Тогда я буду наслаждаться прекрасным триллером в полном одиночестве. Разодетая в пух и прах городская сумасшедшая, счастливая от того, что можно снова любить мужчину, который принадлежит другой. Аплодисменты!

Как оказалось, я переживала не зря, потому что в назначенное время мой кавалер не явился. Наверное, всему виной непостижимая женская суть, но я дико расстроилась. Звонить ему и выслушивать оправдания было выше моих сил, поэтому я просто поела начос, запивала его колой и радовалась, что такое чудесное утро субботы исправит моё настроение. Какая разница, что творилась в мире, если Артур был со мной?

Фильм оказался ещё более увлекательным, чем трейлер. На выходе из кинотеатра я совершенно не помнила льдистых глаз Игоря и его совершенно складного лица.

В субботу утром мы с Артуром пошли завтракать в одну из наших любимых кофеин на Арбате. Пирожные, сэндвичи и чёрный кофе. Мы расположились за столиком у окна. Предновогодние убранства весь декабрь разукрашивали Москву в праздник, поэтому месяц был волшебный. Болтов-

ня о ерунде, работе, жизни не выманила из моих мыслей того самого вопроса, который мне нужно было задать. Мы праздновали Новый Год вместе, так было в прошлом году. А что будет в этом? Теперь, с присутствием госпожи Моветон, сможем ли мы побыть вместе в ту самую ночь? Какая чушь! Естественно, он будет со своей девушкой. Они соберут ужин, наденут тёплые носочки, а после боя курантов сделают то, чего мы с Артуром никогда не делали, будьте уверены.

– Придумала уже план на ту самую ночь? – видимо, эти мысли отпечатались на моём лице.

– Ну, я давно хотела отметить одна, – я старалась сделать безразличный голос. – Знаешь, у родителей свои планы, сестра с друзьями, подруги с парнями или в тусовках, а что мне? Нигде не уютно. Так что я подумала, что будет логично накрыть себе стол из правильной еды...

– Курочка, пюре, оливье? – он улыбнулся. Именно это я делала на прошлый праздник в его квартире.

– Именно, – я отпила кофе. Мои пальца, наконец, начали оттаивать. – Посмотрю “Иронию судьбы”, выпью колы, сожгу желание под куранты и лягу спать. Вот такой план.

– Вполне себе неплохо.

Конечно, я мечтала узнать, чем будет занят он, но я не была готова услышать имя его любовницы. По крайней мере, мне так казалось. Мы снова заговорили о каких-то мелочах.

Прогулки по зимней Москве входили в обязательный пункт нашей встречи в это время года. Я была рада, что он не

забыл традиции и не списался на работу, чтобы прибежать к своей возлюбленной. Около 12 мы дошли до той точки, посередине наших домов, где обычно расставались, если у него совсем не было времени проводить меня.

– Я всё думал, как сказать тебе, – у меня сердце упало в сапоги. Ну что хорошего ожидать от такого начала? Конечно, ничего не бывает просто так. Это чудесное утро, как раньше, завершиться моими слезами. Почему я вообще всё ещё с ним общаюсь? Любовь к мазохизму? – Мы стали меньше общаться.

– Я заметила.

– Знаю, – он не смотрел на меня, что определённо было недобрый знаком. – Всё очень сложно. Я думал, что вы с ...

– Да, я тоже.

– Она переезжает ко мне.

Что-то внутри оборвалось. Одно дело, что они встречались, а другое, что теперь она будет жить с ним. Всё намного серьезнее, чем мне казалось. Я физически ощущала, как теряю его. Его. Моего лучшего друга, моего надежного соратника, мою любовь. Это несправедливо! Она получает его только потому, что умудрилась найти раньше. Если бы мы вместе противостояли тупому общественному мнению, слушали музыку, ходили в кино, это я бы сейчас поковала вещишки и переезжала к нему. Не она. Как же это нечестно!

– Я уверена, что вы счастливы, – холодно отрезала я, мечтая оказаться поскорее дома. – Мне пора...

– Я, – он замешкался, но всё же обнял меня, потому что знал куда лучше, чем мне бы хотелось. Я готова была разрыдаться, вцепиться в него и умолять этого не делать. Но моя гордость крепко держала тиски и просила срочно капитулировать в одиночество.

– Всё нормально, правда, – кто вообще способен в это поверить? – Я рада, что ты нашёл, наконец, своего человека.

– Спасибо, – он всё ещё крепко сжимал мою руку, которую мне хотелось вырвать, чтобы зарядить ему пощёчину. Да как ты можешь так со мной поступать! Как тебе не стыдно! Зачем ты вообще появился в моей жизни, если любил её?! – Пока!

Я кивнула ему с иллюзией улыбки и ринулась домой со всех ног, пока слёзы горя не задушили меня окончательно. Сколько раз человек может испытывать подобное? Надеюсь, существует какой-то прописанный лимит, после чего сердце превращается в окаменелость.

Все выходные я провела в постели, снова оплакивая свои воздушные замки. Если честно, я всё никак не могла взять в толк, почему до меня не доходит с первого раза. Артур никогда не скрывал, что видит во мне близкого друга, но не женщину своей жизни. Как бы меня не смущал его выбор спутницы, это был его выбор. Он её любил и мне следовало уважать это. Напроситься к ним на ужин, выпить вина с этой уродливой дрянью, шутить и делать вид, что мы с ней подружки. Я могла бы надуть эту курицу в два счёта и полу-

читать назад доступ к своему другу. Но я не хотела. С самого начала в наших с ним отношениях главенствовала честность и мне мечталось, что так будет до самого конца. Сотни раз я испытывала соблазн приврать реальность, показать себя в лучшем свете, убрать неровности фона. Но ведь это бы уже точно была не я. И он не заслуживал такого, я просто не могла осквернить его даже мелким предательством, лёгким притворством. Он знал, что у меня есть растяжки, несколько сосудистых звёздочек, которые я с болью выжигала лазером, а он водил меня есть мороженое сразу после. Он знал, что я боюсь своей тени и то и дело переживаю из-за фигни. Мне хочется верить, что он любил меня как раз поэтому.

В понедельник наступила последняя предновогодняя неделя. Я с жалостью смотрела на коллег, которые тонули в корпоративах. Мой последний праздник в этом году был назначен на пятницу, последний рабочий день. К этому мероприятию всё было готово ещё 2 недели назад, поэтому я занялась выбором платья на прокат.

Тема вечеринки стара как мир – маскарад. Мужчины в костюмах, женщины в вечерних платьях. Даже обслуживающий персонал должен был играть свои роли, поэтому я судорожно определялась между русской графиней и Алисой в стране чудес. Многое зависело от цены. Как оказалось, второй вариант был куда бюджетнее. Ничего удивительного.

Часы на цепочке у меня лежали ещё с Хэллоуина, ободок найдётся, туфли тоже. Придется таскаться со сменкой, но че-

го не сделаешь ради хорошего образа.

Во вторник я забежала в ТЦ, чтобы прикупить подарки. В самом уютном магазине выбрала совершенный плед с мягкими ворсинками, чтобы подарить Артуру и Розе. Он не должен ассоциировать этот предмет со мной, как раньше. Как только другая девушка будет лежать под пледом на его руках, он забудет, что это любила делать я.

Следующий год обещал мне быть куда более перспективным. Я не собиралась страдать вечно. У моего лучшего друга появилась любовь. Если даже положить на весы все страдания моей неразделённой любви, они никогда не станут тяжелее всех наших моментов. Он варил мне ужасный суп, когда я болела, гладил по спине, когда я жаловалась, что всё плохо и даже (страшно признаться) пошёл со мной на урок сальсы.

Научить человека быть красивым несложно. Нужно просто заставить его поверить в собственную шедевральность. Любить его от всего сердца, заботиться от того же органа. И вы увидите, как самый банальный персонаж становится главным героем. Потому что близость способна на то, что не всегда удается природе. Настоящую красоту рождают не гены, а только любовь.

Вот, что сделал со мной Артур и о чём я совершенно забыла, копаясь в своих порушенных планах. Будет он мне мужем, врагом, братом – совершенно неважно. Его присутствие важнее условностей. В крайнем случае, я всегда могу повторить попытку с его сыном.

В пятницу я нарядилась в Алису и улыбнулась, потому что знала, что в субботу пойду к Артуру на обед. И к Розе, конечно же. Будем искать точки соприкосновения, чтобы не разрывать нашего любимого. Друга, в моём случае.

Как только торжественная часть завершилась с блеском, я выдохнула и позволила себе отойти от сцены. Вечер взял на себя диджей, которому я доверяла больше, чем кому-либо в этом зале. Мне хотелось перекусить и двинуться в сторону дома. Я провела на ногах слишком много часов.

– Отличная работа. Вы позволите?

Не знаю, откуда тут взялся Георгий Иванович в костюме слишком обычном для маскарада, но я была ему даже рада. Новая должность и новая ответственность теперь сияла короной на моей голове, а что важнее всего, я справлялась со своей работой с настоящим блеском. Но вот руку, которую он подал мне для танца, жутко хотелось отшвырнуть подальше к камину. Какого чёрта! Я ненавижу, когда меня трогают малознакомые люди. А он ещё и достаточно симпатичный, женатый человек. Неужели нельзя просто поговорить за баром, пока я пожую вкуснейшие закуски с бужениной и огурцом.

– Ваша жена не будет против? Я думаю, ей бы хотелось провести с вами время, – я надеялась на это. Он же не очередной козёл, который делает вид, что холост? – Мы можем обсудить всё в следующем году.

– Иногда вам всё же не стоит думать.

Он взял мою руку и потянул на танцпол. Я ни за что не вспомню под что именно мы танцевали, потому что отчаянно пыталась двигать своими окаменелыми от стеснения ногами. Кажется, это выглядело катастрофично. Я не видела его лица, и Слава Богу.

Я была уверена, что эта пытка не закончится, но все мучения отступают. Георгий Иванович замер вместе с музыкой и, видимо, собирался поцеловать мне руку. Но я дёрнула её достаточно сильно, чтобы хлопнуть его по губам. Вышло неловко. Поэтому я решила позориться до конца и смеяться, будто это в порядке вещей и я местная Бриджет Джонс.

Кажется, ему было любопытно. Точно определить сложно, поскольку таких людей не читаешь в экстренной ситуации. Я выбежала из зала, попрощавшись с ним максимально скромно. Не дай Бог, он бы предложил меня подвезти. В безопасности я себя почувствовала только дома, крепко закрыв дверь.

И вот в субботу я радостно запорхнула в хорошо известную квартиру. Моё обещание найти лучшее в Розе вышло в окно почти сразу, как я увидела её недовольную физиономию. Но что делать? Тебе придётся меня полюбить, мерзкая дамочка.

На ней снова был тот ужасный карандаш из прошлого десятилетия с блеском оттуда же. Я бы с радостью вцепилась в её солому на голове и оттаскала с особым рвением. Но Артур смотрел на меня как щенок, который просится на ручки, а

я никогда не могла отказать животным. Поэтому я открыла своё сердце этой убогой девице и отдала свой заготовленный подарок. После этого я физически ощутила, как Артур был благодарен и как Роза удивлённо улыбнулась. Не ожидала? Ха. Это я ещё не старалась. Буду твоей лучшей подругой. С ума по мне сходить будешь. Детей твоих крещу. И всё это я сделаю, чтобы быть рядом со своим близким человеком. За любые отношения приходится бороться. С обществом, родственниками, с ним, с собой. Даже самые подходящие люди в конце концов режутся друг о друга. Постоянное сражение, чтобы правильно обработать цепляющие края стеклышек и сложить красивую мозаику.

Роза готовила куда хуже, чем красилась. Но я старалась. Мой отсутствующий энтузиазм девушка приписала диете и одобрительно улыбнулась, сама она выглядела истощённой. Спаси Господи того, с кем я решила подружиться! Каким бы низким не было моё мнение об особе, постоянно посасывающей вилку, я была такой милой, что ей при любом раскладе пришлось бы меня полюбить.

К концу обеда она уже заинтересовано слушала мои истории и смеялась в нужных местах. Буду откровенной, мне самой до смерти хотелось разглядеть в ней хоть что-то приличное, но как бы я не пыталась, Роза оставалась разлучницей. Когда-нибудь я всё-таки смирюсь, правда?

Задерживаться надолго пока ты ещё не самый желанный гость было как минимум глупо. Я с грустью осмотрела её

обувь в прихожей и вспомнила о футболках Артура, которые так часто носила, живя в этой квартире. Мне стало не по себе, будто я отравилась рыбной котлетой и никак не могу избавиться от зловонного запаха в доме.

Я знала, как мой друг благодарен мне за проделанную работу, но я сама чувствовала себя потрёпанным башмаком, а мне ещё нужно было встретиться с Лидой. Несмотря на все наши попытки, Марина отказалась выезжать из дома, а к себе звать нас тоже не спешила. Мы, как тактичные люди, только отшучивались.

Лида ждала меня в расписной кофейне на Мясницкой, попивая фисташковый латте. Её мало-мальски красивое лицо искажала гримаса неодобрения и какой-то холодности. Я знала, что Стасик проявил себя должным образом и увлёкся мексиканской моделью на одной из модных вечеринок, где подают разбавленный алкоголь и дешёвый сыр на палочках.

– Я заказала уже 4 коктейль. Не смей меня осуждать! – её грустные глаза спустились на остывшую чашку, она отчаянно искала утерянную гордость на пенных краях. – Мне все говорили, что он мудака, но я-то упрямая.

– Лида...

В известных фильмах на таких кадрах подруги обнимались и вместе плакали. Но в жизни ты можешь испытывать чувство неловкости, злости, раздражения. Что угодно, но не желание слушать винил с огуречной маской на лице. Красиво страдать можно только не страдая.

Мы просидели там достаточно долго, чтобы утратить чувство реальности времени и совершенно забыть о холоде. Я подарила ей тёплый шарф, она мне новую шапку. Снежинки всё также упрямо подали на тротуар, и я вникала в лёгкие волны фоновой музыки, когда Лида отложила запись сторис и крикнула мне о симпатичном парне прямо по курсу. Наши вкусы отличались так сильно, что я даже не подумала повернуться и посмотреть, о ком шла речь. Мой лавандовый рафшекотал нос пряными нотками, и я уже думала о своём, когда к нашему столу пришли мужские ноги.

– Привет, – моложавый блондин подсел к Лиде, даже не повернувшись ко мне. Его лицо казалось высечено топором без какой-либо аккуратности. – Павел.

Он протянул Лиде свою худощавую руку, а я закатила глаза. Кому-то удаётся найти парня, едва расставшись с прежним, а кто-то как я: никак не попадёт в поток. Для верности я выдержала 5 минут игнора и решительно попросила счёт. Никто не обратил внимания.

– Я, пожалуй, пойду, – моя карта снова исчезла в кошельке, и я давно уже отправила Лиде фото чека. Потом переведёт мне, когда будет не так занята.

– Постой-ка, – я бы с радостью кинула ему в лицо перечницу, таким ехидным оно выглядело. – Меня друг ждёт в клубе недалеко. Может, составишь ему компанию?

– Нет, спасибо. У меня другие планы.

Я была в нескольких метрах от выхода, я почти ушла. Но

Лида была манипулятором со стажем. Она подрезала меня у крайнего столика и тут же начала упрашивать. Я ненавидела это, я этого стыдилась. Разве может быть что-то более бесячее, чем взрослая девушка строящая из себя дошкольницу? Она знала, что я прекращу этот спектакль ценой всего.

Место, куда мы пришли в компании Павла оказалось более, чем вульгарное. Мне всегда казалось, что в заведения подобного класса водят, хм, как бы сказать мягче, легкодоступных дам. Лида, привыкшая к пышным убранствам светской Москвы, тоже была не в восторге. Однако высказываться не стала, позволив молодому человеку взять себя за руку. Видимо, ситуация со Стасиком и правда её подкосила.

– А вот и он! Привет, чувак!

Если бы мне кто-то сказал об этом раньше, я бы подумала, что это сочинение на тему “мои сны в возрасте 16 лет”. Никак иначе нельзя объяснить присутствие в клубе Игоре, который умудрился разочаровать меня дважды. Я даже не пыталась скрыть отвращение, застывшее на моём лице. По нему было видно, что он узнал меня и тоже этому факту не рад. Именно поэтому я решила задержаться и помозолить глаза мужчине, который отчаянно пытался мне разонравиться. У него получалось.

Если бы Паша обладал хотя бы крошечной долькой воспитания, он бы нас представил. Но пара шотов, и они с Лидой упорхнули на танцпол, чтобы проверить формы друг друга. Так мы остались наедине с Игорем. Мне доставляло истин-

ное удовольствие напряжение, запечатлённое на его симпатичном лице. Как же приятно оставаться неудобной.

Правда это быстро наскучило. Гордость, словно плотина, державшая меня от любых невзгод, не собиралась рушиться из-за какой-то мелочи. Я любила себя, я собой гордилась.

– Передай Лиде, что я ушла домой.

Развернувшись, я начала проталкиваться к выходу. Люди, разгорячённые алкоголем и ночью, упивались своей свободой и жадной похоти. Они тёрлись друг о друга в надеждах расшевелить дрова в камине, смотрели томно для себя и косо для окружающих, флиртовали как дальнбойщики с проститутками. Все ловили осколки ночной жизни, чтобы заполнить пустоту своей повседневности. Все лгали.

Я хотела скорее закрыться в своей надёжной раковинке, в мире книг и ноутбука, где каждая история стоит потраченного времени. Вся эта мишура и проходящие лица не стоили новой главы “Тайны моей свекрови”. Вот так я рассуждала, всё ещё по провинциальному аккуратно расталкивая подвыпивших людишек.

– Погоди.

Игорь выбежал за мной, одевая дублёнку на ходу. Я, честно говоря, погони не заметила. Да и не очень-то спешила. Если меня спросить, что я испытала, стоя перед мужчиной, с которым дважды надеялась сходить на свидание, я бы ответила, что ничего. Мои мысли летали по квартире, где я теперь была гостем, но всё ещё чувствовала себя как дома.

Артур остался там, держа в кармане моё истерзанное сердце. Я была дворняжкой, которую впустили в подъезд погреться. Я надеялась, что у меня есть дом, но я ошибалась. И теперь мне снова придётся выйти в московскую стужу, чтобы испытать свою удачу на прочность.

Я смотрела на Игоря максимально вопросительно. Игры больших детей интересовали меня меньше всего, а великовозрастный задира тем более. Он больше не казался мне симпатичный или хотя бы приятным.

– Можно тебя проводить? – он смотрел на меня как щенок, просящийся на ручки, но гордость не позволила мне смягчиться.

– Мы это уже проходили, Игорь. Пожалуйста, оставь меня в покое, – я развернулась в сторону дома и пошла, слыша за спиной хруст снега. – Что тебе от меня надо?

– Хм, – он сровнялся со мной, но мои глаза всё также наблюдали за улицей прямо перед собой. – Я сам не знаю. Честно говоря, мой психолог посоветовал мне не бежать от человеческих связей.

– Интересно, – соврала я. – Значит ты решил примириться с человечеством за мой счёт? Прости за грубость, но я не реабилитационный центр, – я тут же пожалела о том, как резко это звучало, но позицию не теряла. – Я девушка. Мне нужна семья. Мужчина, который сможет меня защитить, от которого я рожу детей. Звучит банально, но тебе следует найти человека близкого себе. Все эти качели мне не по вкусу, я

люблю стабильность.

– Ух ты.

Он замолчал, но всё ещё шёл по снегу. Не знаю, что его заставило продолжить со мной этот путь, но мне дико захотелось кофе. Я заглянула в круглосуточную пекарню с не очень приятными напитками. Как известно, плохой кофе – всё ещё кофе. Я взяла лавандовый раф, 80% арабики. Игорь взял американо. Я вздрогнула от осознания его присутствия, но позволила заплатить за себя. Хотя какие-то плюсы за потраченные нервы. Он предложил посидеть на пруду, я согласилась. Возможно, мне хотелось перебить воспоминания о наших долгих беседах с Артуром. Интересно, испытывает ли он смятение чувств?

– Я вообще-то непростой человек, – Игорь попытался сесть на заснеженную лавку, но короткая дублёнка не позволила. Мне было нормально. – Но я не плохой. Знаю, звучит как оправдания. Но я боюсь сближения с женщинами, а ты такая, с которой просто перепихнуться не получится.

– Спасибо.

– Да уж, комплимент из запаса Казановы, – он помолчал, мне бы хотелось смущаться, но всё внутри было скрыто под ледяной коркой. – Гоша говорит, что мне лучше держаться подальше от прекрасного пола. Я с ним согласен.

Упоминание моего начальника как-то не ложилось в эту трогательную исповедь, но я внимательно слушала. Нельзя быть такой циничной. Это же не я. Игорь стоял надо мной и

пытался быть искреннем, я стыдилась своей холодности.

– Глупо звучит, но с тобой я хочу попробовать сломать схему. Попробовать сходить на свидание, посмотреть кино. Обойтись без быстрого секса и вранья про работу рано утром. Мне бы хотелось попробовать проснуться рядом с женщиной и позавтракать вместе. Прижаться к ней. Пони-маешь?

– Вроде да.

Я глотнула кофе, терпкие нотки щекотали мой нос. Мне тоже хотелось спасти свою поломанную душу. Я нуждалась в новых впечатлениях, эмоциях. Артур не опомнится, он скоро женится на Розе, а я брошу лепестки у ЗАГСа, а потом повешусь в своей задрипанной комнате.

Разве я сама не боялась любить кого-то настоящего и близкого? Разве мне не хотелось прикрываться Артуром от реального быта с женщиной? Игорь делал тоже самое, только вместо безответной любви использовал случайные связи. А вдруг у нас что-то получится? А вдруг это тот самый шанс?

– Поехали на Новый Год на дачу в Подмосковье? Я обещаю не приставать.

– Мы будем вдвоём? – Нотки ужаса скользнувши по моей кожи упали куда-то в глубину.

– Да, – он смущаясь пнул снег. – Могу дать тебе паспорт или ещё что-то. У нашей семьи большой дом, там много спален. Я понимаю, ты меня совсем не знаешь, и я вёл себя не лучшим образом, но будет праздник... Может, пригласишь

подруг или друзей? Мои знакомые все разъехались, кто-то сбежал к Гоше. Я тоже туда собирался, но с другой стороны...

– Я спрошу у девчонок. Собиралась быть одна.

Разум кричал, шли его к черту. Он может быть маньяком в 7 поколении или убийцей диких ежей. Он может быть извращенцем. Он может быть подлецом.

А ещё он может быть хорошим парнем, который не будет держать меня во френдзоне 100 тысяч лет (ладно, я сама там держалась). Он мог быть мужчиной, с которым я хорошо проведу время, которого я люблю.

В конце концов, когда в последний раз симпатичный парень предлагал мне провести праздник вместе? Сколько ещё я буду прятаться от жизни? Это ведь про сейчас. Я одинока сейчас. И мне никогда не будет меньше лет.

Сжав в кулак горло своей практичности, я согласилась.

Глава 12.

– Ты вся состоишь из сплошного несоответствия желаний и возможностей.

Игорь сидел за рулём солидного кроссовера и весело стучал пальцами. Честно говоря, я не знаю, можно ли было сильнее вдавиться в сидение. Мне казалась романтичной вся эта ситуация: снег, кофе, шарф, поездка за город, подарок в сумке. Я долго ходила по торговому центру в поисках подходящего пакетика, в итоге остановилась на хорошем кожаном ремне и милой ёлочной игрушке. Упасть в грязь лицом мне хотелось меньше всего. И вот теперь, когда мы пили кофе в дороге, когда всё это стало достаточно реальным, меня трясло. Мы активно обсуждали мои представления о браке, карьере, писательстве. Пожалуй, Игорь понял меня лучше, чем я сама, но вся эта суета казалась мне чересчур скорой. Я не была готова, я этого не хотела. Или всё же хотела?

– Всё нормально? Я не хотел выглядеть грубым... – он смущённо бросил на меня взгляд, даже не догадываясь, что твориться в моей голове.

– Ты всё правильно сказал, я не обиделась, – отхлебнув лавандового рафа, я поправила рукава свитера. – Мы заедем за продуктами?

– Эдик сам доедет завтра, просто дашь ему список. А, я не сказал. Там есть работники, постоянно живут на даче, под-

держивают порядок.

Было ли слышно, как шумно я выдохнула? Ах почему ты не сказал это раньше! Сколько бы нервных клеток я сэкономила!

– Если ты не против, я бы сама закупилась. Люблю погулять между полками.

Он улыбнулся и я, наконец, смогла расслабиться. Удивительно симпатично он смотрелся в свете фонарей. Зимой темнеет куда раньше, чем мне ожидалось.

Наш совместный поход в магазин был тем мечтательным кораблём, куда мне давно хотелось попасть. Мы шутили, смеялись, занимаясь бытовыми вещами. В какой-то момент я так заигралась в семью, что прижалась к нему слишком близко. Он тут же обнял меня за талию и поцеловал куда-то в область головы.

– У тебя невероятно красивые волосы.

Я залилась краской, он не врал. Должно быть, мне следовало тормозить, но я так истосковалась по мужчине рядом, что не могла от него оторваться. Всю дорогу до дачи мы болтали, он то и дело брал мою руку, и я не думала об Артуре, Розе, своих подругах или работе. Я впервые забылась и почувствовала жизнь, как она есть.

Волшебство развеялось на следующее утро. После душевных разговоров за какао я узнала об Игоре некоторые интересные факты биографии, а главное, я поняла, что он относится к браку также серьёзно, как и я, и очень даже го-

тов разделись с кем-то свою судьбу до самого конца, где бы он не был. Мы пожелали друг другу спокойной ночи глубоко за полночь, он поцеловал меня в щёку.

Прогноз на утро у меня был печальный, я ненавидела сбитый режим. Ложиться не позже часа, вставать не позже 10. Закон сохранения моей энергии.

Но весь этот красивый дом с декоративными мелочами, создающими уют и какое-то спокойствие, убаюкал меня правильно. Я проснулась в спальне, где было жутко холодно (моя любовь к свежему воздуху уговорила открыть крошечную форточку), под тёплым одеялом из пуха и пера, улыбнулась зимнему солнышку и прямо в спальном обмундировании побежала в ванну.

На часах было 9 утра, я надела свитер, джинсы, тёплые носочки. Всё казалось нереальным и слишком идеальным, но я решила, что полна глупых сомнений.

Кофемашина покоилась прямо на закрытой веранде. Я никогда не дружила с техникой, но привычка завтракать в первый час после пробуждения взяла верх. Запах молотых зёрен тут же заполнил пространство. Перед холодильником я замешкалась. Стоит ли вести себя по-хозяйски в чужом доме? Урчание живота приняло решение за меня.

Тосты я поджарила на сковородке, чертыхаясь на электрическую плиту, которой я пользовалась всего несколько раз в жизни. Ветчина, сыр, помидорка, огурчик славно покоились на листе салата и соусе. Пожалуй, в раю частенько готовят

сэндвичи.

Я расположилась за большим столом с книжкой на перевес, за окном было светло и спокойно. Не знаю, сколько времени прошло, когда я услышала бряканье замка со стороны балкона. Мы вчера заходили через главный вход на первом этаже и только сейчас я осознала, что тут тоже есть вход через железную лестницу открытого балкона, окружающего террасу.

Везение – это моё второе имя, первое, кстати, не. Такую картинку я прочитала на днях в группе про сарказм. На пороге от удивления застыл Георгий Иванович с симпатичной барышней за спиной. Что может быть хуже, чем начальник под ёлкой? Неловкая пауза, отягощённая моими ногами на соседнем стуле, должна была закончиться. Видимо, благодаря мне.

– Доброе утро, – я опустила ноги и попыталась сесть прямо. Понять бы ещё, удивлён он или просто зол. – Меня Игорь пригласил. Он думал, дом будет пустовать на праздники.

– Я собирался в Амстердам, – всё также стоя в дверях объявил Рождественский.

Мы молчали. Предложить им войти в собственный дом было глупо. Сами они не спешили. Кто эта девушка? Жена или любовница? Может, он решил придаться похоти в пустом доме.

– Я Ника, – девушка сбросила шубу и разулась. Я представилась в ответ и предложила завтрак, но она отмахнулась, си-

дит на каких-то детоксах. Перед моими глазами тут же встал запланированный на вечер стол с оливье и жареной курицей. Мы что, встретим Новый Год вместе? Может, я смогу уехать?

Георгий Иванович последовал примеру своей спутницы. С каменным лицом он прошёл вглубь дома. Я постаралась отпустить ситуацию и вернуться к чтению. Меня сюда пригласил молодой человек, я не должна чувствовать себя неловко. В конце концов, сами пусть разбираются в своей семье.

Может всё-таки уехать? Думаю, это было бы логично. Нельзя оставаться там, где тебе не рады.

Для удобства размышлений я скрылась в своей комнате, но по дороге услышала разговор на повышенных тонах.

– Я тебе говорил держаться подальше от отношений, пока ты в себе не уверен! Она работает на меня, можешь представить себе, что будет, если произойдёт какая-то ...

Нецензурная брань так не состыковывалась в моей голове с Георгием Ивановичем, что я ускорила в своём желании скрыться. Ужасно неловко подслушивать семейные споры и даже моё любопытство такого не оправдывало. Ты будто стоишь посередине спальни и смотришь, чем таким супруги занимаются после встречи с друзьями.

Большая, мягкая кровать в углу холоднящей комнаты стала моим убежищем. Я достала плед и завернулась в него, прячась от всех своих рассуждений.

Ещё один пустой год бесполезной возни, где я не стала ничьей любимой, женой, мамой. Почему-то, чем сильнее я хотела семьи, тем реже становились ряды моих поклонников. Любил ли меня кто-то по-настоящему? Разве не знала я ответ на этот вопрос? С самого детства я уверовала в невозможность отказа от дорогого человека. Может поэтому мне было так тяжело подпускать к себе людей и ещё тяжелее жечь мосты за спиной.

Многие считают, что раз ты рвёшь все канаты, тебе легко и просто. Но выдирать из себя всё разом, не оглядываясь, кровотока, жадно хвататься за будущее – это вам не шутки. Конечно, проще оставлять крошечные тропы на случай капитуляции. Но ведь я ненавидела полумеры.

– Можно? – Игорь дождался моего одобрительного взгляда и вошёл, теряясь от смущения. – Извини, я не думал, что... Новый Год с боссом – это, конечно... В общем, я пойму, если ты...

Он оборвался на этой фразе и посмотрел на меня. Видимо, он рассчитывал на гнев, раздражение, шок. Но моё лицо кричало о отречённости, я слишком далеко уползла в свои мысли, чтобы анализировать данную ситуацию.

– Не всё просто с моим прошлым. Я совершал ужасные ошибки, – он шагнул к кровати, но моя фигура хранила безучастие. – Поэтому Гоша всегда волнуется, если видит со мной девушку дважды. Он знает кое-что о прошлом и считает, что мне нужно время окрепнуть. Сложно всё так объ-

яснить.

Игорь сел в кресло, и я знала, что он ждёт моего решения. Мы остаёмся? Мы уезжаем? “Мы” вообще можно использовать? Уместно ли это?

Я быстро прикинула, что Георгий Иванович не согласится остаться там, где буду я, поэтому предложила не пороть горячку. В конце концов, мы приехали первыми. Пусть улетает показывать жене Амстердам.

К обеду мы все собрались за столом за бутылкой хорошего вина из родительского погреба. Ника пила свои соки, я ела приготовленное вместе с Игорем мясо на мангале, закусывая салатом, Георгий Иванович крутил бокал в руке снова и снова. Напряжение между братьями давало мне воодушевление на спокойствие и безразличие.

До того, как мы сели за стол, Игорь рассказал мне, что Рождественский – его двоюродный брат, слишком серьёзный и успешный. Эдакий сын маминой подруги, у которого всё получалось как надо. Ника не была его женой, да и никого у него не было. Для золотого мальчика пара всегда находилась недостаточно прекрасной. Он не афишировал свою личную жизнь, родные и не спрашивали.

Как и водится в любом клише Игорь был неудачной стороной молодого поколения. Уже в детстве он понял, что в их семье место примерного сына занято, поэтому занял свою собственную нишу. А далее классические грехи юных и богатых, обсуждение и наказания.

– То есть тебе вроде как не рекомендуется строить серьёзные отношения, потому что ты ненадёжный?

– Можно так сказать.

За этот наш разговор я несколько раз вспомнила свою семью, где царила атмосфера соперничества, но мы с сестрой всегда были в равных условиях. Конечно, нам обоим иногда казалось, что родители склонны уделять внимание кому-то больше, но это всегда была самая типичная детская ревность, забытая через несколько минут.

Георгий Иванович павшего ангела простил, как и положено доброму христианину, и помог, как положено хорошему брату. Казалось бы, можно было разозлиться и не принять чужих подачек, но Игорь решил, что Рождественский в любом случае будет его осуждать, так зачем же платить по своим счетам? Правда работу найти всё же пришлось, но на этом настоял психотерапевт.

– Вроде как нужно нести ответственность за свою жизнь.

Мне жутко хотелось узнать, говорил ли Игорь своему врачу обо мне, осуждала ли она его выбор, его поведение. Но такой вопрос мог показаться не просто не корректным, а вопиющим. Кто я такая, чтобы говорить обо мне.

– Терапия работает? – как бы между делом спросила я, смешивая соус.

– Это мой третий терапевт. За этот год, – он улыбнулся и перевернул мясо. – Полевой метод, беседа, гипноз. Кажется, я попробовал всё. Это не лучит, просто позволяет держаться

на плаву. Ты вроде лечишься, что-то делаешь для себя. Хорошее оправдание трат, правда?

– Может, ты плохо стараешься?

Он как-то странно посмотрел на меня, но описать этот взгляд я никогда не смогу. Зато я могу точно определить, что по моей коже пробежался мороз и я впервые подумала, что мой новый друг вполне себе может оказаться сумасшедшим.

Теперь я сидела за красивым столом, слишком большим для компании из 4 человек, и думала, что Георгий Иванович собирался провести время с девушкой, о которой забудет на следующей неделе, в тихом семейном доме, а получил свою подчинённую и полусумасшедшего брата. Злорадство внутри меня от души смеялось.

– Георгий Иванович, – он вздрогнул. – Почему не получилось с Амстердамом?

– Виза, – он холодно смерил меня взглядом, показывая, что на этом разговор окончен.

– Не успели подготовить документы? – мне нравилось делать так, как не нравилось другим.

– Моя дура-секретарша вовремя не забрала паспорт. Осталась без работы.

– Ты всегда был жёстким руководителем, – отметил Игорь, схватив колечко лука двумя пальцами. – По-моему, можно было обойтись строгим предупреждением. Она же не специально, я уверен, ты завалил её работой по самую макушку.

– Поэтому ты и не руководитель, – отрезал Рождественский и, наконец, сел прямо. Его вилка устремилась за куском мяса. – Правда ты хорошо готовишь. Это, несомненно, главное качество настоящего мужчины.

От такой колкости я приоткрыла рот. Мне казалось, что они очень даже ладят.

– Ты вроде бы арт-директор? Это тоже управленческая должность, – я попыталась спасти самолюбие Игоря. – Мне кажется...

– Ключевое слово – кажется, – отрезал Георгий Иванович. – Сколько у тебя в подчинении людей? Ноль! – он яростно пилил кусок на своей тарелке. – А где ты стал директором? В баре! А кто тебя туда устроил? Жёсткий брат, – он бросил нож, на скатерти тут же расплылось пятно. – Вот, что я тебе скажу, пока ты веселился, я учился ответственности. Не надо учить меня работе с персоналом!

Игорь остался спокойным. Он послал брату воздушный поцелуй, а я решила, что стоит уехать. Ника всё также безучастно пила сок.

– Так вы братья по отцам? – я хотела увести разговор в сторону, совершенно не догадываясь, что любая тема может вывести на конфликт этих людей.

– Мой отец брат его матери – спокойно сказал Игорь, насадив помидорку черри на свою вилку. – Когда его горе-папаша бросил семью, нам пришлось им немного помочь...

– Закрой рот.

– Разве я вру?

– Это наше семейное дело, – Георгий Иванович покраснел, отчего мне стало его невыносимо жалко.

– Значит про меня ты можешь говорить что угодно, а всё, что касается тебя – под запретом? Тебе не кажется, это нечестно?

– Игорь, – дёрнуло его за рукав я. – Мне кажется, что будет лучше мне уехать домой.

– Нет!

Они сказали это одновременно и так громко, что меня передёрнуло. Даже Ника растерянно смотрела по сторонам.

Я оказалась в ловушке братской конкуренции. Они самоутверждались передо мной и не собирались это заканчивать. В этот момент на подкорках моего сознания появились страхи, которые предупреждали меня, что ехать с малознакомым человеком на дачу – сомнительное удовольствие. Теперь они меня не отпустят. Такси сюда будет стоить огромных денег. Зато я получу урок на всю жизнь. Как же я ненавижу треугольники!

Глава 13.

Вопреки здравому смыслу и собственному мнению, я согласилась остаться. Возможно, во мне всё ещё сильно было наивное мнение: любую вещь можно подчинить. Конечно, отношения братьев были далеки от эталона, но и я сама, стоит признаться, идеальностью не блистала.

Чтобы там ни было, а я принялась за готовку с необычным рвением, поскольку женское тщеславие всегда шагает впереди. Картофельное пюре, курица, оливье – стандартный набор снежного волшебства. Много раз я представляла себе Новый Год в компании мужчины, который мне нравится. Всё, казалось, сложится идеально. Мы будем много смеяться, украшать дом, периодически прерываясь на нежности, опоздаем на все запланированные передачи, съедим слишком мало и уснём счастливыми.

Сейчас присутствие начальника хорошенько подпортило мой план. Да и Игорь не был всё ещё тем самым. Я не могла отделаться от мыслей об Артуре. Преступные фантазии, где он был со мной, а не с Розой, оставались под запретом, но подсознание то и дело вырисовывало всевозможные истории нашего совместного времяпрепровождения.

Я отмахивалась, поглядывая “Иронию судьбы” в полглаза. – Ненавижу этот глупый фильм, – Георгий Иванович расположился на террасе прямо возле телевизора со стаканом

сока и журналом. Неужели в целом доме он не нашёл более уединенного места. – Кому вообще может понравиться такой бред?

– Мне, – я впитала этот фильм ещё в детстве и всю советскую классику была готова отстаивать с кулаками. Он мне тут не начальник, в конце-то концов. Самый умный что ли. – Попробуйте на соль, – я впихнула ему ложку пюре прямо в рот так, чтобы он не успел опомниться. – Нормально? – Рождественский растеряно кивнул и проглотил пюре.

– Что ты...

– Было бы неплохо, если бы у меня были помощники, – я нашла на кухне свои заготовки и вернулась. – Ваша спутница отказалась от любой возможной работы, Игорь у мангала жарит еще немного мяса. Вам достаётся торт. Вот корж, вот сгущёнка. Промазывайте хорошо, – я положила перед ним всё, что нужно.

– Я не буду играть в пекаря, – он отодвинул от себя блюда и разложил журнал. Фрукты уже были у меня в руках, я села рядом.

– Ну значит, вы не будете есть.

– Что?

– Кто не работает, тот не ест.

– Это. Мой. Дом!

– Это. Моё. Пюре!

Испытания двух упрямств закончилось с возвращением Игоря, он пожарил первую партию мяса. С удивлением про-

комментируя кулинарные попытки брата, он замешкался на минуту, но всё же спустился обратно.

– Значит, у тебя плохой вкус не только на одежду, но и на фильмы, – Георгий Иванович взял ложку и погрузил её в сгущёнку. – Интересно, слушаешь ли ты Скриптоцита?

– Предпочитаю Оззи Осборна.

– Немногим лучше. Это же он откусил голову зверюшке?

– Он был под наркотой.

– Ах, ну да, тогда, в принципе, ничего страшного.

– А вы, видимо, предпочитаете Шопена? – я улыбнулась, вспоминая свой последний поход в консерваторию. – Что-то из раннего?

От его неожиданного смеха у меня перехватило дыхание. Он был так похож на обычного человека, размазывая сгущёнку по коржу, что я попросту не поняла, зачем ему вся эта напыщенность.

Пассия, имя которой я благополучно забыла, зашла в столовую в поисках Рождественского. Мне показалось непристойным то, как она склонилась над ним, как прошептала какие-то пошлости (очевидно), и как начала тащить его из-за стола. Я снова осталась одна с мыслями о том, что каждой твари по паре.

Игорь пытался поднять моё упавшее настроение глупыми шутками, но всё было напрасно. Смятение чувств заставило меня закрыться в комнате под предлогом сборов и рухнуть на кровать. Я не понимала, почему возникло это отвращение.

тительное желание уехать, и, если бы было возможно сделать это без подозрений, я бы именно так поступила.

Но спустя полчаса я выплыла из своей комнаты при полном параде. Платье-миди, покрытое блестками, могло бы довести до инфаркта любого минималиста. Туфли так и остались в коробке в самом сердце Москвы, я не любила искусственность. А разве есть хоть какая-то натуральность в хождении обутой в русском доме.

Девушка Рождественского с порозовевшим лицом сидела за столом в слишком вульгарном, на мой строгий взгляд, наряде. Если бы я только могла накинуть на неё сверху тряпку, как на клетку с попугаем, и заставить её поверить, что пора спать... Увы, приличия заставляли слушать бред, льющийся из её надутого рта.

Мой приход не произвёл никакого эффекта, что скатило настроение ещё ниже. Общий диалог не клеился, мы были плохо сходящимися людьми, внезапно оказавшимися в одном доме. Я чувствовала себя ужасающе неудобно.

– Когда вы собираетесь уехать? – невпопад начал Игорь, чтобы завести хоть какой-то предметный разговор.

– Уже не терпится остаться наедине? Быстро, однако.

– Гоша, я просто спросил. Обязательно всегда быть такой жопой?

– Радуйся, – он пригубил красного вина из бокала. – На моём фоне ты будешь казаться девушке сушим ангелом.

Они замолчали, а я вдруг почувствовала отчётливую вол-

ну гнева. Да что со мной такое? Я сижу в компании людей, чьё общество мне не нравится, пью слишком сухое вино и слушаю оскорбительный разговор. До 12 ещё целых два часа, я вполне себе успею добраться до Москвы. Но даже в такси посреди леса мне будет куда уютнее, чем за этим столом. В конце концов, хватит терпеть неприятные вещи ради вежливости. Хватит терпеть!

Как только ко мне пришло решение, я вздохнула с облегчением. Это удивительная простота мыслей заставила меня встать и с улыбкой отправиться в свою комнату. Думаю, братья решили, что я отправилась в туалет. Веранда с огромным столом располагалась в другой части дома, так что я спокойно заказала такси, собрала свой немногочисленный багаж и с удивлением отметила, что машина ожидала меня прямо у ворот злосчастливого дома. Я вышла на улицу с клятвой никогда больше не принимать поспешных решений.

Было бы правильно предупредить хозяев о моём отъезде, выслушать порцию уговоров или холодных взглядов, лицемерно пожелать всем доброго года и не успеть доехать до Москвы до 12.

Но мне не хотелось. Вот такое простое объяснение моего английского прощания.

Таксист, угловатый мужчина в лыжной шапке, оказался на редкость приветливым. Он всегда работал в праздники, о чём с радостью рассказал мне. Была какая-то история про жену, про то, как она встречает его у дома в 12 с пирожка-

ми, целует, а затем снова работа. Но я слушала в пол-уха. В моей голове уверенно расхаживал Артур, говорящий своим всегда спокойным и уверенным тоном о том, что я сама виновата. Этот парень изначально был сплошной катастрофой и разочарованием. Я должна была остаться дома или поехать к родителям. Я должна была думать головой. Какого чёрта я вообще забрела в эту глушь.

Сама не помню, как провалилась в глубокий сон. Но очнувшись я от того, что кто-то трясёт меня за плечо.

– Ваш телефон.

Приходя в сознание, я будто издалека слышала тяжёлые гитарные риффы. Да, мой телефон.

– Аллё, – я потёрла руками глаза и тут же чертыхнулась, потому что они были покрашенными.

– Ты где?

Я взглянула в окно, огни были явно московские, я почти приехала к дому, а на электронных часах водителя красовалось: 23:30. Был ли голос Игоря взволнованным? Нет, скорее просто злым. Я не могла осуждать его за это.

– Я в Москве, почти уже дома.

– Это как понимать? – он явно вышел из себя. – Ты вообще нормальная? Молча уехала, не предупредив никого. Что тебе не так?

– Извини, – больше всего на свете я ненавидела разбивать чьи-то хрустальные замки, но сейчас, очевидно, это было необходимое решение. Чем дольше я уговаривала себя

идти дальше, тем сильнее моё сознание впивалась в воспоминания об Артуре. Я решила дать себе время. Время, чтобы всё забыть, чтобы пойти вперёд, чтобы смириться. – Я просто не хотела там находиться.

– То есть не хотела?

– Обычно я так не делаю, – я открыла дверь такси и помаяхала на прощание водителю. – И я правда старалась. Но это всё не моё, это не то, чего я ожидала.

– Это потому, что приехал мой брат с тёлкой? Он тебе нравится?

– Причём тут они?

– Да притом! Ты в магазине мне почти на брак намекнула, а теперь вот что. Да, легко переобулась.

Я опешила от происходящего. Объясняться дальше не имело смысла, он принял решение на мой счёт. Ну и пусть, ну и ладно. Я больше не собиралась слушать это.

– Игорь, не звони мне больше. Всего хорошего.

Я повесила трубку, но почти сразу получила ещё один звонок. Кажется, он не собирался оставаться в долгу. Во избежание неприятных монологов, я заблокировала его во всех мессенджерах и понадеялась, что он не станет утраивать сцен. Да что вообще между нами было? Просто несколько прикосновений. Я позволила себе слабость и, безусловно, виновата, но ничего страшного ведь не произошло. Не стоит раздувать драму на пустом месте. Это женская работа, в конце-то концов!

Москва задыхалась снегом и новогодними фонарями. Я шла по замёрзшей улице к месту, которое называла домом. Редкие окошки светились, большинство были совершенно тёмными. Кто бы ни ждал меня там, в судьбоносном дне нашей встречи, я просила его не задерживаться и обещала, что больше никогда не пойду на компромиссы с сердцем. Всё или ничего, никаких полумер и соглашений. Я шагнула в Новый Год с огромным мешком надежд на счастливую любовь.

Глава 14.

Первый день самого сонного месяца озарил меня лучами яркого солнца. Я улыбнулась чувству отдыха, которое не испытывала слишком долго. Повалевшись вдоволь, я достала мобильный. Было 9 утра. Умывшись, я залезла в холодильник, но он оказался пуст.

За что точно стоит любить Москву, так это за кипящую жизнь 24/7. Даже 1 января.

Я вышла на пустую улицу в своём огромном шарфе, до конца не открыв глаза. Официант смотрел на моё приближение, как женщина смотрит на округляющийся животик в преддверии родов. Как я любила этот город!

Омлет с беконом, сыром и помидорами, всё ещё тёплый круассан и лавандовый раф, 80 % арабики – так я начала свой новый год в кофейне с расписными стенами под Дали. Снег искрился под яркими лучами, но не таял. Такую изморозь я помнила из детства, и как мне нравилось падать в пушистые сугробы, ощущая холод спиной.

В моменты, когда мои мысли забегали куда-то глубоко, я могла бы не разглядеть собственную маму прямо перед носом. Совсем не удивительно, что для меня мелькнувший за окном человек, на мгновение замерший у панорамных стекол, не являлся поводом выйти из своих раздумий.

– Хорошо, что парковка совсем не далеко отсюда, – Геор-

гий Иванович прыгнул на стул, слишком бледный и возбуждённый. Официант тут же показался рядом, он не посмотрел на него и заказал кофе.

– Чем обязана? На работу мне 10, вроде.

Его появление стало огромной попой, плюхнувшейся на сладострастный пончик моего утра. После того, как роман с его братом закончился, так и не успев начаться, я стала подумывать о смене работы и, возможно, сферы деятельности в принципе. Меня жутко удручала необходимость видеть Рождественского, пусть даже редко, а что ещё хуже, я опасалась мести, которую так любят самовлюблённые молодые господа.

– Слышу агрессию в голосе, – он открыл меню и внимательно изучил страницы. Официант вернулся с кофе, Георгий Иванович заказал тоже, что и я. – Мне что, нельзя теперь завтракать, раз ты решила поиграть в Золушку?

Он снял с себя дорогое пальто и повесил на стоящую вешалку. Джинсы и тёплый свитер, наряд с обложки зимнего выпуска журнала Сноб. Двигался он, к слову, также достойно.

– Я...

– Ой, не надо! – он махнул ладонью и откинулся на стул. – Я не хочу знать причинно-следственную связь. Ты больше не общаешься с моим братом?

– Вы приехали, чтобы убедиться в этом? Приятно, когда начальство так заботиться о том, чтобы сотрудники умирали

в одиночестве.

Он улыбнулся. Мне казалось совершенной глупостью его присутствие, но было в этом человеке что-то манящее и чарующее. Получил ли он своё обаяние от матери природы или банковского счёта, я не знала. Но он обладал им в самом полном смысле этого слова.

– Я помогу сделать так, чтобы он оставил тебя в покое, – он глотнул кофе и стал совершенно серьёзным.

– Он меня не беспокоит.

Что-то в его искрящихся глазах мне совершенно не понравилось.

– Игорь рассказывал тебе про сложности с эмоциональной стороной своей личности?

– Да.

– Так вот, всё намного хуже.

– Откуда вам знать, что именно мне известно?

Снова этот странный взгляд. Нет, я, должно быть не знаю и 5% случившегося. Может быть, к лучшему.

– Это хорошо, что ты уехала молча. Но теперь нужно быть осторожнее. Я попросил кое-кого присмотреть за Игорем. За тобой тоже, если честно.

– Он что, убьёт меня?

Эта мысль обожгла моё сознание, и я замерла, не получив ответ на свой ужасный вопрос.

– А ну рассказывай! Во что я вляпалась?

– Успокойся, – его лицо снова стало спокойным и пра-

вильным. – Я всё контролирую. Он не психопат, просто очень чувствительный. Просто не хотелось бы наткнуться на статью, где рассказывают, что мой брат преследует мою подчиненную. Понимаешь, о чём я? – перед ним поставили тарелку с омлетом, точь-в-точь какая стояла передо мной совсем недавно.

– То есть вы боитесь, что я воспользуюсь эмоциональной нестабильностью вашего брата, чтобы стрясти с вас побольше денег?

– Скажем так, – он улыбнулся. – Я не исключаю такой возможности.

Это звучало как пощёчина всем моим попыткам стать хорошим человеком. А ведь так было. Я старалась изо всех сил поступать по совести, не брать чужого, быть честной. Ждала ли я божественного одобрения в конце пути? Не знаю. Мне просто казалось правильным жить именно так. Но сидеть тут и слушать высокомерное предположение начальника я не собиралась. Я была просто к этому не готова.

– Людей судят по себе, – я бросила тысячу на стол и встала. – Я угощаю вас.

Не думаю, что он побежал бы за мной или захотел бы объясниться. Рассказать, как их богатая семья то и дело сталкивалась с коварством общества. Убедить, что я не произвожу подобного впечатления, но обжёгшись на молоке, дуешь на воду. Не уверена, что он помнил о нашем разговоре спустя пару минут. Я точно знала, что не заслуживаю этого и что

обвинения в меркантильности от него вызвали у меня слёзы.

Георгий Иванович спокойно доел свой завтрак и заказал ещё одну чашку кофе с собой. Облегчение, которое он испытал, увидев девушку в добром здравии можно было сравнить разве что с глотком воды после изнурительной тренировки.

Его брату всегда нравились совершенно другие. Низкие, худые, миловидные девочки с кукольным макияжем. Меньше всего эта девушка со своим достоинством на кончиках пальцев походила на плюшевых спутниц Игоря. Беда пришла откуда не ждали.

Вообще-то, Рождественский опекал брата с самого детства. Непутёвый, неправильный. Он как бракованный товар в их идеальной линейке, но он всё ещё был одним из них (этот факт, безусловно, печалили всю родню). Наркотики, алкоголь, похоть – чего только не было с этим, в общем-то, симпатичным человеком. Сам Георгий Иванович не очень-то хотел разбираться в тонкостях жизни падших, ему хватало ума оставаться на Олимпе.

Если уж божественное проведение даровало им возможность получения всех благ, надо пользоваться. Игорь казался ещё более отвратительным, потому что упускал то самое право по рождению быть лучше других. К уровню жизни в самом начале его пути многие стремились до самой смерти,

но так и не доходили. А он сам носился со своим рассудком, как типичная “яжмать”.

Да, у него обнаружили проблемы, причём почти в детстве. Бракованный ребёнок тут же пристыдил всю осознанную часть семьи. Главное – замять надвигающийся скандал. Избалованного дебошира могут простить, а вот психа нет.

Ничего страшного врачи не обнаружили. С этим можно жить, с этим живут. С этим заводят семьи, рожают детей, покупают дома. Если бы не Россия, Игорь бы вступил в какое-то модное сообщество, где педалировался бы разумпозитив. Но они жили в Москве, где всё ещё крепка была боязнь к неординарным поступкам. Может, это лишь инстинкт самосохранения.

Георгий Иванович расплатился по счёту, так и не дотроновшись до оставленной тысячи. Чаевые более, чем щедрые.

В машине он позвонил своему помощнику и уточнил, ведётся ли наблюдение за его братом и его пассией. Получив положительный ответ, он собрался повесить трубку.

– Георгий Иванович, – позвал молодой человек. – Рабочие приступили к ремонту ворот на даче. Машину тоже забрали с МКАД и отвезли в салон. Скорее всего, проще взять новую.

– Отлично, – сухо отрезал Рождественский.

– Ника попросила больше денег, чем вы рассчитывали, – он замялся в нерешительности. – Намного больше. Она сделала фотографии и видео. Я их просмотрел, там видно, как ваш брат...

– Я сам разберусь с ней. Не первый раз замужем.

Он кинул трубку на переднее сидение своей солидной машины и чертыхнулся. Юридические знания могли бы принести ему столько полезных доводов в переговорах, но почему-то он так часто использует их чтобы прикрыть фантиком чужую кашку. Как же он устал, смертельно устал от паршивой овцы в племенном стаде. Может, стоит уже перестать спасать репутацию семьи и жить своими проблемами? В конце концов, он тоже человек со своими недостатками и желаниями.

Как бы ни хотелось сбросить груз ответственности, по-настоящему честный человек несёт с достоинством каждый её камушек.

Это была его семья, поэтому он взял обратно телефон и набрал номер Ники.

– А теперь послушай меня...

Глава 15.

Вдохновение – это то, что передаётся сквозь время, расстояние, любые условности. Оно пропитывает вас через буквы, звуки, цвета, ощущения. Стреляет прямо в сердце и заставляет забыть о простом и реальном во имя вечности.

Это пришло мне на ум, когда я держала небольшую деревянную вещицу с какой-то там смолой на дне. Мы с Артуром обожали ходить по ярмаркам, а вот Роза нет. Спасибо ей большое, потому что так наши дружеские отношения всё ещё оставались дружескими. Чем дольше я его знала, тем больше любила.

– Так ты снова установила эту приложуху? – он вертел странный браслет из игральные костей и дощечек. – Тебе оно надо?

– Лида очень настаивала, – пожала плечами я. – Говорит, никто не заботится о моей личной жизни, как она, всех устраивает моё одиночество.

– Меня точно.

Мы обменялись лёгкими смешками и пошли в другой зал. Этно-музыка и запах благовоний чётко давали понять, что мы наткнулись на самые любимые мои ряды.

– Ты только посмотри!

Я побежала к ярким витринам с украшениями на любой вкус. Артур занудствовал, как и всегда. Я отшучивалась, как

и всегда. Будто не было всей этой Розы между нами, будто ещё всё можно было исправить.

Анализировать свою привязанность я отказывалась, оправдывая это тем, что никак не могу отлипнуть от него по своей воле, а я правда старалась и не раз. Так если нам так хорошо вместе, почему бы не позволить жизни случиться?

– Этот Игорь, он точно не представляет угрозы?

– Не переживай, – я натянула на руку каучуковый браслет. – Его братец слишком сильно дорожит репутацией семьи.

– Я всё-таки пробую его по всем доступным источникам.

– Ха!

Всё первое января я провела в бесплодных попытках найти что-то полезное. Но как и ожидалось, Георгий Иванович поработал на славу и единственное упоминание вело меня к арт-директору русского бара. Да и Бог с ним. Кому какое дело.

– Рассказываю, – я прошла к соседнему прилавку и вздрогнула от того, что Артур прикоснулся к моей руке. – Один парень оказался маркетологом.

– Банально.

– Фотографом.

– Ещё банальнее.

– Поэтом.

– Тривиально.

– И, конечно, психологом.

– А вот это уже интересно!

– Талантливые во всём – не талантливые не в чём, – я показала ему в сторону фудкорта, он одобрительно кивнул. – Ты бы видел эти ужасные фотографии! Профиль – анфас, профиль – анфас. Ни одной попытки сделать что-то мало-мальски креативное! Если в рост, то Собор Непорочного Зачатия.

– Стихи, полагаю, “люблю-куплю”?

Я передёрнула плечами и почти продолжила рассказ, но молодой человек в прекрасно отглаженном фартуке улыбочиво предложил нам выбрать. Сев за столик, мы продолжили разговор. Я надеялась, что где-то глупо в душе он меня всё-таки хоть немного ревнует.

– В общем, я запретила себе быть придирчивой жопой и решила дать человеку шанс. Надо давать человеку шанс! Даже после того, как он упомянул бельё Victoria’s Secret для первого свидания, видит Бог, я дала ему шанс!

– И что? – Артур безучастно шевелил вилкой свой рис, что позволяло мне рассказывать коротко.

– Он оказался жутко истеричным мужиком с раздутым эго, – я ждала очередной порции “сразу было понятно, сама виновата”, но он сжалился. – Ещё один бывший бандит с религиозными тату на всё тело, пара попыток от симпатичный ребят миновать отношения на пути к кровати, и IT-шник, любящий кота больше, чем человечество.

– Да уж. Я говорил, там собирается всякий сброд.

Многие пары, со слов моих знакомых, находят друг друга именно в дурацких приложениях. Это лучше, чем просто надеяться на мужскую смелость. Как правило, на улице могут прилипнуть совершенно непривлекательные, иногда даже старые жвачки, которые потом ещё долго соскребаешь со своей подошвы. Жуть да и только.

– К нам приезжают друзья на следующих выходных. Придёшь? Может, познакомишься наконец с приличным парнем.

Закрутить роман с другом Артура – было чем-то посильнее предательство. Всё моё сознание тут же достало папку всевозможных дел от маникюра до гинеколога, но внутреннее чутьё подсказывало, что если Роза будет видеть, что я не претендую на её мужчину, мы будем чаще видеться без неё, чего мне так сильно хотелось.

– Отличная идея. Напиши мне ближе к делу.

Январь на работе означал прекрасную пору затишья, когда всё основное время ты тратишь на волнующие личные дела. Я попробовала написать ужастик для конкурса. Рассказ-загадка, где убийцей должен был стать кто-то совершенно неожиданный. Правда в итоге оказалось, что участие платное, поэтому свой шедевр я выложила на бесплатной платформе под кофейным ником. Конечно, один лайк и сушьный комментарий вовсе не то, чего я ожидала.

Честно говоря, эффект “вау” от того, что кому-то нравится то, что ты делаешь проходит очень быстро. Человеческий

аппетит растёт прямо пропорционально его успеху. Для начала вам достаточно одного лайка. Ура, кто-то это прочитал! Потом вы получаете волшебный комментарий “мне нра” и уже вне себя от такого увлекательного приключения. Беда в том, что уже через пару творческих выхлопов, вы хотите получать больше прочтений, развёрнутые мнения и, естественно, оплату труда. Тут-то и начинаются настоящие проблемы.

Конечно, я говорю только о себе. Возможно, те, кто занимается чистым творчеством, отрекаются от признания. Так вполне себе можно делать, если комфорт вас мало интересует. Вы либо имеете его, либо панк по своей натуре. Вот там рождается “я буду делать без всяких “но””.

Однако я особа амбициозная, к тому же моё время является источником дохода. Тратить долгие часы на творение и не получать за это ничего физического – это тот уровень, до которого я пока не доросла. Да и вряд ли когда-нибудь дорасти.

Я не видела своего начальника с 1 января и, если быть откровенной, меня это вполне устраивало. Тревожность, которая была свойственна мне с самого детства, уступила место пофигизму, который так долго прививал мне Артур.

Ну вот, снова вспомнила о нём. Последняя сторис Розы вывела меня из себя. Они вдвоём завтракали в нашем кафе, в месте, которое было запретно для других. Она ела моё блюдо и пила моё кофе. Он смущённо улыбался с другого конца стола. Будто она не знает, как ему не нравится фотографи-

роваться за едой. Это просто удар под дых. Я же смирилась, я успокоилась, а потом бац и наше место уже не наше место, он оскверняет его своей девушкой в безвкусном платье, похожем на халат!

– Ну ты идёшь или что? – Лида заехала за мной в ослепительно коротком платье, надеясь найти себе нового Стасика. Я в отличие от подруги не питала надежд на счёт нового местечка “Цыган”.

Мы добрались куда быстрее, чем мне представлялось. Видимо, большая часть людей всё ещё праздновала приход Нового Года.

Само место напоминало мне слияние дикобраза и птицы-феникса. Несуразное. Лида же, явно в восторге от клокочущих взглядов мужчин, бросилась в плотную толпу танцпола, миновав барную стойку. “За выпивку нельзя платить самой,” – это был непреложный закон.

Но я не была так строга к сильному полу. Мне не нравилось смотреть на человека через призму его возможностей. Было в этом что-то мирское, недостойное любви.

Поэтому с гордо поднятой головой я протиснулась к барной стойке и заказала себе кофе. К сожалению, меню сузило мой выбор до латте или эспрессо. Я предпочла первое и поддалась на настойчивую просьбу бармена оплатить свой напиток сразу. Осушу чашку и побреду домой по свежему, морозному воздуху.

– Какие люди.

От неожиданности я подпрыгнула на месте. Это был Игорь, слегка помятый и пьяный, не в лучшем расположении духа. Мне стало не по себе от его мутных глаз и ауры агрессии.

– Привет.

Не знаю, почему мне стало стыдно, но я бы хотела, чтобы эта встреча никогда не состоялась. Мой кофе делали слишком долго и слишком тщательно. Неловкая пауза затянулась, но проблеск надежды неожиданно свис на плече Игоря в виде милостивой брюнетки в крошечном кроп-топе, который больше походил на лифчик. Я улыбнулась ей и взяла свой кофе, чтобы подыскать себе тёмный уголок подальше.

– Пошли к нам, у нас столик в лаундж зоне, – Игорь прихватил меня за локоть.

– Нет, спасибо. Я здесь не одна.

Мои попытки быть как можно мягче терпели поражение, потому что его лицо становилось только грубее.

– Кто на этот раз? Мой отец?

– Что, прости?

– Мой брат так и вьётся вокруг тебя верёвочкой. Сразу понятно, почему ты так скоро отшила меня.

Брюнетка дёрнула его за рукав, а я, воспользовавшись ситуацией, ринулась в сторону. Людей было слишком много, я увязла где-то между баром и танцполом, но отдаляющаяся фигура Игоря позволила мне выдохнуть. Что-то было в нём такого... Я не знаю, как это можно объяснить.

Я подождала для верности 20 минут (кофе был выпит почти залпом) и побрела в поисках Лиды. Та уже с жадностью кокетничала с молоденькими модниками прямо у зоны отдыха.

– Слушай, мне надо домой. Ты остаёшься?

Лида меня не слышала, поэтому одну и ту же фразу мне пришлось кричать трижды. Зато потом я получила короткий кивок.

Я вспомнила слова Георгия Ивановича, кто-то следит за мной. А это значит, что ничего такого случиться не может. Тем более я постояла в холле лишние 5 минут, чтобы проверить, нет ли хвоста в виде Игоря.

А может это просто накручивание? Ну какое ему дело до меня. Да, ущемила эго. Совсем чуть-чуть. Но ведь никак не оскорбила, не унизила. Нельзя быть таким злопамятным. Да и брюнетка явно ему по душе больше меня. Он уже и забыл, кто я.

– Ходить так поздно одной не очень-то безопасно.

Георгий Иванович за рулём своей модной машины выглядел намного лучше, чем мне бы того хотелось. К тому же его появление наводило на не лучшие мысли.

– Какими судьбами? – я продолжала еле двигаться по пустому тротуару.

– Ехал мимо и увидел знакомую фигуру. Ты же не думаешь, что мне бы хотелось поухаживать за тобой? – он улыбнулся и остановил машину. – Подвезти?

– Да мне недалеко. Я хотела прогуляться.

Он посмотрел вперёд на свободное парковочное место и рванул вперёд. Что-то внутри меня многократно благодарило его за возможность компании в такие нестабильные времена.

“Слишком тонкая подошва для снега” – подумалось мне при виде его красивых туфель. Хорошо, что мой дом совсем недалеко, он бы явно не продержался больше получаса. Если только не планируешь ампутировать пару пальцев.

– Значит, клуб был не лучшей идеей, – он обернул шею шарфом и застегнул на ходу пальто. Мне показалось это милым.

– Откуда вы знаете про клуб?

– А есть кто-то в Москве, не бывавший в “Цыгане”?

– Если найду таких – сразу сообщу вам.

Мы замолчали, снег весело кружился под лимонным светом фонарей и всё казалось таким спокойным, таким нормальным.

– Тусовщицей меня не назовешь, – я вздохнула, но не дождалась его комментария. – Дело в том, что дома мне куда приятнее. Но ведь нужно поддерживать социальный баланс.

– Ты считаешь?

– Конечно! – я взглянула на его мерные шаги и ещё раз отметила свою вечную неуклюжесть. – Как иначе заводить новые знакомства? Люди перестали знакомиться на улице. Интернет развратил нас настолько, что, видя даже очень симпа-

тичного человека, мы уверены, что будет следующий, менее энергозатратный.

– Интересно.

– Перенасыщение выбором ведёт к его полному отсутствию.

– Хм, – он замер у кофейни около моего дома. – Зайдём? Я бы не отказался от позднего ужина.

Я замешкалась. В его словах не было и капли намёка на интерес ко мне как к женщине, но я была не уверена, что не интересуюсь им как мужчиной. Пока мои чаши качались в поисках решения, Рождественский открыл дверь и кивнул мне. Я вошла.

Очаровательный запах молотых зёрен и стены, разукрашенные будто кофейной гризайлью наполнили меня уютом. Спать расхотелось.

– Мне, пожалуйста, двойной эспрессо и куриную грудку на углях с фитнес салатом, – он закрыл меню и посмотрел на меня своими лучистыми глазами. – Ты что будешь?

– Лавандовый раф, 80% арабики, пожалуйста.

– Большой?

– Самый большой.

– Итак, – он откинулся на спинку стула так изящно, что я почувствовала себя бегемотом. – Ты в активном поиске?

– Можно и так сказать.

– Женские часики?

– Мимо, – я спрятала руки, чтобы не показывать, как я

смущаюсь. – Я просто очень домашний человек, семейный. Можно сказать, что мне нужна пара, чтобы чувствовать себя абсолютно счастливой.

– Мне кажется, что женщины особенно склонны романтизировать и преувеличивать значение отношений.

– Не говорите, что не верите в любовь. Это так банально.

– Но это правда, – он улыбнулся официантке, которая поставила перед нами напитки. – Ты действительно будешь пить это? – Георгий Иванович недоверчиво осмотрел посыпку на пенке моего напитка. Цветочки лаванды явно не клеились с пищеварением в его голове.

– Почему нет? Это вкусно, – я сделала глоток, усмехнувшись отвращению на его лице. – Неужели вы никогда не испытывали чувств?

– О, ещё какие! Постоянно! – он осушил свою чашку и улыбнулся. – Например, на втором курсе я просто без памяти влюбился в новенькую из Перу. Она была такой таинственной и необычной, – я внимательно наблюдала за искрами из его глаз. – Всё как положено: думал о ней, романтические встречи, красивые признания. В принципе, складывалось всё очень удачно. Я почти на ней женился.

– И что же случилось?

– Да жизнь случилась, – на его лице не было ни грусти, ни разочарования. Прекрасный игрок в покер. – Наступает момент, когда тебя отпускает эйфория. Вы перестаёте притворяться друг перед другом, отпускаете это навязчивое же-

ление казаться лучше. Вы становитесь собой и эффектно демонстрируете свои недостатки.

– Но ведь идеальных людей нет, – возразила я.

– Конечно. Я прямое тому доказательство, – Рождественский перевернул вибрирующий телефон. – Просто это та точка, где вы понимаете, с кем имеете дело и можете решить, стоит ли продолжать.

– Вы, очевидно, решили, что не стоит.

– Мы были совершенно разными людьми. Я говорю не о предпочтениях в еде, – перед ним поставили тарелку с едой. Понятно, почему у него такая фигура. – Если бы все пары взвешивали здраво все за и против в этой точке, у нас бы не было столько разводов и несчастных браков.

– И вы считаете, что это не любовь?

– Не в общепринятом смысле, – он взял в руки нож и вилку. – Долгосрочные отношения строятся не на гормонах и “ночами не сплю”. Нужно доверие, уважение, общие цели. Сердце может стучать ровно, но всё же быть привязанным к определённой человеку. И чем дольше вы находитесь в доверительной зоне друг друга, тем сильнее то родственное чувство, которое многие считают любовью. Поэтому очень крепкие браки начинаются близкой дружбой так часто.

– А почему нельзя назвать эти отношения любовью?

– Потому что это слово отвратительно обесценили, – он положил небольшой кусок в рот и тщательно прожевал, прежде чем продолжил. – Все эти цветочки, записки, нераз-

делённые признания. Люди поросли в желании боли и отрицании настоящего счастья. Что заставляет их возвращаться к первой влюблённости, например? Эффект незавершённости, желание быть снова тем, кем уже не будешь, утраченные эмоции и переживания. Ты не можешь в 37 чувствовать как в 17. И это норма! Почему бы не перестать хотеть вернуться в поверхностную юность? Почему бы не наслаждаться собою более реальным и приземлённым?

– Я наслаждаюсь, – сказала я, чтобы дать ему возможность прожевать ещё один кусок. Мне нужно перестать говорить с набитым ртом. – Никогда бы не хотела снова пережить ни 13, ни 18. Я сейчас в самом лучшем времени своей жизни.

– О чём я и говорю. Если человек развивается на постоянной основе, он не захочет терять ни один уровень своего самосовершенствования.

Разговор с ним заставил меня осознать, насколько поверхностно я рассматриваю людей при первой встрече. Артур показался мне маньяком, Игорь – очаровашкой, а Рождественский – самодовольным болваном. И хоть это последнего было совсем не маленьких размеров, он обладал гораздо большим набором положительных качеств, чем мне казалось.

Мы пришли к моему дому слишком поздно для рабочего дня. Он поднялся проводить меня.

– Спасибо за ваше общество, Георгий Иванович.

– Ты можешь называть меня Гоша. Вне работы, конечно.

Он поднял руку в знак прощания, я закрыла дверь с за-

стывшей улыбкой на лице.

Рождественский сел в машину и набрал своему помощнику.

– Георгий Иванович?

– Как прошло?

– Как вы и хотели, – молодой человек секунду помешкал и продолжил. – Судя по последним данным ваш брат вернулся в клуб. Напивается.

– Так будет лучше.

Он повесил трубку и закрыл глаза. Что только не сделаешь ради благополучия семьи.

Глава 16.

Вообще, совместные празднования с малознакомыми людьми давались мне на редкость плохо. Я и подумать себе не могла, что в моей любимой квартире на Красных Воротах может поместиться такое количество людей.

Роза блистала в слишком (на мой взгляд) откровенном платье, но я сделала комплимент её шелковым туфлям (хотя и находила странным хождение в обуви дома).

Если бы не Артур, я бы, наверное, этого не выдержала. Он сразу понял, что я тут совершенно не к месту, поэтому не отходил от меня и на 5 минут. Его знакомые если и признали бы меня, то точно не рядом с Розой, с которой имели несчастье вырасти в одно время.

– Ну что, – вдруг ворвался к нам в разговор парень в очках, слишком беспардонный для своего образа. – Роза сказала, вы собираетесь в июле делать свадьбу. Поедем в горы или останемся на равнине?

Меня прошибло током от макушки и до самых пальцев ног. Он женится. На этой вульгарной девице. Меньше, чем через полгода. И ничего мне не сказал. Он женится. У меня спёрло всё, что находилось внутри и под их непринуждённую болтовню я пыталась сделать всё, чтобы меня не вырвало. Но это всё-таки случилось чуть позже в туалете. Он ничего мне не сказал. Он женится.

Я вытерпела на этой вечеринке ещё минут 15, но мне казалось, что прошло как минимум 3 вечности. При первом же шансе, я выбежала в коридор и схватила свои вещи.

За мной никто не гнался. Думаю, моего отсутствия никто и не заметил, но это было ужасающее давление – новость об его свадьбе. Когда это случилось? Когда мы стали скрывать что-то друг о друге? Когда он решил связать свою жизнь с этой ненавистной мне женщиной? Почему он выбрал её? Почему никак не мог посмотреть в мою сторону?

Боже! Мы бы были так счастливы вдвоём! Он же это понимает? Он должен чувствовать тоже самое, иначе почему это происходит со мной???

Все эти мысли соединились в моей голове как фрукты в миксере, и я дошла до самых крайних точек своих суждений. Конечно, многие скажут, что невероятная глупость спустя столько прямых выяснений и верных фактов надеяться на счастливый (для себя) конец. Но, уважаемые критики, с чувствами не всё так просто, как нам бы того хотелось. Поверьте, я была уверена, что давно переборола свою пагубную страсть и даже научилась принимать вторую половину несостоявшегося мужа. Я была уверена, что всё, напоминающее мне о почти любви, покрылось пылью и понемногу разлагалось.

Его решение жениться и то, что он скрыл это от меня – пощёчина посреди танго. Я всё себе придумала. Я себя обманула. И это знали все, кроме меня.

Хотела бы я сказать, что прорыдала все выходные, но потоки моих слёз сильно ограничены. Через час у меня начала болеть голова и я поняла, что пришло время остановиться.

В понедельник я накрасилась на работу, что было почти шоком, надела самое лучшее платье и запретила себе быть жижей. И вот, размахивая своими длинными волосами, я ворвалась в офисное пространство и тут же замерла. Из кабинета Георгия Ивановича доносились крики, я чётко расслышала голос Игоря.

– Просто дай мне работу здесь! Брат ты мне или что?

– Прекрати манипулировать мной. Ты не будешь тут работать и точка. И говори тише, вот-вот начнут приходить люди.

Я догадалась откуда такая хорошая слышимость. Новая секретарша Муза не отличалась земной прагматичностью. При этом не имела заинтересованности в сплетнях или дружбе с коллегами. В общем, персонаж необычный, но об этом позже.

Пока я замедлила шаг, чтобы уловить суть разговора. К сожалению, как по взмаху палочки феи крестной, звуки перешли на куда более сдержанные тона. Я не смогла разобрать ни одной фразы, поэтому поковыляла к своему рабочему месту в надежде на отсутствие приключений. Через час меня вызвали к Рождественскому.

Муза, рыжеволосая инопланетянка с совершенно одухотворённым лицом, проводила меня к начальнику и вяло прикрыла дверь.

– Доброе утро, – мягко сказала я, пытаюсь быть милой.

– Да уж куда лучше, – он устало потёр виски руками, кажется, ему требовался сон, внутривенно. – Я просмотрел концепцию твоего проекта по отелю на Солянке. Идея требует более точной сметы, но в целом очень хорошо, – я удивилась, что для такой мелочи он вызвал меня к себе. Обычно такое обсуждается с ближайшим начальником. – Я хотел, чтобы ты провела это мероприятие, но планы изменились. Я надеюсь, ты с пониманием отнесёшься к ситуации.

Да конечно! Это была моя концепция! Моя идея! А теперь её реализацию подарят какому-то другому человеку. И он просит у меня понимания. **ПОНИМАНИЯ, ЧЁРТ БЫ ЕГО ПОБРАЛ!**

– Да, конечно, – холодно отозвалась я, скрестив руки, чтобы не сотворить ему проплешину на макушке. – Это всё?

– Нет, – он, кажется, только сейчас сконцентрировал своё внимание на мне. Его сияющие глаза блеснули чем-то игривым. – Я бы хотел, чтобы ты поехала со мной в Италию для организации нескольких мероприятий русского посольства. Мы пробудим там 2 недели, Флоренция и Рим. Подготовь документы, придётся делать срочную визу. Вряд ли ты часто посещаешь ЕС.

От его снисходительного тона можно было оскорбиться, но Мамма мия! У меня будет первая в жизни командировка, да ещё и в Европу! К тому же организация международного мероприятия красиво ляжет в портфолио и позволит, нако-

нец, выбиться из рядовых в незаменимых. Я была вне себя от восторга и почти прыгала, но внешне старалась не отсвечивать.

– Хорошо. Я могу идти?

– Да.

Я вышла из его кабинета и устроила победные пляски прямо под дверь. Толи мысль о заграничном путешествии меня взбодрила, толи осознание того, что мой босс всё-таки имеет на меня какие-то планы, но такого рабочего подъема я не испытывала давно. Он прислал мне материалы почти сразу после нашей встречи, я тут же села за проработку концепций и совершенно забыла о происходящем в кабинете Рождественского до нашего разговора.

Георгий Иванович уехал с работы гораздо раньше запланированного времени. Ему было просто необходимо выпустить пар после утреннего разговора с Игорем. Да что он себе позволяет! Врывается в такой устаканенный быт со своими переживаниями. Влюбился, видите ли! ВЛЮБИЛСЯ! Да что вообще такой человек как он может знать о любви. А эта девушка. Да просто сплошное издевательство! Слишком простая, слишком наивная, слишком неуклюжая. Игорь всегда ценил тех, у кого косточки не толще спицы и ресницы, которыми можно сдуть пару островов в Тихом океане. А тут

раз и пассия из коммуналки.

Он ударил руками по рулю и тут же успокоился: загорелся зелёный свет. До последней секунды Рождественский гнал от себя страшное воспоминание, но всё же встал на аварийку у бордюра.

Это было, когда ему ещё только исполнилось 20. Родители Игоря подняли панику, случилось что-то страшное. Рождественский настоял на том, чтобы его мать осталась дома. Он выехал на пустую осеннюю улицу в своей тогда ещё скромной машине. Холодный ветер раскидывал мелкие капли дождя по лобовому стеклу, дворники работали на износ.

В огромный дом ближайших родственников молодой человек въехал через полчаса. Валентина Игнатьевна, мама Игоря, стояла у камина с большим бокалом красного вина. Её била дрожь, кажется, слишком сильная для такой хрупкой женщины. Пётр Васильевич стоял у окна, ровный и печальный, как крошечный солдатик в детстве Георгия.

Два эти человека были так близки Рождественскому, что он едва не задохнулся в их горе.

– Хорошо, что ты приехал.

Валентина Игнатьевна повернулась. На её лице была крошечная пустота и страх, от которого сглотнул бы любой Супермен.

– Что он опять натворил?

– На этот раз... – она вздохнула. – На этот раз это слишком. Ему придётся отвечать за свои поступки, Гоша. Мы с

Петром Васильевичем решили вызвать полицию. Ждали тебя, чтобы убедиться в правильности своего решения.

Рождественский вопросительно посмотрел на свою тётю, он ждал подробного описания. Наркотики, драки, пьянство. Чем на этот раз Игорь их всех опозорил? Разбил очередную машину? Подсознание говорило, всё не так просто. То, что случилось, поставило крест на остатках совести Рождественского.

– Он постоянно говорил про Леру, помнишь? Девушка с факультета журналистики, похожая на Эдит Пиаф, – Гоша кивнул. – Она так и не отреагировала на его ухаживания. Сказала, что он слишком ветренный.

– И?

– И он привёз её к нам домой, чтобы уговорить.

– Да опомнись ты, чёрт бы тебя побрал! – закричал Пётр Васильевич, резко повернувшись в своих неуместно пушистых тапочках. – Твой драгоценный сыночек похитил девушку! Похитил, понимаешь? Связал и приволок в свой дом, потому что она не захотела с ним трахаться!

– Замолчи!

Валентина Игнатьевна закрыла лицо рукой, вино в её бокале пятнами отпечаталось на молочной юбке. Конечно, для её такой нежной и благородной натуры выходка сына оказалась слишком. Он и раньше умудрялся отличаться от родителей. Не интересовался семейным делом, не любил культуру, плевал на семейные связи. Именно так и происходит, ко-

гда у детей слишком много пряников и слишком мало кнуртов. Два духовных и мягких человека, выросшие в строгости и рамках, наивно полагали, что их сын получит то, чего сами они были лишены, что он вырастет счастливым. Но как говорят, пустая голова – мастерская дьявола.

– Я всё улажу, – Гоша аккуратно дотронулся до плеча Валентины Игнатьевны. – Я сам всё улажу. Поезжайте куда-нибудь подальше.

– Я останусь здесь, – приглушённо отозвался Пётр Васильевич. – Я буду сам давать показания против этого подлеца. Ему ничего не сойдёт с рук. Больше не сойдёт. Хватит.

– Я понимаю, – Гоша развернулся к нему. – Но вы же мне доверяете? Нельзя просто так взять и разрушить всё, что у нас есть. Мы ведь семья, а значит поступки одного влияют на других.

– Вот именно. Но ему нет дела.

– А нам есть, – он перемялся с ноги на ногу. – Вы же знаете, что если пресса получит шанс, от нас не отстанут. Его посадят, а ваши конкуренты как стервятники набросятся на упавшие акции. Мне всё ещё нечем вас поддержать финансово. А это значит, что придётся менять привычки и способность прямо смотреть в лицо людям. Кому от этого будет лучше? Игорь вернётся ещё более озлобленным.

– Что ты предлагаешь?

– Дайте мне самому разобраться, а вы просто уезжайте.

А дальше было напуганное лицо девушки в кабинете Пет-

ра Васильевича. Она поджимала ноги под себя и бросала беспокойные взгляды на охранника. Рождественский отчётливо помнил синяки на её теле и загнанное чувство, которое всего на секунду передалось ему. Долгий, упорный разговор, полный сочувствующих фраз, предложениях о компенсации и лёгких намёков на отсутствие реальной возможности наказания для Игоря. Она бы согласилась на что угодно, лишь бы её отпустили домой, но Рождественский объявил при ней слежку, чтобы на всякий случай избежать возможных попыток обращения в полицию.

Потом он увидел Игоря. Он сидел с охранником в своей комнате. Одинокий, разломленный с покрасневшими от слёз безумными глазами. В этих четырёх стенах было столько отчаяния, столько боли, что Рождественский автоматически опустился на колени и обнял брата.

– Я здесь. Всё хорошо.

– Брат...

– Я здесь. Всё будет хорошо. Я всё улажу.

– Что же я такое наделал...

– Ничего, мы всё исправим.

– Брат...

Он открыл глаза и посмотрел на заснеженную дорогу. Что ещё он был готов сделать ради честного имени своей семьи? Как ещё мог защитить её? Георгий Иванович завёл мотор и выехал с обочины.

Кровь объединяет людей особенной ниткой, непонятной

и необъяснимой. Всему виной ушедшее. Детство, когда вы были ещё чисты и наивны, юность, когда вы становились личностью. Семья – это первое и последнее утешение любого беспокойного сердца. Это приют, где тебя ждут, чтобы принять, каким бы чудовищем ты не был. Рождественский знал это, понимал это. Поэтому он готов был спасти своего брата любыми путями, ненавидеть и любить его, но никогда не разрывать эту кровную нить.

Глава 17.

Я проснулась от волнующего чувства предстоящего путешествия. Сказать по правде, эта ночь была практически бессонной. Первое большое путешествие и сразу Италия! Подумать только.

Сопровождение в виде босса, который был мало того, что свободен, так ещё и хорош собой, навевало на меня романтические посылы. А вдруг? С этой фразы начиналось большинство моих проблем. Но если не пробовать, то зачем вообще жить?

Я упаковала чемодан задолго до нужной даты. Так что утром надела заготовленный образ в стиле casual, чтобы не выглядеть слишком нарядно. В Италии зима обещала быть по-настоящему европейской с лёгким минусом и отсутствием дорогих мне сугробов. Это же всего на 2 недели. Две волшебные недели.

В аэропорт я приехала на Аэроэкспрессе, как и положено рядовому сотруднику. Из-за врождённого чувства пунктуальности до моего рейса ещё было слишком много времени. Я прошлась по ресторанчикам, вспомнив, что не позавтракала. Желудок призывно урчал.

Мак оказался совсем рядом, так что у меня не было сомнений в выборе. Я взяла тост с сыром и ветчиной, шоколадный пончик и капучино, расположилась за небольшим сто-

ликом в самом углу и достала заготовленную книжку. И всё складывалось совершенно идеально.

Тайные воды нового романа про ужасающие убийства мне были необходимы для продумывания собственной работы. Так я оправдывала своё бесконечное чтение и отсутствие написанных мною страниц.

Можно ли вообще быть писателем на полставки? Не слишком ли много на себя берёт одна провинциалка в большом городе? Что, если не такая уж я и талантливая?

Если вспоминать историю любого успеха, рано или поздно карты складываются так, что ваша предназначение хватает вас за шкуру и тащить в нужном направлении. Может быть, матерясь, но это не точно. В любом случае, ожидать от себя полного погружения мне не приходилось. Я не могла уйти в творческий запой, потому что никто бы не смог позаботиться о моём быте, и я это знала. Ела ли я? Есть ли на что есть? Оплачена ли аренда? Где взять эту самую плату? А что там по поводу собственного жилья? О, да. Я могу долго продолжать чудесный список насущных вопросов, который заставляет меня постоянно оборачиваться. И при этом я умудряюсь писать хоть что-то.

Есть люди, которые ждут идеальных обстоятельств. “Заведу детей, когда будет свой загородный дом и доход от 300 тысяч в месяц”, “начну с кем-нибудь встречаться, когда будет возможность ухаживать так, как я этого хочу”, “обновлю гардероб, когда похудению”. А тем временем проходит дра-

гоценное время жизни, которое уже никогда не вернется, и что хуже всего, которое неизвестно, когда закончится. Поймите правильно, я не призываю к схеме “здесь и сейчас”. Но есть та грань, совсем тоненькая, где убедительные доводы перерастают в бесконечные отговорки и мечты об идеальных обстоятельствах, которые могут и не сбыться. Каждый сам выбирает, когда любоваться штилем, а когда браться за вёсла. Я предпочитаю быть писателем на полставки, зато прямо сейчас.

– И снова здравствуйте.

Хрипловатый голос Георгия Ивановича выбил меня из рассуждений. Он застал меня, поедавшей фастфуд. Не лучшее начало романтического путешествия.

Рождественский смерил меня оценивающим взглядом и безразлично отвернулся. Я так и не поняла, что он подумал обо всём этом.

– Бессонная ночь? – под его яркими глазами залегли лёгкие знаки недосыпа. Это добавляло его образу какую-то парижскую романтичность в черно-белом цвете.

– Да, – он глотнул кофе из стакана со знаменитой женщиной. Пристрастия наши отличались существенно. – Ты рано.

– Вы тоже.

– Мы кажется договорились на счёт “вы” вне работы.

Не передать, как я обрадовалась, что он про это помнит.

– Но у нас тут вроде как рабочая командировка.

Мне хотелось продолжить разговор о чём угодно, но его

отстранённые глаза бегали по прохожим, поедающим картошку фри на завтрак.

– Никогда не понимал, как люди могут пихать в себя такую еду.

– Это вкусно, – я откусила свой пончик и запила кофе. Это и правда было очень вкусно.

– Это неуважение к собственному телу.

– Я думаю, что не всегда нужно так жёстко очерчивать границы.

– Я вижу, что ты думаешь.

Он кивнул в сторону остатков еды на моём столе. Любому терпению существует предел. В конце концов, нельзя лезть ко мне в душу, а потом сидеть вот, с высока рассуждая о тех, кто не повёрнут на ЗОЖе.

Я поставила на поднос остатки еды, встала и пересела за другой стол. Сובлазн посмотреть остался ли он на месте был велик, но гордость велела мне отвернуться. Как только стало возможно, я пошла в зону посадки.

Судя по всему, Рождественский летел бизнес-классом или каким-то другим классом. Я сидела прижатая к окну неприятным дядькой, который всю дорогу сыпал себе на брюхо крошки от чипсов. Не помогли ни наушники, ни прекрасная стюардесса с куда более прекрасным перекусом. Моё настроение всегда падало так же резко, как и поднималось. За один разговор я забыла, что за счёт компании лечу в страну мечты, что буду причастна к нескольким статусным мероприятиям,

что всё ещё остаюсь девушкой с волшебной криминальной книжкой в руках.

Как бы не пыталась я уверить себя в несправедливости своей печали, она вцепилась в меня так крепко, что я еле дышала. А по прилёту на выходе в аэропорту Рима наткнулась на начальника, который видимо поджидал меня.

– Сначала мы поедem во Флоренцию, на поезде. Тебе будет удобнее со мной, итальянцы принципиально не говорят на английском. А я знаю итальянский немного.

– Я тоже.

Он удивлённо приподнял брови. Конечно, пара фильмов в оригинале и месячные курсы по углублённому изучению сложно отнести даже к “немного”, тем более это было так давно, что страшно вспомнить. Однако проигрывать ему в совершенстве было ещё хуже. Если он решил испортить мне первую командировку, то пусть горит в аду, я не дам ему такой возможности.

И всё же я последовала за ним. Чужой город, чужой язык. Но Боже мой, какая яркая, какая эмоциональная эта страна! Каждый уголок, каждый человек просто кишел жизне-радостью и наслаждением. Они будто создана для того, чтобы ценить. Такой контраст с моей суровой державой заставил меня забыть о разговоре в маке, я улыбалась.

– Читаешь всякие кровавые истории? – Георгий Иванович отвлёк меня. Я рассчитывала на молчаливую поездку в поезде.

– Да.

Вот теперь наш разговор затух, и я уткнул в свои страницы, главный следователь как раз разговаривал с патологоанатомом.

– Обиделась на меня из-за правды. Типичное женское поведение. Вы хотите, чтобы с вами были честны, но не до конца. А где эта грань – ищи сам.

Я заложила страницу пальцем и внимательно посмотрела на молодого человека прямо перед собой. Готова поклясться, он чувствовал себя виноватым, даже если слегка, но признать в этом сил не хватало. Я думала, стоит ли дать шанс его переменчивому настроению и заговорить.

– Правда и грубость – не одно и то же, – начала я. – Например, я могу сказать вам, что такому эго позавидовал бы сам Наполеон. А ведь сравнивать вас как минимум глупо, – естественно, такой великолепный полководец и обычный делец. – Масштабы разные. А могу сказать, что вам следует иногда ставить себя на место простых смертных, прежде чем делиться своими позициями. Вы ведь не последняя инстанция, правда?

– Дипломатом тебе не быть. И так, и так звучит скверно.

– Не смогла сдержаться, уж извините.

Пожилая пара сбоку от наших кресел захихикала, видимо, приняли нас за влюблённых. Скажу честно, я была совершенно не против итальянского романа.

– У меня развивается аллергия на перемены в вашем на-

строении.

– К сожалению, – он положил ладонь на ладонь как это делают все английские аристократы в фильмах. – Таков мой характер. Переменчивый. Я стараюсь как могу сдерживать перепады своих настроений и намерений, но не всегда выходит. Это не имеет к тебе никакого отношения. Меня может разозлить прохожий, курящий не смотря по сторонам, наглый ребёнок или валяющийся бомж.

– Какое вам дело до окружающих?

– Тебе.

– Тебе, – я достала из рюкзака бутылку воды и отпила несколько глотков.

– Нам всем есть дело. А если кто-то будет уверять тебя, что это не так, то знай, что его пофигизм – это блок от слишком сильной концентрации на внешнем мире. Мы всегда стараемся маскировать по-настоящему больные места.

– Не все.

– Все.

Поезд остановился на станции, мы переглянулись. Даже не знаю, злила меня его самоуверенность или привлекала. Скорее всего и то, и другое.

– Даже когда кому-то кажется, что он откровенен, – Рождественский опустилс чуть ниже, будто собирался рассказать мне самую страшную тайну. – Он лжёт.

– То есть все мы обманщики?

– Естественно, – он откинулся на комфортабельное крес-

ло, отчего его лицо стало выглядеть ещё более симметричным. – Чаще всего жертва этого обмана – ты сам. Не признавая в себе истинную натуру, глубокую суть, мы считаем маску своим настоящим я. Отчего и происходят все проблемы.

– То есть ты сейчас пропагандируешь девиз нашего тысячелетия “будь собой”? Это не оригинально.

– Не совсем, – он блеснул своими яркими глазами и улыбнулся. Какие же театральные паузы. Наверное, он проходил курсы ораторского мастерства. – Нынешнее понимание личности есть “чем чуднее, тем моднее”. Я весь такой необычный, я не такой как другие, я личность. Хотя, по сути, многие из нас схожи и в этом нет ничего плохого. Одно и то же блюдо по одному и тому же рецепту готовят по-разному. Понимаешь, о чём я?

– Никто не понимает себя настоящего?

– Пока есть такие как я, понимают.

Рождественский приготовил своё пальто и сумку, мы должны были выйти через пару минут. Я в своей смешной шапке рядом с ним выглядела ребёнком, неуместным. Но меня это мало волновало.

Флоренция оказалась такой же прекрасной, как я её представляла. Величественная, старая, культурная. Она смотрела на меня не с высоты своей красоты, но с благородным величием. Люди вокруг улыбались, болтали, спорили. Но всё это было каким-то семейным.

Мы прошли по узкой каменной дорожке минут 5. Рожде-

стенский поставил наши чемоданы и вошёл в кафе рядом с подъездом. Хорошо, что я не ношу всех этих шпилек.

– Идём.

Оказывается, во Флоренции нет лифтов. По крайней мере в этом старом доме его не было. Я возмущилась в душе, потому что наша цель была на 4 этаже. Но не русском 4, а настоящем промышленном 4. Я старалась как могла не поддаваться отдышке, потому что Рождественский с 2 чемоданами двигался куда легче, чем я с одной сумкой.

– А вот и она!

Когда мы вошли внутрь, я слегка опешила. Отель – вот, чего я ожидала. Со своим душем, со своим (что не мало важно) туалетом. А он снял квартиру с двумя комнатами, у которых есть общая стена. Вот же жлобьяра. Надеюсь, он понимает про себя эту истину.

– Я беру ту комнату.

Схватив свой фиолетовый чемодан, я поползла в сторону заветной двери. Ванная была рядом, что давало мне существенные преимущества как перед сном, так и перед завтраком. Теперь придётся всегда выглядеть прилично. Отстой.

Разбор моего скромного гардероба занял минут 15. Я услышала, как Рождественский вышел из душа и дождалась хлопка двери вдалеке, чтобы самой проделать ту же процедуру.

Одеваться в ванной – это сомнительное удовольствие, но, если ты живёшь с малознакомым мужчиной, такое неиз-

бежно. Но помимо такой весомой причины, была и другая: в Италии забыли про отопление. То есть, конечно, на улице было очень пристойно, но в доме невозможно снять свитер. Я, разнеженная московским ЖКХ, съёжилась после горячего пара ванной и пробежала к себе.

Рождественский уже сидел там на стуле, ожидая.

– Вообще-то, в чужую комнату без стука не заходят, а без хозяина тем более.

– Боишься, что я украду какую-нибудь старомодную юбку? – он улыбнулся, поправляя свой прекрасный костюм.

– Вполне возможно.

Я повесила полотенце на вешалку в надежде, что оно высохнет до вечернего умывания. Через окно едва перебивался свет, я жутко хотела есть.

– Завтра утром у нас деловой завтрак. Поешь дома.

– Логично.

– Не хотелось бы, чтобы ты жевала блинчики. Мне нужна концепция в презентации.

– Тогда я пошла за вдохновением. Если украдёте что-то, я знаю, где вы работаете.

– Ты!

Я взяла сумку и пальто, на улице было достаточно тепло, чтобы оставить шапку и шарф дома. Я была в Италии и не собиралась терять время на колкие разговоры с начальником, пусть даже симпатичном.

Прямо у собора меня накрыла восхитительная волна цер-

ковного пения, я была в самом сердце старинного города, месте становления Данте. Пока меня кружило очарование атмосферы, хитрые продавцы умудрились впихнуть мне шаль, перчатки и хот-дог. Сейчас, когда я пишу эту историю по памяти, я не жалею ни об одном приобретении. Но тогда я очнулась где-то на вымощенных улицах с пакетом в руках и заметно облегчёнными карманами. Как узнать, где ты находишься, если язык любви для тебя знаком только из песен Челентано, а английская речь грозит кровавым избиением протухших помидор.

Я осмотрелась. Размеренность окружения пугала, но вот мужчина в годах с шарфиком на манер “я творческая личность, идите к чёрту”, показался мне очень даже располагающим. Надев свою лучшую улыбку, я не дала ему шансов на побег, перегородив дорогу. Он смотрел на меня вальяжно и потерянно, по-доброму. Седоватые кудри, уложенные назад, покачивались от каждого движения. Я попыталась объяснить свою ситуацию по-английски с примесью итальянского, точнее тем, что я считала итальянским.

К моему удивлению, он заботливо кивнул и приобнял меня за плечи. “Маньяк, не иначе,” – подумала я.

Не уверена, что русский человек может привыкнуть к такой открытости, к свободе прикосновений. По крайней мере, не я. Но дяденька проводил меня до самого дома, хорошо, что я отметила нужное место на туристической карте перед тем, как выйти. Мой мобильный интернет ещё никогда не

поступал так гадко.

Сказать честно, я стояла на этаже под дверью, чтобы избавиться от чёртовой отдышки. А потом грациозно ворвалась в пустую прихожую, разочарованная собственной наивностью. Как бы там ни было, мне всё ещё казалось, что Георгий Иванович мог бы мной заинтересоваться. Я примерила его фамилию, и она мне очень даже подошла! Я рисовала себя в его шикарной квартире или доме, где мы были на Новый год. Продумывала реакцию на негатив Игоря, лёгкое снисхождение счастливой женщины. Представляла, каким он будет заботливым отцом и нежным мужем. Я распланировала всю нашу жизнь, включая безумные старческие поступки (девочки меня поймут).

Но во всех рюшах своего воздушного замка я забыла про опыт. Да, да, тот самый пресловутый опыт, который показал мне через Артура, что всё может быть совсем иначе, чем мне казалось.

Флорентийская квартира была безлюдна, Рождественский покинул наш маленький мирок, оставив на моей двери записку, что завтра утром нас ждёт деловое совещание. Пресно настолько, что я почти потянулась за солью.

Перед сном я задумалась, что бы было, если бы я никогда не переехала в Москву. Не увидела бы как можно жить широко, располагала бы лишь своими маленькими мечтами. Была бы довольна браком с соседом, чьё фамильное древо известно всей округе. Обустроивала бы квартиру бабуш-

ки в панельном доме на козырном втором этаже. Рожала бы детей, пока муж строит дом. Ездила бы на шашлычки под водочку к друзьям в гараж, танцевала бы под песню “Да, я мать, и я умею танцевать”. Сажала бы клубнику на участке под чутким маминым руководством. Ездила бы в областной центр как на праздник. И что, собственно, плохого в простой тихой жизни?

Холод итальянской зимы заставил меня впервые в жизни лечь спать в тёплых носках, по уши в одеяле. Буду ли я собой без выдуманных историй в голове и чудаковатых задумок? Конечно, нет. Писатель я или как? Я вполне могла бы погибнуть под завалами своих воздушных замков когда-нибудь, но смогла ли бы я выжить без них уже сейчас?

Рождественский вошёл в грязный отель. Мимо него косо проходили африканцы наглого вида и кроткие китайские рабочие. Комната №4 располагалась в самом конце грубого коридора, но помощник был уверен в информации от службы безопасности.

Он обернул руку салфеткой и аккуратно постучал изгибом пальца. За дверью послышался шорох, свет из-под двери затмил некто. Он повторил действие.

– Who is it?² – послышался нервный смешок.

– Какой же ты всё-таки debil, – вздохнул Рождественский. – Открой дверь!

Секундная заминка, но Георгий терпеть не мог ждать. Вот и ужасающий скрип, и Игорь с обезумевшими глазами. Как же он ему надоел.

Рождественский вошёл в комнату, но сесть куда-то было пощёчиной его дорогому костюму. Он легко прошёл к чемодану и пнул его ногой. Не велика ноша.

– Мы, кажется, всё уже обсудили. Оставь её в покое.

– Да что ты знаешь, – Игорь двигался быстро, как наркоман в ожидании дозы. – Я её люблю. Я на ней женюсь. Она та самая, честно. Это не тоже самое...

– Игорь! – Рождественский закатил глаза. – Я её трахаю. Часто и жёстко. Так что успокойся и займись чем-то полезным.

– Ты мне врёшь, – он резко сел на кровать и начал заламывать руки. – Ты мне врёшь. Всегда врёшь, как в детстве.

– Ох, братец, – он хотел положить ладонь на его голову, но опомнился. – Ты же знаешь, как мне нравились твои игрушки, – он замолчал, а потом продолжил. – Я буду трахать каждую твою девушку, понятно? Сначала исправь голову, а потом подкатывай к кому-то! Ты позоришь семью!

– Ты мне врёшь...

– Послушай, шутки кончились. Если ты сейчас же не

² Кто это? (перевод с английского)

уедешь и не возобновишь терапию, я помещу тебя в психушку. А там ведь совсем не сладко, правда?

– Ты не сможешь...

– Ты прекрасно знаешь, что у меня есть солидные доводы для мед экспертизы. Не надо меня злить, – он пошёл в сторону двери, но всё-таки обернулся. Игорь выглядел жалким, как в худшие свои времена. – Я даю тебе два часа. Если охрана не скажет, что ты выехал из страны, поверь мне, я мешкать не стану.

– Мне тоже есть что рассказать. Ты далёко не идеал.

– Да. Но я никогда не следил.

Рождественский вышел на улицу и вдохнул полной грудью. Злость от того, что брат и правда кое-что знал, переполняла его. Этот дурак считает себя очень наблюдательным, но это лишь желудь, дерево надёжно спрятано.

Чтобы избавиться от стресса, Георгий направился по тёмным кварталам Флоренции со своим портфелем. *Buonanotte!*³

³ Спокойной ночи! (перевод с итальянского)

Глава 18.

Тёплое утро нового дня застало меня в полном обмундировании в кровати. Я не слышала, как пришёл Рождественский, но наткнулась на его спокойное лицо на кухне. Кажется, он был абсолютно счастлив.

– Доброе утро, – он улыбнулся и пригласил меня присесть жестом.

– Доброе, – я прошла к холодильнику в поисках вчерашней покупки в виде панини с ветчиной и молока.

– Я уже подогрел его на сковороде. Кофе тоже готов. Ты же пьёшь без сахара с молоком?

Моё удивление отпечаталось на лице, но я старалась избавиться от него.

– Тебя не учили говорить спасибо?

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Он растянулся в улыбке и погрузился в свой планшет. “Бизнес сегодня” – логотип в углу электронной страницы. Я не читала за завтраком и ни о чём не думала. Мой мозг релаксировал перед активной деятельностью, перечисляя вслух предметы вокруг. Холодильник, чайник, плита, сковорода, тарелка, вилка, нож, чашка.

Как только я доела и помыла за собой посуду, я вернулась в комнату, чтобы подобрать подходящий деловой образ.

Честно говоря, соседство с начальником скорее раздражало меня, чем радовало. Малоознакомый мужчина доставлял просто кучу дискомфорта, включая невозможность выхода без лифчика на завтрак.

Мы встретились второй раз в прихожей, если можно так назвать место у входной двери почти в самой кухне. Он выглядел элегантно и уверено, я старалась быть под стать. Не знаю, оценил ли он мой деловой брючный костюм бирюзового цвета. Не знаю, было ли это так уж важно.

Флоренция оказалось достаточно ветреной, так что моё пальто и шарф хорошо прикрывали то, что должно оставаться в тепле. Мы не брали такси, пешком прошли мимо палаццо Медичи.

Встреча была назначена в ресторане на одной из крошечных улиц. У меня складывалось впечатление, что итальянцы едят постоянно. Аперитивы, аперитивы. Вот и сейчас, как только мы сели перед нами поставили набор из орехов, оливков и чего-то ещё. Как только им удавалось оставаться при этом такими пролезающими в двери.

Наши компаньоны пришли через пару минут, и мы поднялись, чтобы поприветствовать их. Русские снаружи, но давно итальянцы внутри. Двое симпатичных мужчин тут же заказали бутылку сухого вина и панини. Все вокруг то и дело ели панини.

– Итак, – кажется, я единственная старалась вывести разговор к делу. Мужчины попивали вино, шутили и много же-

стикулировали. Мой начальник оказался их давним знакомым, так что обсуждение новостей заняло достаточно времени. – Я бы хотела поговорить о планируемых мероприятиях, если вы не против.

– А она львица, Гоша! Настоящая львица! – мужчина светился улыбкой и подталкивал локтем своего друга. Я тоже не хмурилась, атмосфера за столом была расслабленной. – Значит так.

Он пустился в долгие разъяснения, что было не интересно никому, кроме меня. Ведь именно я собиралась заняться организацией. Рождественский попивал вино и не задавал вопросов, как отец, который со снисхождением смотрит на первую игру в футбол сына.

Ничего особенно трудного в их мыслях я не нашла. Более того, мне показалась ужасно скучной и устаревшей задумка с пряниками и самоварами. Как-то пора шагнуть вперёд не только на словах, но и на деле. Я попросила развязать мне руки и попробовать повольничать. Одно мероприятие во Флоренции, одно в Риме. Мало времени и никого знакомого.

Меня предупредили, что итальянцы отличаются от русских, работать с ними иногда легче, иногда сложнее, но уж точно по-другому. Тоже мне открытие.

На выходе мне поцеловали руку дважды, я отошла, чтобы они могли переговорить между собой. Концепция нужна уже завтра вместе с предварительной сметой, а в моей голове летали пропасти. Что же можно придумать достаточно класси-

ческого и умеренно необычного?

– Ты им приглянулась, но в следующий раз позволь клиентам не говорить о деле до тех пор, пока они сами этого не захотят.

– Тогда мне бы пришлось встретить пенсию за тем столом, – он улыбнулся и чуть заметно отодвинул от траектории прохожего. – Не знаю даже с чего начать.

– С вдохновения, полагаю. Нас пригласили в театр вечером, так что приготовь максимально элегантно платье.

– Что?! – я остановилась. – Вы представляете сколько времени занимает расчёт сметы с нуля, учитывая, что я понятия не имею о местных ценах, языка не знаю, и у меня совершенно нет подходящих идей.

– И при этом ты откинула самовары? Логично, – он двинулся вперёд, отчего края его не застёгнутого пальто подхватил ветер. – Тебе дадут в помощника Лоренцо, хороший парень. Будет у нас к обеду. Если хочешь подружиться с ним, приготовь что-нибудь съедобное.

Он дал мне карту и сказал, что это рабочие расходы, личные деньги тратить ни к чему. Я вполне себе была согласна. Но теперь к проблемам мероприятия добавилась организация обеда.

Честно говоря, я любила готовить пасту, но явно не для итальянской части мира. Однако чувство собственного достоинства заставило меня плюнуть на все страхи и делать своё дело, причём уверенно. Я не стала извращаться в новых

рецептах и, освежив в памяти рецепт, начала приготовление классической пасты карбонара.

Под музыку в телефоне этот процесс приобрёл очертания уюта несмотря на то, что кухня итальянской квартиры в своём бетоне и холоде, больше напоминала склеп.

К обеду было готова всё, включая меня. Я в джинсах и свитере готова была встретить своего помощника с распротёртыми объятиями. Лоренцо опоздал на полчаса, но явился с цветами и бутылкой вина, что вовсе не стало удивлением: я уже заметила, что вино в этой стране не подчиняется времени. Это был кудрявый молодой человек с рассеянным взглядом, удивительно ухоженный и, как бы это сказать, цельный. Он говорил по-английски неуверенно. Я тоже.

После того, как мы сели за стол и выпили по бокалу, атмосфера неуклюжести нас покинула. Он похвалил мою пасту, но посоветовал воспользоваться в следующий раз другим сортом сыра, названия которого я не запомнила. Вино пьянило разум, но как-то по-другому. Оно дарило вдохновение и силы. К десерту я набросала концепцию. Сыроватую, но предметную, что поразило моего помощника до глубин сознания. Обычно для этого у них собирается целый креативный отдел. Они долго пьют кофе и думают, думают, думают. Потом шумно спорят и активно жестикулируют. И вот после многочасового рассуждения рождается она, концепция. А тут я со своей пастой под неправильным сыром приняла решение после бокала вина. Меня распирала гордость, хотя

скажу вам откровенно, все эти комплименты и ухаживания для меня, привыкшей к сдержанности мужчин, были лишними, потому что вызывали стеснение.

Лоренцо записал всё, что я надиктовала по подрядчикам в свой блокнот. Ещё раз поблагодарив за обед, он вышел из квартиры, поцеловав мне руку. Страна любви, страна надежды.

К вечернему выходу в свет мне нужно было платье. Конечно, я взяла с собой пару нарядов, но в этих античных пейзажах они все казались чересчур строгими. С учётом того, какое впечатление я уже произвела на клиентов, хотелось побыть куда более лёгкой особой, чем той, кем я была на самом деле.

Карта, которую дал мне Рождественский, тяготила мой кошелёк, я раздумывала, имею ли право, по совести, пользоваться такими бонусами. А почему, собственно, нет? За переработки мне никто не платил, моя зарплата явно не оплатила бы дизайнерский наряд, а впечатление хотелось произвести весомое. Нет, я не пошла в бутики Гуччи и Шанель. Я слонялась по старым улочкам Флоренции, между её крохотными магазинами с именованными вывесками. Мир, который так отличался от моего собственного, теперь был доступен. На витрине одного магазина показалось платье, которое заставило меня остановиться.

Я вошла внутрь, разбудив маленький звоночек. На встречу мне вышел мужчина с лентой сантиметра на шее и про-

стой улыбкой. Он заговорил скоро и эмоционально, но я на корявом итальянском отметила, что языком их не владею, хоть и хотела бы. Зато он немного владел русским.

Место, куда меня принесли ноги, было скорее пошивочной мастерской, готовых изделий там почти не было. Я рассказала про платье на витрине, и он обнял меня за талию с улыбкой. От неожиданного прикосновения я растерялась. Он подтолкнул меня к примерочной, а сам направился к манекену.

Есть то, что попадает к нам по велению судьбы, потому что всегда было нашим. Это было именно такое платье из бледно мерцающей винной ткани, которое легло на меня так ладно, что даже я не могла отрицать свою привлекательность. Стоило оно, кстати говоря, не многим дороже обычных масс-маркетов.

Рождественский не появился до самого времени отъезда. Он написал мне СМС в мессенджере. Сухо и по делу, машина ждала меня внизу. Галантно, наверное, но я надеялась, что он сам приедет за мной.

В своих лучших туфлях с дорогими духами на запястьях, я вышла из дома, откидывая на спину локоны. Страшно красивая, что отметил водитель такси, итальянец.

Театр Верди напомнил мне Большой театр. Я уже повидала красоты, поэтому к фасаду отнеслась спокойно. У входа Рождественский активно разговаривал с клиентами, я была уверена, что произведу впечатление, но он только сухо по-

здоровался. Зато итальянская часть рассыпалась в похвалах к моему платью, причёске, макияжу. Я смутилась, но старалась оставаться спокойной. Наверное, поэтому, потом они скажут, что я холодная как северная рыба.

Внутреннее убранство мало чем отличалось от стандартного бархата театра. Я, разочарованная встречей с начальником, плелась сзади, мутно смотря по сторонам. Простота в нарядах женщин, практически отсутствует макияж. Элегантные мужчины с тщательно подобранными часами и очками.

Наши места в партере, меня пропустили первую. Георгий Иванович сел с другой стороны, между нами были двое мужчин, что почти угробило всё моё представление о вечере. Но представление! Какое это было представление! Веселое, смешное, колоритное! Я не поняла почти ничего, но мне было так хорошо, что я совершенно забыла о делах и планах.

После спектакля мы отправились ужинать в небольшой ресторанчик по соседству. С меня ещё раз сняли пальто и отодвинули стул, но почему-то все эти знаки вежливости начали мне надоедать. Я заказала салат с курицей, мои спутники что-то с морскими гадами. Ну и вино, естественно. Дневное опьянение покинуло меня слишком давно, я уже была готова к новым свершениям.

– Итак, – сказал один из клиентов. – Думаю нашей даме не терпится поговорить о делах, – они переглянулись и улыбнулись. – Как прошла встреча с Лоренцо?

– Мы нашли общий язык, – я оставила след от помады на

бокале и благодарна кивнула официанту за салат. – Я думаю, что в Италии никуда без карнавала. Да, это русское мероприятие, но всё же не стоит забывать, где мы. Я предлагаю вам следующую концепцию.

И посыпались детали. Рождественский безучастно смотрел на нас, зато клиенты улыбались во все 32. Цифры, расчеты, аналитика. Сама не знаю, зачем так углубилась в процесс, но мне действительно хотелось обрисовать картину максимально полно. Как только я закончила, они одобрительно закивали. Это было полное попадание.

Больше мы не говорили о делах, мы обсуждали весь остальной мир. Я изредка поглядывала на молчаливого начальника и думала, что же такого произошло, что из светского льва он превратился в тихушного котика.

Мы расстались у дверей ресторана, Рождественский вызвал такси.

– Что-то случилось? – вдвоём посреди старинного города, красивые и одинокие. Мне хотелось стать ближе.

– А? – он рассеяно осмотрелся, будто только что заметил меня.

– Я спросила, что случилось. Вы сам не свой.

– Всё нормально.

Мы сели в машину и молчали до самого дома. Я чувствовала неловкость и какую-то тяжесть в каждом движении.

– Завтра я лечу в Москву.

– Что? – от удивления я почти выронила ключи. – Надол-

го?

Он не ответил и быстро закрылся у себя в комнате. Я провела всю ночь, думая, чем заслужила такую холодность и такое безразличие. Я остаюсь одна при подготовке своего первого международного мероприятия. Более того, все мои романтические надежды разбились о его отъезд. Наивно было предполагать, что он испытывает ко мне какие-то чувства.

Рождественский собирал чемодан в мыслях об Игоре. Его брат, его враг. Как он мог допустить его самоубийство? Как мог не спасти его?

Это всё из-за детских экспериментов и юношеских свидетельств. Не нужно было втягивать его в свои игры, в свою вторую жизнь. Если бы только он мог... Ах, какое скотское чувство!

Георгий сел на край кровати и закрыл лицо руками. Игоря больше нет, и это целиком его вина. Надо было лучше шифроваться, надо было не выпускать его из психушки. Все эти стеклянные шарики чужих жизней и хотелок так легко падают и разбиваются, их невозможно удержать вместе в воздухе.

Он так и не осмелился на звонок домой, пусть не он будет гонцом со страшной новостью. Пусть этим занимаются те, кому платят за это.

“Ты зря печалишься, Гоша, – появился внутри его голос. –

Теперь ты получил то, что хотел. Ты единственный и неповторимый, лучший сын.” Он отпирался, смерть Игоря – не повод радоваться. “Ой да ладно! Расскажи об этом кому-нибудь ещё! Не ты ли привязал его к дереву в лесу, когда ему было 5 и оставил там одного на несколько часов?” Нет, это детство. Все дети жестокие. Он любил брата и желал ему добра, иначе бы не выпутывал его из разных историй. “Гоша Наивнов, не иначе. Знаешь, мы тут одни и врать мне совсем уж глупость. Ты им манипулировал и тебе нравилось быть хорошим на фоне его грехопадения. Которое ты сам спровоцировал, кстати.”

– Заткнись!

Он вскочил на ноги и заходил по комнате. “Ты посмотри, какие мы нежные, – голос смеялся. – Возьми уже себя в руки, разбудишь девку, и она поймёт, что ты сумасшедший.”

Рождественский остановился и вышел из комнаты. Всё тихо, она спала. Надо разобраться со всем, просто пережить все эти обряды. Может, продать компанию. Вся эта организация мероприятий слишком скучна и мелка. На бирже ему всегда было приятнее. “Я тут подумал, – воспрял голос. – Может, нам поиграть с этой маленькой начальницей? Уж больно забавная штучка.”

Нет уж, никаких игр. Больше никаких игр. Он будет вести себя иначе. Теперь, когда Игоря нет, ему надо измениться. Он может причинить вред ещё кому-то.

Резкая головная боль заставила его рухнуть на колени,

он обхватил шею руками. Какая мука! “Мы же прошли эту стадию, не надо меня раздражать.” Конечно, нет. Всё, всё. Боль понемногу отступала. Рождественский поднялся, уложил остаток вещей и еле слышно закрыл комнату. В прихожей он уступил соблазну и подошёл к её комнате. Слава Богу, дверь закрыта.

Он вышел на пустую улицу, где его ждало такси. Компанию надо продать и заняться чем-то ещё. Он поиграет в Москве, где-нибудь в чаще леса и получит отсрочку ещё на какое-то время. Всё будет хорошо.

Глава 19.

Можно продумать 100 вариантов развития событий и так и не наткнуться на правду. Я осталась одна в чужом городе холодной зимой с известием о свадьбе Артура в августе. Не знаю, сколько можно удивляться очевидностям, но я сделала это опять. Хоть теперь он и не был такой огромной частью моей жизнью, он ею был. И я всё ещё верила, что судьба не допустит такого исхода. Хоть и не признавалась в этом.

Лоренцо оказался мастером слов, но не дела. Все обязанности, которые я надеялась разделить с ним, рушались мне на голову. Я договаривались с кейтерингом, а потом оказывалось, что их ценники куда выше оговоренных. Я заказывала маски для гостей, а они привозили образец из картона. Это раздражало меня, как и бесконечно улыбающиеся люди.

В день мероприятия я надела самое неприметное платье, чёрное как мои мысли о себе и своей жизни, напялила пошлую кружевную маску и приехала на площадку намного раньше дозволенного. Пришлось ждать сторожа, который не собирался начинать работать раньше срока даже в связи с крупным событием.

Я купила кофе, с неудовольствием ответила его вкусность, но лавандовый сироп оказался в дефиците в этой стране. Мне хотелось спрятаться от всех своих проблем в одном из кафе, поедая пиццу, стать просто туристкой. Но чувство от-

ветственности вернуло меня к воротам банкетного зала.

Сторожем оказался молодой парень, явно с попойки, неприятно счастливый и вальяжный. Я не стала тратить запас своей дипломатии на него и вошла внутрь. Подрядчики должны были приехать через час, а до этого времени у меня была возможность как следует всё осмотреть и подумать.

Молодая девушка застала меня в самых глубинных рассуждениях. Как долго она стояла тут, рассеяно глядя на мои босые ноги? Я поднялась, поздоровалась и сразу же приступила к напоминанию о их обязанностях. А она протянула мне тарталетку с ягодами. И этот жест был таким добрым, что мне стало совершенно стыдно за злобную позицию, избранную с утра.

К обеду мы закончили с подготовкой и оформлением, тогда же появился Лоренцо, вовремя готовый помочь. Так как в Италии гостей собирают в дневное время (видимо, поэтому они умудряются не толстеть), мы открыли двери к 14:00, во всеоружии, приветливые и довольные. К – клиентоориентированность.

Заказчики опоздали почти на час, но зато пришли уже в разгаре вечеринки, когда щёки гостей приобрели розовый оттенок. Они остались довольны и разошлись только после заката.

А уже следующим утром я поехала в Рим. Поездка на поезде оказалась не такой уж и скучной, потому что мне было что почитать и что подумать. Нет, я запретила себе думать об

Артуре, и даже моё сердце сдалось и не поднывало. В конце концов, если он так и не увидел во мне своего человека, значит я не его человек. Смирение тоже может дать новую надежду. И я её получила в виде плана на ближайший год.

Самое главное – мне нужен дом, настоящий дом. Не комната в коммуналке, а квартира, где я смогу выйти из ванной голой и пройти до самого шкафа. Я хочу почувствовать уют, хочу пить кофе в 2 часа ночи и слушать музыку так громко, как мне нравится.

Потом мне уже пора взяться за свою атлетическую форму. Ничего кардинального, но скинуть кг и подтянуть то, что осталось мне бы совершенно не помешало. Век диктует свои условия, как и возраст. Моя генетическая склонность рано или поздно приведет меня к ожирению, если за этим не взяться, пока масштаб катастрофы не такой уж большой, хоть и видимый.

Далее прокачиваем свои навыки. Учить языки – повышать зарплату. Мой английский далек от идеала, а сейчас без него никуда. Можно пройти какие-то писательские курсы или основы раскрутки бренда. Я же, в конце концов, обычный любитель, как и многие, который почему-то решил стать Толстым, никак не меньше.

Личная жизнь. Тут уж я никак не могу повлиять на события. Иногда люди влюбляются в супермаркете у картошки, а иногда во время работы над общим проектом. Я не исключаю никаких вариантов, однако все эти Лидины приложения

не дают мне никакой пользы. Кстати, я не писала 100 лет ни ей, ни Марине. Они мне тоже. Стоит больше времени уделять друзьям, чтобы потом не остаться на обочине жизни в полном одиночестве.

Поезд резко остановился, и я вышла на перрон. Люди не спешили, вели себя не по столичному спокойно. Это вам не Москва с её темпом и пульсацией в каждом жителе. Рим отдавал величественной неспешностью, поэтому я села в такси, так и не дождавшись автобуса.

Моя гостиница с тремя звездами оказалась куда шикарнее, чем мне представлялось, и я была рада, что теперь это не апартаменты. Ко мне постучали, чтобы сказать, я все ещё успеваю на завтрак, включённый в моё проживание. Разве это не 9 чудо света?

Ветчина, свежий хлеб и крепкий кофе – можно ли придумать лучшее приветствие? Так как встречу мне назначили на завтра, сегодня я решила просто насладиться своим путешествием, а заодно подумать над новой концепцией. Рождественский так и не написал мне ни слова, все данные присылала его новая секретарша, очевидно довольная своей важностью.

Если вы когда-нибудь окажетесь в Риме, запомните два слова: брусчатка и холмы. Этот непродуманный с моей стороны вопрос заставил меня трижды останавливаться на обратном пути в гостиницу (я же хотела занести купленные родным и себе подарки). В номере я тут же отправилась в

душ, переделалась в лёгкое платье и кроссы, готовая к новым приключениям. Погода позволяла ограничиться курткой, за что я мысленно говорила ей спасибо. Ещё никогда я не встречала такой зимы.

Спустившись снова до площади Испании, я нашла небольшое кафе и решила поужинать настоящей римской пищей. Когда ещё я такое себе позволю, Бог его знает. Деликатные официанты аккуратно поправили меня, в пицце нет мяса, только продукты из мяса. Колбаса – да, кусок баранины – нет. Я вспомнила пиццу “Мясной пир” с кусочками говядины, свинины и курицы в небольшом ресторанчике Москвы и улыбнулась. Знали бы вы, господа.

Решив, что хватит уже тосковать, я даже отважилась на поход в клуб. Но застала там только школьников и мужчин, напоминающих наркоторговцев, с женщинами, напоминавших жриц любви. Меня хватило на один коктейль, а в гостиницу я вернулась на такси.

Следующее утро, безусловно солнечное, встретило меня приятными бликами на лице. Я спустилась в столовую и очаровалась присутствующими. Почти все – пожилые пары с милыми тихими разговорами и трогательной заботой друг о друге.

Медленные завтраки – огромная редкость для жителя мегаполиса, так что я наслаждалась.

Если бы кто-то сказал мне, что моим римским заказчиком окажется невероятно красивый брюнет с такими ясными

глазами, что становилось жутко, я бы прихватила туфли вместо кроссовок. Чтобы почувствовать себя неуютно достаточно припереться на встречу с человеком в костюме Armani в джинсах из самого человеческого магазина.

У него был приятный голос и хорошие манеры, что напомнило мне о Рождественском, а потом сразу же об Артуре, который скоро станет чужим мужем. Чёрт.

Оказывается, мероприятие во Флоренции получило хорошую оценку сообщества, и теперь я стала более известной и более желанной. Нет, это не “проснулась знаменитой”. Ну это уже на ступень выше.

Побеседовав за кофе, мы пришли к выводу, что лучшее решение – это бизнес-завтрак. Такой вид мероприятий только начал получать распространение на волне здорового питания и заботы о своей печени. Я бы и не подумала, предложить отказаться от вина в Италии, но раз заказчик сам предложил...

У меня была пара дней для выбора локации и кейтеринга. Приглашения и сбор гостей брונет взял на себя, шоу программы не требуется. Пожалуй, я и не рассчитывала так легко отделаться. Место нашло меня само, недалеко от хваленного Колизея. Уютный ресторан с прекрасной закрытой верандой, как раз под деловой завтрак сильнейших мира сего. Владельцы вышли ко мне без промедления и были такими простыми, что я почти час болтала с ними на полуанглийском, полуитальянском, полурусском.

Вот так моя работа была сделана и нужно было занять себя чем-то. Прозвучит нагло, но везде ты берёшь себя. В Москве или в Риме мне жутко не хватало мужчины рядом, человека, который поймёт меня, который разделить со мной будни. Да, красивый античный город и свободное время – прекрасный повод порадоваться. И я радовалась. Но зияющая пустота внутри, окружающая моё сознание всё чаще, сводила с ума и заставляла чувствовать себя без важной части, на четверть несчастной, даже в самые удивительные моменты.

И я вернулась в номер с маленькой книжкой итальянских стихов, которые неумело читала вслух, закусывая Пармской ветчиной и свежим хлебом. Ристретто всё ещё гулял в крови, бодря мою и без того буйную кровь.

Артур позвонил, когда я уже почти задремала над книгой. Его голос был взволнованным, наверное, потому что мы так и не поговорили нормально после того самого известия.

– Привет, всё нормально?

– Привет, да, – я помедлила немного, закладывая страницу и переворачиваясь на спину. Мы всегда говорила часами. – А у тебя?

– Да, – сзади послышался голос Розы, от которого меня передёрнула. – Слушай, тут появилось сообщение про твоего Рождественского... Короче, его объявили в розыск.

– Ничего себе, – от удивления я вскочила с кровати, но ноги мои стали не устойчивыми. Я села обратно. – Ссылку?

– В вотс аппе.

Я отключилась и тут же прошла на какую-то не самую популярную страницу.

“Завидный холостяк и талантливый бизнесмен. Ему не было равных. Куда же делось молодое дарование знаменитой фамилии? Связано ли это с недавним самоубийством второго отпрыска Игоря Ласневского?”

У меня перехватило дыхание... Игорь, Рождественский. Я пыталась осмыслить то, что прочитала дальше, но в голове стоял туман и мне не удалось разобрать ни слова. Через полчаса лицезрения потолка я позвонила начальству. Никто не верил в самое страшное, ему приписывали романтическое путешествие с какой-нибудь PR-щицей дома Gucci. Я ещё раз убедилась, что людям куда проще верить в то, что не требует затемнения в настоящем.

Я уже не помню, как прошло моё римское мероприятие и как я прилетела в Москву. Судя по тому, что меня не уволили, всё было прекрасно, кроме того, что мой бывший ухажёр убил себя, а возможный ухажёр оказался пропавшим без вести.

Мой приезд выпал на выходные. Я, естественно, позвонила Артуру, потому что нуждалась в нём особенно остро. Но они с Розой купили билеты на концерт, и она так давно хотела сходить на эту группу, и, вообще, не надо беспокоиться, ведь это почти посторонний мне человек. Я повесила трубку с ощущением, что теперь мой лучший друг совершенно чужой мне человек. Ну и не надо, ну и пожалуйста.

Суббота застелила улицы Москвы снежным покрывалом. У меня был пустой холодильник и желание поесть, впервые за эти долгие несколько дней. Я отправилась в свою любимую кофейню, взяла омлет с беконом и сыром, блинчики и самый большой лавандовый раф. Как только с едой было покончено, я почувствовала некоторое облегчение и открыла свой смартфон. Лида писала о каком-то новом канале с развивающими лекциями. Крайне не вовремя. Марина отправила как минимум пять взволнованных сообщений, в которых больше угадывалось желание сплетен, чем серьёзное беспокойство за пропавшего человека. Я убрала телефон в сумку, потому что знала, что сейчас меня будет раздражать любая незначительная мелочь.

В подъезде, пока я копошилась в замке, кто-то схватил меня за локоть. От неожиданности я с разворота ударила незнакомца, отчего тот слегка скрючился, но тут же разогнулся.

– Вот это удар! – Рождественский улыбнулся. Что-то в нём совершенно изменилось, что-то, что я списала на трагедию с братом. – Пригласишь внутрь?

Я раздумывала, но впустила. В конце концов, не маньяк же он. Рождественский попросил чай и оглянувшись, сел на стул в самом углу комнаты. Вернувшись с напитками и несколькими бутербродами, я опустилась на диван, служивший мне кроватью, и поставила поднос на стол. Он секунду мешкал, видимо, оценивал, стоит ли поглощать колбасу и сыр, когда на свете есть авокадо и цельнозерновые хлебцы,

но всё-таки взял один.

– Ничего не хотите объяснить? – я искала в нём загадку, какую-то тайну, но он казался абсолютно пустым.

– Нет.

– Нужно сообщить твоим, что всё нормально... – я хотела взять телефон в руки, но остановилась. – Вы скрываетесь?

– Ты, – он положил надкусанный бутерброд на тарелку. – Я же уже говорил, чтобы ты обращалась ко мне на “ты”. Почему тебя надо всегда уговаривать? – видимо, он понял моё смущение от такого раздражённого тона, поэтому продолжил мягко. – Я не скрываюсь не от кого, просто мне иногда нужно побыть одному. Я сам приезжаю к родственникам и сказал, что я в командировке. Не думал, что им потребуются срочно разыскать меня. Мама всегда впадает в истерику раньше времени.

– Да, бывает такое, – только вот что он делал у меня. – Вы, то есть ты приехал узнать результаты поездки?

– Все прошло хорошо, я знаю, – он опустил глаза. – Ты уже знаешь про Игоря?

– Да, – я чуть помедлила, – сочувствую вам от всего сердца.

– Он был пиявкой на теле моей семьи, но мы все любили эту пиявку. Я не ожидал, что он дойдёт до такой крайности. Видимо, все самоубийцы выглядят прилично перед смертью.

– Если мы вообще можем как-то оценить состояние другого человека со стороны, – я отпила кофе из своей чашки,

от взял свою в руки, но так и не прислонил её ко рту. – Вы читали Толстого? Анну Каренину? – он кивнул. – Левин – хороший пример того, как мысли о кончине могут проникать в самую неожиданную голову.

Я осеклась, потому что такой разговор в контексте Игоря казался преждевременным и кощунственным. Но моя переполненная вопросами голова жаждала объяснений. Я была готова к расспросу, но что-то в его состоянии останавливало меня.

– Чем помочь?

Его яркие глаза впились в меня клещами, я тут же поняла, что именно этого он ждал от меня. Если бы во мне не было столько скромности, я бы просто отказалась от своих слов, но меня одолевали сомнения.

– Сможешь уехать со мной из города на пару дней? – он закусил губу и на секунду мне показалось, что он также сомневается в сказанном, как и я. – Конечно, я понимаю, у тебя своя жизнь.

– Нет-нет, я не против. Если только начальник даст несколько дней отпуска или отгула, – моя улыбка не нашла в нём отклика, Рождественский замер на стуле с чашкой в руках, из которой не выпил ни глотка.

– Да, об этом не беспокойся. Возьми что-нибудь тёплое, у меня домик есть, но прямо в лесу. Там достаточно холодно, не хотел бы, чтобы ты простудилась, – он поднялся на ноги и подошёл к двери. – Спасибо тебе. Мне сейчас не помешает

компания, – я улыбнулась, но уголки его губ не дрогнули. Мы дошли до входной двери, я его отпустила, но у лифта он обернулся. – Не говори, пожалуйста, никому. Я не хочу лишних слухов, моя семья и так в полном дисбалансе.

Я кивнула. Через пять минут я уже обсуждала с девочками по конференц-коллу такую новость. Естественно, с пометкой “никому ни слова, но...”. Если бы я только знала, что женская болтливость окажет мне невероятную услугу.

Глава 20.

Мы ехали по неровным дорогам Подмосковья, смахивая дворниками снежинки с лобового стекла, но они упорно падали новой волной. Я с небольшой сумкой вещей то и дело скрещивала пальцы, хотя в салоне было тепло. Рождественский казался слегка подавленным, я бы даже сказала, почти расстроенным. После смерти брата это выглядело нормальным, но что-то внутри меня отчаянно протестовало против поездки. Интуиция, как я узнаю позже.

Домик оказался очень уютным, но от его уединения мне сводило скулы. “Тут я бываю отшельником,” – прокомментировал Гоша (мы договорились по дороге, что я так к нему обращаюсь). Вообще-то, на таком моменте в одном из моих многочисленных триллеров, героиня, слишком наивная и откровенно тупая, отговаривает себя от подозрений. Но я себя не отговорила, я отправила геолокацию в чат Лиде и Марине, с просьбой вызвать полицию, если я не выйду на связь в оговоренное время. Две точки: 10 утра и 10 вечера. Да, со мной не забалуешь.

Внутри дом оказался слишком мужским: всё лежало чётко на своих местах, никаких рюш, никаких сантиментов. Отсутствие деталей, так любимых каждой девушкой, обрадовало меня, потому что это значило, что я не была частью общего потока. Особенность, выделение – то, к чему стремятся

все женщины с самого рождения, чего ждут от общества и более всего от мужчин. Я хотела бы закрутить роман с хозяином этого дома и наполнить его всевозможными крошечными мелочами, создавая уют и тепло.

– Я купил кое-что из еды. Как на счёт курицы на углях и салата? – его яркие глаза от снега становились ещё чётче, что завораживало меня. Белый свитер с высоким горлом и пушистый снег за окном. Это ли не новогодняя сказка? – Приём.

– А, – я улыбнулась. – Я займусь салатом, с тебя мясо.

– Ты вызываешь желание разуться.

– То есть?

Он не ответил мне. И хотя это выражение вызывало странные ощущения, мне оно казалось чем-то безусловно ценным.

Мы провели обед в уютной тишине, но что-то внутри меня грызло. Как-то неподобающе хорошо складывалась эта история. Я, мой начальник, этот дом. История Золушки из деревни Гадюкино всегда казались мне чем-то если уж и реальным, то как минимум удручающим. И вот я собственной персоной часть какого-то русского сериала с канала России.

– Всё хорошо? – этот вопрос он задавал трижды, все предыдущие разы я кивала и смущённо отворачивалась. Стоит ли гневить судьбу? – На работе я сказал, что у нас важная командировка, могут возникнуть сплетни или пустые разговоры. Я, конечно, верю в людей...

– Не переживай, – я всё ещё делала усилия, обращаясь к

нему на “ты”. – Никто не поверит, что такой мужчина заинтересовался мной.

– Тут ты права, – я приподняла бровь от удивления. Только женщина может говорить о себе всякие гадости. Нельзя же её в этом поддерживать, в самом деле. – Я не это имел в виду, – он взял мою ладонь и слегка погладил костяшки большим пальцем. – Ты удивительная женщина, такая жена с рождения, понимаешь? Просто возле таких как я представляют моделей без мозгов и чувства такта. Их сомнения – это комплимент тебе. Кто ещё способен сломать систему?

Выкрутился. Но я не могла отрицать справедливость его слов.

В беспробудном спокойствии прошло несколько дней, после чего мы вернулись в Москву. Единственный вопрос, который я мечтала швырнуть ему в лицо, был “почему ты всё ещё не поцеловал меня?” Хотя бы. Для начала. Как-то странно, когда два взрослых, симпатичных друг другу человека не могут отдаться чувствам в физическом аспекте. Эпиляция пропала даром.

Но после долгих эгоистичных терзаний я всё-таки вспомнила, что Рождественский переживал не самый простой период в своей жизни. Я должна была поддержать его, а не концентрироваться на своих личных мечтаниях. В таких вот личных разладах прошло много недель. Мы общались, ели вместе, ходили в театр, но дальше дело не шло. И чем дальше заходили наши безымянные отношения, тем больше бы-

ло вопросов у моих подруг и меня. Если им я могла щёлкнуть по носу, то себе вряд ли.

В первый день весны он снова пригласил меня в тот дом. Я сверила календарь, собрала все самые элегантные домашние наряды и приготовилась к отпуску, который заслужила. Было всё ещё достаточно холодно для шапки и пушистого палантина, зимняя резина врезалась в клубы замёрзшего снега, а я сидела на переднем сидении и ставила ноги так, чтобы они казались худее. Кстати говоря, за наш продолжительный предромантический период я всё-таки умудрилась сбросить пару килограмм. Стала ли я себя чувствовать иначе? Безусловно. Живот всё ещё не прилипал к позвоночнику, но мои выпуклости казались мне куда менее выпуклыми.

Всем плевать на толстых девушек. Да проклянут меня все бодипозитивщицы мира, но поверьте моему опыту: если вы носите размер более M, мужчины не так уж охотно будут стремиться к вам на помощь. Всё начинается с мелочей. Уступить место в вагоне метро худосочной красавице – неосознанное желание по флиртовать с ней, пусть даже и в параллельной вселенной. А вот перед толстушкой можно и не блистать галантностью. Женщины столько лет боролись за равные права, но разве хоть какие-то представители земли рождаются равными? Мы все сотканы из случайного набора обстоятельств и выбора.

– Оставлю радио?

Видимо, моё молчание Гоша расценил, как претензию в

адрес его молчания. Но это было не так. За весь период нашего общения я ни разу не сомневалась в его адекватности и симпатии ко мне. Возможно, именно это и удивляло меня с учётом отсутствия у нас конкретных физических отношений. В может Емец прав, женщине постоянно нужен самоанализ.

Дом во второй мой визит показался ещё более уединённым. Наверное, сказалось то, что Гоша выкупил часть земель подальше к городу. Теперь тут могло разместиться целое родовое гнездо с дубовыми рощами и конюшнями. Но мой начальник хотел разместить здесь (сама не верю, что пишу это) ферму. Да-да, именно это ремесло он пророчил себе в старости, как “простой труд, уважающий жизнь также как смерть”.

Лично я была от земли далека, огороды не любила, а с животными ладила отлично. Ферма так ферма, нашим будущим детям это точно понравится. Я погладила живот и взглянула на его фигуру возле багажника. В этот приезд между нами произойдёт что-то. Либо мы выйдем на новый уровень, либо прекратим бултыхаться на старом. Я больше не собиралась оставаться в наскучившей неизвестности.

После чудесного дня на снегоходе, мы устроили ранний ужин, здоровый для него, правильный для меня. За это время я обучилась многим полезным рецептам, чтобы не травмировать психику будущего мужа своей любовью к жареным макаронам и булкам с маслом.

– Твоя комната та же, – он взял в руки ноутбук и с виновато-

тым видом посмотрел на часы. – Мне нужно срочно позвонить в Америку. У нас разный часовой пояс и это вообще не терпит отлагательств. Ты меня извинишь?

Я улыбнулась его безукоризненным манерам и пошла в комнату. Надо освежиться, принять боевую готовность и спуститься к нему для разговора. Мы либо вместе, либо нет. В конце концов, мне совсем недалеко до 30, а я веду себя как школьница.

Правда, когда я спустилась вниз, хозяина дома след простыл. Я посмотрела на часы, спать ещё рано. Обход дома занял какое-то время, но не дал результатов. Я была совершенно одна. Именно в тот момент моё природное любопытство взяло вверх, и я проскочила наверх, чтобы заняться самым омерзительным поступком. Обыском.

В его комнате интересного почти не было, так, по мелочи, боксеры известных марок (ура, не плавки), слишком отглаженные вещи (я таким похвастаться не могла), игральные карты с египетскими богами. Скучно и совершенно не информативно.

Детективный опыт читателя подсказывал мне, что самое таинственное всегда находится в закрытых комнатах или подвалах. Но в землю уходил только винный погреб, а все двери открывались без особенных усилий с моей стороны. Я выглянула в гостиную с высоты второго этажа, всё тихо. Так я пошла по очереди в каждую комнату. Полки со сменным бельём, американизированный минимализм, никаких

тайных дверей или закрытых сундуков. Даже придраться не к чему.

Глупой хлопок отвлек меня от увлекательного расследования, и я спустилась вниз. Конечно, мне могло и померещиться, с таким-то воображением, но, если бы будущий муж застал меня за рытьём в шкафах своего дома, наша свадьба в стиле бохо точно осталась бы в несбывшемся. И как верно я тогда поступила.

Он показался мне нервным и слегка рассеянным. Видимо, переговоры разочаровали. Мой безукоризненный вид всё ещё оставался таким. Но Рождественский не замечал приготовлений или не хотел делать это. Мы сели на диван в гостиной с чашками какао, тишина нависла над нами как туман в ещё спящем лесу. Я чувствовала, что он не собирается действовать. Это злило.

– Почему ты не целуешь меня? – этот вопрос сорвался куда проще, чем мне казалось.

– Что? – он вырвался из своих мыслей.

– Почему ты ни разу не попытался поцеловать меня?

– Не хотел.

Я замерла от такого ответа, куда более неожиданного, чем мне хотелось. Как же просто всё было, как легко это звучало. Я накрутила себе столько возможных причин и обстоятельств, которые способствовали его поведению. А он просто не хотел. Не хотел.

Поднявшись на ноги, я поставила чашку на стол и подня-

лась к себе в комнату. Слезы предательски застряли где-то в горле, глубоко внутри, я достала телефон и набрала Артуру. Мне ответила Роза, явно недовольная моим появлением. “Он в душе. Вообще, лучше бы звонить в дневное время.” Я положила трубку, не прощаясь. Мне так надоело быть правильной и удобной. Куда это привело меня? В коммуналку с одним туалетом на 7 комнат. В дом, где я значу не больше ковра в прихожей. В работу, которой я давно занимаюсь по инерции. Я не пишу, я не читаю. Я целыми днями витаю в облаках, надеясь на лучший исход своей незаметной жизни.

Сон навалился на меня грудой камней. Вернулись кошмары, самые ужасные кошмары. Ночь, лес, я не могу найти выход и не могу вздохнуть от холода. Мёрзнут пальцы, мёрзнут щёки. Белый снег, кипенно-белый. Нет рядом ни одного человека, только яркая мгла, заставляющая отпустить все мысли и мечтать о сне. Нельзя, точно нельзя. Я пытаюсь двинуться, но замёрзшие конечности не слушаются. Какой беспросветный холод.

Я открыла глаза от того, что окно моей комнаты было открыто. Поскольку одеяло я использую только для декора, вся моя кожа в миг стала гусиной. Поднявшись, чтобы закрыть створку и согреться, я поняла, что холод не виновен в том паническом ужасе, который я испытывала. В комнате кто-то был. Я застыла на месте, в моей голове вертелись самые ужасные сцены кровавых фильмов, которые я так любила, и ни одного полезного совета.

– Сядь, – тёмная фигура в углу, Гоша, судя по голосу. – Давай.

Можно ли сопротивляться, когда такой тембр указывает тебе что делать? Пока я не решила, но безопаснее было следовать правилам, хотя бы первое время. Он выдохнул шумно, так, будто ему ужасно осточертела я и эта комната с открытым окном. На секунду я предложила себе прыгнуть, но второй этаж и предчувствие оставили меня на кровати.

– Ты... Как же ты меня раздражаешь... – он тёр шею одной рукой, во второй я увидела пистолет. – Все эти долгие дни... Разговоры, разговоры, разговоры... Ах, тебе никогда не надоедает трещать. Игорю всегда нравились балаболки.

Я молчала, но смотрела не открываясь. Рядом со мной ни одного предмета, которым можно бы было его ранить. Дверь была закрыта, значит он влез в окно, тут ведь щеколда. Интересно, сколько у меня время? Нужно найти подходящий момент и подходящий предмет.

– Я не хотел тебя, правда. Но моя не лучшая часть тянулась к тебе, как железка к магниту, поэтому, будь любезна.

– Почему? – все психи обожают рассказывать свои истории. Давай же, мне нужно время. – Почему ты так поступаешь?

Он удивлённо посмотрел на меня, в глубокой ночи его глаза всё ещё были яркими фонарями. Больше всего меня смутило, что он ни капельки не изменился с того самого первого момента нашей встречи. Во всех книгах и фильмах о нездо-

ровых людях говорят, как о розах в сугробе на улице Мира в Мытищах. Но этот человек оставался привлекательным мужчиной в брендовой одежде.

– Ответ очевиден: потому что я не могу поступать иначе. Не будь дурой. Кто станет рисковать своей шикарной, сытой жизнью, если этого можно не делать?

– Ты убивал людей? – он улыбнулся, тогда я поняла, что тут он планирует меня оставить навечно.

– Я бы не стал использовать прошедшее время, – Гоша снова потёр шею, будто у него началась страшная аллергия. – У каждого человека свой способ расслабиться. Мой общество не признаёт, зато это помогает мне говорить “спасибо” официанту и спокойно проходить мимо бомжей в самом центре города.

– Я не первая? – ничего подходящего, чтобы ударить его. Я судорожно тянула резину и думала, где бы могло быть что-то мне полезное. Но в голове был только Артур. Его худощавая фигура и долгое молчание. Когда мы говорили в последний раз? Какой он меня запомнит? И запомнит ли вообще. Роза будет счастлива, узнав о моей пропаже. А он? Он будет жалеть, что не попробовал полюбить меня? Будет?

– Эй, – его ответ пролетел сквозь меня и, видимо, следовал вопрос, который я проигнорировала за своими мыслями. – Не хочешь спросить, что будет с тобой.

– И что же будет? – безучастно выпалила я. – Выведешь меня из дома, чтобы не оставлять следов? Стрельнёшь в глу-

хом лесу? У тебя там наверняка есть излюбленная опушка. Потом постоишь рядом с трупом, наслаждаясь смесью чувства вины и власти. Вернёшься сюда, возьмешь инструменты, чтобы меня было удобно закопать. А потом сожжёшь все вещи. Так?

– Вау, – он похлопал себя по запястью свободной рукой. – Так ты действительно соображаешь. Всё точно, кроме того, что инструменты уже на опушке. Не люблю ходить туда-сюда.

Он схватил меня за руку, сильнее, чем я ожидала. Дверь и правда оказалась закрыта. Я не сопротивлялась, в этой комнате мне мог помочь только Господь Бог, который пока не послал ангела со стрелами, чтобы пробить череп этому придурку.

Мы вышли в коридор, я усердно вспоминала обстановку. Где же тут хоть что-то полезное? Чёртов минимализм.

Лестница. Опрокинуть его вниз? Глупо. Он держит меня за руку, наверняка, я сломаю себе шею быстрее, чем успею крикнуть. Да и зачем тут вообще кричать?

На первом этаже прямо возле лестницы на столике покоился подарок его партнеров, который мы забрали по дороге в этот дом. “Какая-то ненужная рухлядь. Передарю потом другим.” Это был мой шанс. Я схватила блестящую бумагу и с размаха заехала ему по лицу. Судя по тяжести, вещица была не из бумаги. Послышался треск вперемешку с криком и выстрел. Я побежала в сторону кухни. Надо было взять нож

и бежать со всех ног через дверь, благо прихожая была рядом. Он последовал за мной, я это знала, из этого леса живым выйдет кто-то один.

Конечно, он схватил меня раньше, чем я нашла нож в темноте. Грубо дернув за растрепанные волосы, Рождественский заставил меня потерять равновесии и упасть на пол. Что-то летела на меня из мата, кажется, он пытался дать мне пощёчину, но безуспешно.

Но ведь я не робкая кошечка, я царапала его руку так сильно, как могла, получала удары и снова царапала. Сложнее всего встать на ноги, когда вас волокут. Но у двери мне это удалось. Я ударила его куда-то в область паха, уверенная, что в доме он стрелять меня не станет, а это значит, что тут куда безопаснее, чем снаружи. Вернувшись на кухню, я рванула к ящику и достала нож. Сердце колотилось как в последний раз. Всё будет хорошо, всё будет хорошо. Нужно взять себя в руки и не бояться. Он человек, он просто человек. Если бы только Артур был со мной, если бы только он был со мной!

– А ну иди сюда, сука! – его голос в темноте раздавался колоколом на пустой улице.

Я нагнулась и почти ползком вернулась в гостиную. Мне нужно было сделать то, что делали с пленными в какой-то книге. Сухожилие над пяткой, разрезав которое ты лишаешь человека возможности ходить. Идеальный расклад для меня: он остаётся тут, обездвиженный, а я еду на его машине в го-

род, параллельно позвонив в полицию. У меня нет прав, но кого это волнует? Или просто держу его на мушке до прихода полиции. А какой тут адрес? Только в фильмах они ищут по звонку. Или нет.

Его шаги на кухне едва слышны, я спряталась у дверного косяка в ожидании лучшего исхода. Чёрт! Внезапно меня осенила мысль. Он же был в ботинках! Я ничего не смогу поделаться с толстенным нубуком тимберлендов!

В моей голове сумбурно двигались эпизоды из прочитанного и увиденного. Как защитить себя, если маньяк продвинутый, а ты впервые обороняешься?

Всё произошло слишком быстро, так мне показалось. Он вышел из проёма, и я воткнула нож куда-то под колено. Раздался крик, но мне он слышался где-то в конце туннели. Не знаю, куда я ткнула его во второй раз. Но потом я побежала к выходу, влетела в ботинки и дублёнку, выбежала на улицу. Сзади слышались выстрелы, он не собирался оставлять меня в живых, наша борьба теперь стала жёстче.

Кровавый нож всё ещё был у меня в руках. Лес, белый снег, мороз. Я забыла шапку, полуголые ноги терзал холод. Всё как в моём кошмаре, всё также. Я бежала, не оборачиваясь, но остановилась, когда сугроб достиг колена. Что я делаю? Тут можно только замёрзнуть насмерть. У меня нет телефона, я не знаю, где дорога. Ну почему я не слушала учителя ОБЖ на уроках по выживанию?

Я спряталась за большим деревом и приготовила нож. Хо-

рошо, что перчатки были в кармане. Не знаю, сколько я простояла там, в ожидании чего-то лучшего. Но в какой-то момент я поняла, что мне придётся вернуться. Здесь меня ждёт смерть, а там, возможно, я смогу спастись.

Дом был всё таким же мрачным и тихим. Я подкралась к крыльцу, почти не способная двигаться от переохлаждения, потом к окну. Аккуратно посмотрела внутрь. Никого. Дать возможность судьбе применить свой молот. Таково было моё решение. Замёрзнуть в лесу в поисках дороги или быть застреленной тут, от рук человека, которого я видела своим возлюбленным. В конце концов, кого заботит моя жизнь?

Я всегда была чужестранцем, одиноким путником. Мне вспомнились строки любимого автора:

Если вас когда-нибудь спросят,

Почему я умерла,

Скажите, что искала любви

И не нашла.

Георгий Рождественский убил меня выстрелом в спину прямо в дверях своего дома. Последнее, о чём я подумала перед тем, как закрыла глаза: небо, бесконечно синее и прекрасное, полное звёзд и чужих надежд. Какая же красивая эта жизнь, Артур.

Глава 21.

Розовое платье так некстати возле свадебного венца. Кремовые стулья с уродливыми бантами и куча гостей, слишком ярких и помпезных. Эта свадьба сошла с обложек журнала “Вкуса.net” и больше не хотела возвращаться назад.

Артур всегда хотел скромную свадьбу где-то на берегу океана, подальше от знакомых, но сегодня он светился, как начищенный самовар, что умиляло гостей. Роза, как всегда, хохотала не к месту, отчего её глубокое декольте обнажало остатки скромности. Платье-рыбка, чтобы все помнили у кого тут самая округлая попа. Она была вульгарна и отвратительна, жена моего лучшего друга.

Я сидела где-то в самом конце в своём слишком простеньком наряде. После того рокового выстрела я надеялась не очнуться, но госпожа Судьба со своей барской руки решила иначе. Всему виной Лида, которая не смогла до меня дозвониться, чтобы посоветоваться на счёт своего нового проекта. После 3 не отвеченных она набрала в приемную Рождественского, там ей сказали, что он уехал, а я в отпуске. Сложив 2+2, она решила найти адрес того самого дома, с чем справилась не очень удачно, а так как её новый поклонник молодой майор московской полиции, поднять тревогу труда не составило. Меня нашли на полу с пулей в спине, потому что мой андроид не захотел умирать, а геоданные подклю-

чены везде, где можно. Почему Рождественский не закопал меня? Я не знаю. Возможно, просто не успел, ведь полиция появилась неожиданно и со всеми фанфарами. А, возможно, просто не захотел. В любом случае, теперь он в розыске, а я со шрамом и не самым приятным опытом. Мечта о счастливом браке снова оказалась иллюзией, а я долго реабилитировалась. Психолог сказала, что мне нужно расслабиться.

Вуаля. Я сижу абсолютно расслабленной на свадьбе человека, которого люблю больше всех на свете. Может, он совершает самую большую ошибку в своей жизни, а, может, нет. В любом случае, я не была для него той самой женщиной, иначе такое бы никогда не произошло. Правда?

Когда он сказал: “согласен”, я заплакала. Теперь всё в нашей возможной жизни закончено. Мы уже почти не общались, а как только у Розы появится инструмент манипуляции в виде ребёнка, я стану прошлым. Ну и пусть, лишь бы он был счастлив.

Брат невесты, молодой и чудаковатый, приглашал меня на танец, но я была просто не способна выдержать это. Продав обязательные поздравления молодых, я встала, чтобы покинуть свой пост. Но в самых дверях Артур нагнал меня.

– Уже уходишь?

– Да, – смутилась я, будто была поймана за воровством. – В понедельник выходит новый начальник, нужно разобрать документы. Как и перед 3 предыдущими. Проклятое место, – мы улыбнулись.

Это странное отчуждение у родных людей напомнило мне, как мало можно описать человеческие эмоции.

– Я ведь твой лучший друг? – я знала, что услышу это в последний раз. И знала, что он никогда не отвечал прямо на этот вопрос, как и на любой другой.

– Я очень люблю тебя.

Он обнял меня так крепко, как только мог, а потом резко отпрянул и ушёл обратно. Это был первый раз, когда он сказал мне те самые слова, пусть и не в том оттенке, который бы меня устроил.

Жаркое лето с брызгами свежести нависло над Чистыми Прудами. Я вышла из метро на своих уставших от каблуков ногах и отправилась в любимую кофейню у дома. Зазвонил телефон.

– Ну и как всё прошло?

– Я бы смотрелась рядом с ним куда лучше, – я улыбнулась коварному смеху Лиды. – А у тебя?

– Его семья от меня просто в восторге, есесно, – она быстро затараторила про шок-контент от его родственников. Я поняла, что они действительно ей понравились.

– Я захожу в кофейню, так что наберу тебе позже.

Там как всегда было уютно и просто, без людей и шума. Я осмотрела витрину внимательно. Бариста поймал меня у круассанов и тут же улыбнулся.

– Лавандовый раф, 80% арабики? – он победно просиял, я не отличалась оригинальностью.

– Пожалуй, я возьму айс-кофе, – чуть помедлила я. – А что интересного есть из сиропов?